

В. С. ФЛЕРОВ

**ПРАВОБЕРЕЖНОЕ ЦИМЛЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ В СВЕТЕ
РАСКОПОК В 1987-1988, 1990 гг.**

Волею судьбы мне выпало стать очередным после многочисленных предшественников исследователем Правобережного Цимлянского городища. Начальная история изучения этого уникального памятника достаточно полно изложена М. И. Артамоновым (1), а затем с повторами И. И. Ляпушкиным и С. А. Плетневой. Нет смысла воспроизводить ее вновь. Позволю ограничиться лишь некоторыми моментами, почти без ссылок на известную всем литературу.

В первой половине XIX в. в среде возникающей донской казачьей интеллигенции зарождается интерес не только к древностям казачьим, но и значительно более ранним, не в последнюю очередь к хазарским. Одним из первых к ним, в том числе и к Правобережному городищу, обратился В. Д. Сухоруков в своих исторических описаниях Земли Войска Донского. Значительно большее и уже целенаправленное внимание на городище хазарской эпохи обращает с середины века известный донской краевед, основатель Донского областного музея Х. И. Попов (1834-1925) (2). Справедливости ради отметим, что внимание Попова было привлечено не столько непосредственно к городищу, сколько к проблеме локализации Саркела, волновавшей затем умы археологов еще почти столетие. По инициативе Попова был сделан первый в XIX в. план городища. При всей неточности этот план любопытен для нас как документ, отражающий уровень археологических исследований в России середины прошлого века (3).

Как ни малы с современных позиций результаты работы донских краеведов по изучению Правобережного городища, но именно они привлекали к нему и другим средневековым нижнедонским городищам (Семикаракорскому, Левобережному) внимание профессиональных археологов В. И. Сизова, Н. И. Веселовского, А. А. Миллера. При всем том, что интерес последних к городищу был кратковременным, а обращение к хазарской археологии лишь эпизодом их научных биографий, Правобережное городище, как и другие нижнедонские, благодаря их деятельности занимает на страницах хазароведческих трудов заметное место. Примечательно, что в это же время, то есть в конце XIX - начале XX в., начинается исследование и самых северных аналогов Правобережного Цимлянского городища - Верхне-Ольшанского и Маяцкого на Среднем Дону (4; 5; 6). На сходство средне- и нижнедонских каменных крепостей только четверть века спустя укажет М. И. Артамонов (1, с. 30; 7, с. 154). С его именем связано и начало серьезного изучения Правобережного городища. Впервые описав городище в 1935 г., М. И. Артамонов затем неоднократно обращался к этому памятнику, но провести раскопки на нем самому не привелось. К ряду высказываний М. И. Артамонова и снятому им плану городища мне еще придется обращаться, но заранее отмечу: многие его неоправдавшиеся впоследствии предположения и исторические выводы, связанные с этим памятником, никак не снижают его роли в сложении российского хазароведения, включая его археологический раздел. Первые же значительные раскопки Правобережного Цимлянского городища провел И. И. Ляпушкин в 1939 году (8).

Следует сказать, что "раскопочная" судьба Правобережного городища складывалась весьма неудачно. И. И. Ляпушкин не оставил ни отчета о раскопках, ни систематического их описания. Первая краткая предварительная публикация, как и последующие, (9; 10) не позволяет в должной мере восстановить картину раско-

панных им участков. Исследователь по неясным причинам даже не опубликовал их общего плана. Как читатель уже знает, доступные материалы раскопок И. И. Ляпушкина только теперь использовала в настоящем сборнике С. А. Плетнева. Отвлеченный другими задачами, И. И. Ляпушкин раскопки городища не продолжил.

Через двадцать лет это сделает С. А. Плетнева, а полную публикацию итогов своих раскопок она смогла предпринять только ныне, то есть через три десятилетия, когда впечатления от “живого” раскопа уже несколько стерлись. Коренным образом ныне изменилась, по сравнению с предложенной в 1964 г. (11), ее трактовка памятника. Наконец, более четверти века спустя после раскопок С. А. Плетневой начались в 1987 г. наши.

Я не случайно акцентировал внимание на временных разрывах трех этапов раскопок Правобережного Цимлянского городища. В них отсутствовала столь желательная при исследовании любого археологического объекта преемственность. Исследователи пользовались разной методикой и приемами раскопок, что не могло не сказаться и на выводах каждого. Не удивительно, что в понимании стратиграфии памятника и места Правобережной крепости в истории Хазарского каганата единства нет.

Не могло на качестве раскопок как И. И. Ляпушкина и С. А. Плетневой, так и наших не сказаться отрицательно и мизерное финансирование. Именно по этой причине раскопки городища после 1990 г. прервались, хотя их продолжение крайне необходимо. Дело в следующем. Правобережное городище, в отличие от соседнего Саркела, не попало в зону затопления Цимлянского водохранилища в 1951 г., а оказалось непосредственно на его берегу, что стало для него роковым обстоятельством. Пятидесятиметровая толща правого берега, на котором стоит городище, сложена из пластов чистого сыпучего песка. Под действием волн, а затем и ветровой эрозии, берег начал интенсивно и со все возрастающей скоростью разрушаться, а вместе с ним начало разрушаться и городище! К настоящему времени уже исчезла вся линия самой длинной восточной стены. Процесс разрушения идет со средней скоростью 1 м в год. Не трудно подсчитать, что в ближайшие десятилетия городище будет уничтожено водохранилищем. Сохранить его для науки могут только широкомасштабные раскопки. Участь Правобережного городища вообще-то типична для многих выдающихся, не говоря о малоизвестных, памятников археологии в стране.

Несмотря на отсутствие в течение десятилетий развернутых публикаций, городище прочно вошло в научный обиход у нас и за рубежом, особенно в Болгарии (12, с. 147 и др.), в связи с решением проблем генезиса материальной культуры праболгар. Издание материалов последних исследований на городище при всей его неполноте и ряде огрехов в самих раскопках видится необходимым и по той причине, что в настоящее время другие каменные крепости Хазарского каганата не изучаются и на большие раскопки на них в обозримом будущем рассчитывать не приходится. Работы на Маяцком городище завершились в 1982 г. На Верхне-Ольшанском мне удалось заложить лишь небольшой пробный раскоп на крепостной стене в 1991 г.

Правобережное Цимлянское городище было явно не рядовой крепостью, хотя время и не сохранило ее подлинного “хазарского” имени. В XIX в. среди казаков городище известно как “Буй-городок” (13, с. 278). Мне представляется, что возводить основу “буй” к IX-X вв., как это делает С. А. Плетнева, было бы неверно. Сохранению названия крепости никак не способствовала непрерывная смена

населения Нижнего Дона на протяжении X-XVI вв., то есть до утверждения здесь постоянного казачьего населения. Не удивительно, что до колонизации Подонья русским и украинским населением не дожили названия ни одной крепости времен каганата. Новое население не знало даже русское "Белая Вежа", не говоря уже о "Саркеле". В XIX в. городище Саркела именовалось вполне по-казачьи - "Черкесский городок" (1, с. 6). По указанной причине неприемлема попытка отнесения ко временам каганата названия другого нижнедонского городища - Семикаракорского, ведь даже этимологизация его (сама не бесспорная) как "крепкая (сильная черная) желтая крепость" (14, с. 50) никак не указывает на время появления этого названия на местности и не предполагает перенесение названия казачьей станицы на расположенное в нескольких километрах от нее городище. Интересно и показательно, что название "Буй-городок" до нашего времени не дожило, что, конечно, связано с очередной сменой населения (в годы гражданской войны и позднее выбита значительная часть коренного казачества, затем приток строителей Цимлянской ГЭС, миграция населения с мест, затопленных водохранилищем). В 1987 г. самое ближайшее к городищу население винсовхоза "Цимлянский" называло городище "Белая гора", но объяснить происхождение этого топонима не может. Вероятнее всего оно связано с перекрывающими городище пластами обломков белых меловых блоков - остатками крепостных стен и башен. Впрочем, это только мое предположение.

Как выглядит городище ныне? Картины, изображенной на фотографии И. И. Ляпушкина, сделанной до появления Цимлянского водохранилища, уже нет (10, с. 91). Вместо пологого склона, спускающегося от основания прежних крепостных стен к берегу Дона, образовался вертикальный сорокаметровый обрыв, обнаживший постоянно осыпающиеся пласты песка. Снизу обрыв подтачивается водохранилищем. Сама мысль о берегоукрепительных работах перед городищем представляется в условиях нашей разрухи фантастической. Изменилась со времен первых раскопок и площадка городища, покрывшаяся буграми оплывших отвалов вокруг раскопов И. И. Ляпушкина и С. А. Плетневой. Они несколько уродуют живописный вид памятника, но, с другой стороны, благодаря этим отвалам без труда определяются места прежних работ. Нам удалось спустить в раскоп № 5 С. А. Плетневой весь отвал с его южной стороны, но северный оставлен на месте. Грунт из нашего раскопа № 6 большей частью сброшен с берегового обрыва, а частично в Нижнюю балку. Для ориентира оставлен лишь небольшой отвальчик на южной оконечности городищенского мыса.

Наша экспедиция в 1987-1988 гг. носила наименование "советско-болгарской" в связи с участием в ее составе болгарских археологов Л. Дончевой-Петковой (1987-1988 гг.) и Р. Рашева (1987 г.). В 1990 г. экспедиция называлась "Цимлянской". В раскопках в разные годы принимали участие археологи А. Э. Винников, А. Козлов (Воронеж), К. И. Красильников (Луганск), А. В. Расторопов (Пенза), Н. А. Фонякова, Д. И. Фоняков (С.-Петербург), А. В. Шамрай (Славянск). Все три года на городище работала В. Е. Нахапетян, в 1988 и 1990 гг. она на равных с автором правах возглавляла экспедицию.

С удовольствием сообщаю, что под влиянием деятельности нашей экспедиции населенный пункт "Винсовхоз "Цимлянский" в 1989 г. был переименован в поселок Саркел. Таким образом на карте вновь спустя тысячелетие появилось имя одной из уникальнейших хазарских крепостей. В связи с затронутой здесь проблемой названий древних городищ любопытно отметить, что большинство населения совхоза восприняло этот акт без должного понимания. В этом сказывается

характерное для него неприятие дославянской истории, а для казаков - доказательств.

***

Для наших раскопок в 1987-1988 и 1990 гг. был выбран самый южный угол городища. Раскопки здесь ранее не проводились (исключая шурф В. И. Сизова), и никаких определенных выводов о степени застроенности и характере оборонительных сооружений этого самого удаленного от главных ворот крепости участка при осмотре поверхности сделать было невозможно. Справедливости ради отмечу, что конфигурация южного угла крепости, изображенная на плане И. Санцыперова 1742 г., в целом оказалась близка к действительной (об этом плане см. далее). К сожалению, на начало работ мы этим планом не располагали.

Вскрытый нами участок получил наименование "раскоп № 6", тем самым была продолжена нумерация раскопов, начатая С. А. Плетневой, а сам раскоп вписан в сетку, установленную еще И. И. Ляпушкиным и воспринятую также С. А. Плетневой. Раскоп № 6 размещен в 8 м южнее пятого (рис. 1,5). Не отказываясь от сетки И. И. Ляпушкина, в основе которой лежал квадрат 2 x 2 м, мы дополнительно разделили площадь раскопа на более крупные единицы - "участки" размером 8 x 8 м (рис. 2). Всего их оказалось в итоге 22 (I - XXII), из них ряд участков получились неполными: это прибрежные IV, VIII, XI, XIV, XVI-XVII и вскрытые частично XVIII, XX-XXII. В 1987-1988 гг. работы проводились на основной площади раскопа - "треугольнике", ограниченном с севера линией "Л" - протяженностью 32 м, а с запада "9" - протяженностью 44 м. С востока раскоп ограничен береговым обрывом. В 1990 г. к этой площади был добавлен с запада выступ в составе участков XVIII, XIX, XXI, XXII, а с северо-востока сделана небольшая прирезка - участок XX, на котором оказались материалы исключительно эпохи бронзы. Общая площадь раскопа 6 составила в итоге 1072 кв.м.

Вся площадь раскопа была покрыта оплывшими буграми - следствие раскопов при разборке крепостных стен в 1743 г. Этот бугристый рельеф был сглажен песком толщиной до 0,5 м, нанесенным на городище в основном за последние десятилетия, когда в результате деятельности водохранилища обнажился коренной его массив, о чем уже говорилось. Примечательно, что наносы песка покрыли также раскопы и отвалы 1939, 1958-1959 гг. Забегая вперед, укажу, что дневная поверхность времени строительства крепости при общей горизонтальности была также неровной, но не настолько, как образовавшаяся в XVIII в. В целом же всю древнюю площадку городища следует признать горизонтальной. Заметный склон на восток, то есть в направлении к пойме Дона, начинался за восточной крепостной стеной. Ни стены, ни склона ныне уже нет.

Стратиграфия на раскопе № 6 будет рассматриваться специально. Пока же для общей ориентации читателя дам ему схему. Вся площадь раскопа была перекрыта сплошным развалом обломков (от крупных до щебня и крошки) белых известняковых блоков крепостных сооружений. Его толщина достигала 0,5-1,5 м. На южных участках XV-XVII и XIX он сходил на нет. Собственно средневековый культурный слой серого цвета толщиной от нескольких сантиметров до полуметра залегал непосредственно под этим массивом, в свою очередь переходя в темный слой эпохи бронзы. На многих участках между ними прослеживалась прослойка стерильного песка.

В ходе раскопок открыты основания крепостной стены и двух башен, прирватного помещения, восемь юртообразных жилищ, несколько хозяйственных ям, два детских погребения, большие серии керамики и предметов различного назна-

чения, остеологическая коллекция (15). По эпохе бронзы: два жилища, изделия из кремня и керамика.

Крепостные сооружения

Как известно, это подтвердили и наши раскопки, остатки стен и башен Правобережного Цимлянского городища (далее ПЦГ) были до основания разобраны в XVIII в. Лишь по счастью для нас случайности в самом южном углу городища эта работа не была доведена до конца. В результате нам удалось открыть комплекс, состоящий из оснований двух оборонительных башен, соединяющей их куртины и примыкавшей к ней постройки.

Основание южной стены было выявлено на участках XIX, XII, XIII (рис. 2; 3). Относительно хорошая его сохранность позволяет в деталях представить процесс возведения и конструктивные особенности. Сразу отмечу, что стены крепости возводились без фундамента. Размеченные под стены полосы выравнивались и при необходимости в пределах 10-20 см углублялись. Подготовленное таким образом ложе будущей стены заполнялось песком. Так, во всяком случае на раскопе № 6, выглядит первый этап сооружения крепостной стены. Песок не только позволял дополнительно выровнять ложе, но, что значительно более важно, служил подушкой для укладки на него плит ракушечника или песчаника, которые и образовывали, собственно, основание крепостной стены. Его ширина, а соответственно и самой стены составляла 4,0-4,2 м. Благодаря естественной способности осадочных пород расслаиваться, поверхности плит были достаточно плоскими, а толщина их составляла 15-20 см в среднем. Никакой дополнительной обработке эти плиты не подвергались, не предпринимались попытки придать им правильные формы, в чем, собственно, и не было особой необходимости. Наиболее часто встречаемые размеры плит составляли 40-70 см, а максимально до 1,30 м. Плиты подгонялись по возможности плотнее, а остававшиеся между ними зазоры и пустоты заполнялись мелкими обломками.

Никакой определенной системы в укладке плит нет, но при внимательном наблюдении можно заметить, что выкладка основания велась от внешней стороны будущей стены к внутренней. Заметно, что плиты удлиненных очертаний предпочитали класть поперек стены. Нет никакой закономерности и в размерах используемых плит: мелкие плиты могли оказаться как у края кладки, так и наоборот. Короче, в дело шли те плиты, которые в данный момент оказывались под руками у каменщиков, но при этом под тонкие плиты песок подсыпался дополнительно, а для толстых делалась выемка. Описанный способ кладки при всей его кажущейся примитивности дал прекрасные результаты. В местных условиях это было единственно верное техническое решение при достижении главной цели - сделать стену устойчивой, избежать просадок. Дело в том, что Правобережная крепость возводилась не на коренной прочной породе, а на культурном песчаном слое эпохи бронзы, который, в свою очередь, подстилали уже естественные непрочные пласты суглинка и песка. Правда, строители Цимлянской крепости не смогли решить иную техническую задачу - сделать основание достаточно горизонтальным. Описываемый участок стены имел наклон по продольной оси с запада на восток, равный трем градусам. Не думаю, однако, что при столь прочном основании это существенно влияло на устойчивость стены.

Последней операцией при подготовке основания была засыпка плит известняковой крошкой (возможно, его заливали раствором), чем и достигалась нивелировка поверхности перед укладкой блоков, а также заполнение остававшихся пус-

тот и щелей между плитами. Описанный участок стены получил условное обозначение - кладка 1.

От оснований крепостных стен, кроме описанного, сохранились еще два обрыва - это "кладки" 4 и 5 на трассе восточной крепостной стены (рис. 2). Кладка 4 расположена на границе участков III и VII. Основание стен здесь представлено более, чем на половину ширины, а в длину на 3,1 м. Как и кладка 1, она состоит из бесформенных плит ракушечника и песчаника, наибольшая из которых (западная) имеет размеры 60 x 95 см. Особенно выразительно выглядят пять плит, образующих внутреннюю грань кладки. Они тщательно подогнаны и выложены по одной линии, что явно свидетельствует о строгой разметке направления крепостных стен. Кладка 4, как и южная, лежит на песчаной подушке и в целом горизонтальна.

Также к внутренней грани восточной стены относятся три ракушечных плиты на участке VII, обозначенные как "кладка 5" (рис. 2). Еще несколько плит обнаружены на границе участков IV и XX. В стратиграфической бровке между этими участками, кроме того, зафиксирована и восточная граница самого ложа стены, заполненного желтым песком (рис. 7,2; 8,3).

Итак, используя как опорные точки описанные южную куртину (кладка 1) и фрагменты восточной стены, в том числе упомянутый разрез ее ложа, мы получили возможность полностью реконструировать с предельно возможной точностью направление восточной стены крепости в пределах раскопа, что и отражено на рис. 2. Полученная реконструкция полностью согласуется и с расположением юго-восточной башни, находящейся на стыке участков X, XI, XIII и XIV. Ширина ее, как и южной куртины, равняется 4,0-4,2 м.

Тем же способом удалось восстановить и направление западной стены, обращенной к Нижней балке, вдоль края которой она и проходила. От западной стены в пределах раскопа i 6 сохранилось немного (рис. 2; 9,1). Это прежде всего две группы небольших обломков плит на участке XVIII, по всем своим характеристикам аналогичные плитам южной и восточной стены. Однако значительно важнее и показательнее оказалось то, что под плитами совершенно четко прослеживалось ложе с песчаной подсыпкой. Особенно выразительно оно выявилось на стратиграфических разрезах. Ложе стены хорошо различимо в северном борту раскопа на участке XVIII между точками V5 и V7 (рис. 9,5). Здесь на нем сохранилась значительная песчаная подсыпка. В четырех метрах южнее ложе прослежено между точками X5 и X7, где также отмечен желтый песок (рис. 9,6). Здесь же на участке XVIII в западном борту раскопа открыт развал крупных обломков белых известняковых блоков, который дополнительно обозначил внешний (западный) край ложа. Особенно хорошо разрез ложа крепостной стены виден на разрезе между точками Ц5 и Ц8 на том же участке XVIII (рис. 9, 2). В этот разрез попало и одно из скоплений плит. И здесь на ложе - заметная подсыпка желтого песка. Наконец, прослеженное направление западной крепостной стены полностью согласуется с расположенной тут же юго-западной башней. Кроме того, реконструированный внутренний край крепостной стены и ее ложа согласуется с расположенной рядом с ним сырцовой кладкой (рис. 9,1), разрез которой см. на рис. 7, 1, 3.

Южный овальный выступ крепости (южная куртина) фланкировался двумя прямоугольными башнями, симметрично расположенными, но различными по конструкции и сохранности. Они получили наименования "юго-восточная" и "юго-западная".

От юго-восточной башни, расположенной на стыке участков X, XI, XIII и XIV, сохранилась почти половина основания, причем наиболее интересная и важная - выступающая за линию крепостной стены (рис. 3). В целом же это было прямоугольное сооружение с размерами: вдоль крепостной стены - около 8,5 м; поперек стены, считая ширину последней, - около 9,5 м, из которых на 4,75 м башня выступала за фас стены. Сквозной проход делил основание башни на две почти равные половины. Юго-западная сохранилась почти полностью, ее ширина около 3,0 м. От северо-восточной сохранилась только внешняя часть, ширина ее около 3,25 м. В конструктивном отношении основание башни совершенно аналогично основанию крепостной стены. В башне также использованы плиты ракушечника и известняка. Длина их не превышала 1 м. Плиты выложены на песчаной подушке на одном уровне с плитами стены, что свидетельствует об одновременности их сооружения. Промежутки между плитами также заполнялись мелкими обломками ракушечника, а сверху основание покрыто меловой крошкой или раствором, что делало их поверхность пригодной для укладки известняковых блоков. Специально подчеркну, что способ укладки плит на песчаную подушку полностью оправдал себя и в применении к башне: ни просадок, ни расползания плит под юго-восточной башней не было. И это при том, что ее фасад выходил уже на начало склона к пойме Дона.

Нетронутым сохранился (при разборке башни в XVIII в.) только один стык ее основания и основания южной куртины. Практически он равен 90 градусам. Возможное отклонение в 1-3 градуса не имеет ни малейшего значения. Во всяком случае стремление к прямому углу сомнений не вызывает.

Башня имела сквозной проем шириной около 2 м. На выходе из башни в проходе были уложены два ряда выточенных из ракушечника блоков. В обоих рядах блоки лежат вдоль прохода. На переднем ряду вырезана ступенька. Длина блоков достигала 0,75 м, ширина и высота - около 0,30 м. Следует отметить тщательную обтеску и подгонку этих блоков друг к другу, особенно в переднем ряду. Причина в том, что они не просто оформляли выход из башни, но и препятствовали высыпанию песка из-под основания на выходе. Пролет имел настил, от которого сохранилось несколько плит, в том числе две над ступенями. Длина их 0,60-0,70 м, ширина 0,35 м. Плитам была придана прямоугольная форма, а сделаны они из материала, который ранее еще не встречался среди строительных материалов крепости. Это почти черного цвета мелкозернистый сланец. От длительного пользования поверхность плит была заполирована почти до блеска. Такая же плита найдена и на внутреннем выходе из башни. К сожалению, в ходе раскопок не обнаружено ничего, что прояснило бы вопрос о конструкции башенных ворот. Не исключено, что ступенька на переднем ряду блоков имела к ним какое-то отношение. Тем более нет данных о типе перекрытия башенного пролета. Что касается его высоты, то она минимум соответствовала всаднику, то есть была не менее 2,5 м.

Для чего предназначался проход в башне? Его ширина в сочетании с обращенностью выхода к Дону позволяет предполагать преимущественное использование для хозяйственных нужд: доставки воды из источников у подножия крепости (они действуют и поныне), прогона скота на водопой, доставки улова с берега реки и так далее, кроме проезда колесного транспорта - пролет для этого узок. Безусловно, пролет в юго-восточной башне имел и иное, важное значение в оборонительной системе крепости. Это были вторые ворота крепости, расположенные на диагонально удаленном от главных ворот углу. Обращает внимание, что весьма схожей была система ворот в соседнем Саркеле, где, помимо главных ворот, была

минимум еще одна проходная башня также с выходом к Дону. Ее вымощенный пролет имел ту же ширину - 2 м (16, с. 13).

Вторая, юго-западная башня, ограничивала южную куртину крепости с запада (рис. 2; 3). От нее сохранилось немного: три группы плит по внешнему периметру. Прежде чем их описать, укажу на важное обстоятельство. В отличие от плит самой крепостной стены и юго-восточной башни, здесь использованы плиты черно-серого сланца с мелкозернистой структурой и гладкими поверхностями, что определяется его слоистой структурой. Из таких же плит была выполнена упоминавшаяся вымостка прохода в юго-восточной башне.

Наиболее выразительная группа плит от основания юго-западной башни обнаружена в центре участка XIX, то есть непосредственно у внешней линии крепостной стены (рис. 3; 9,1). Форма трех из них достаточно правильная, четырехугольная. Длина их около 0,80 м, ширина 0,25-0,50 м, толщина 10-12 см. Эта группа лежала, как и плиты основания крепостной стены, на песчаной подсыпке. Именно эта группа, как мне представляется, находится на стыке крепостной стены и южной боковой стены башни. Плита размером 0,50 x 1,05 м находилась в квадрате Э5. Группа плиток размерами 0,40-0,60 м сосредоточена около точки Ч5. Важно отметить, что все они лежат в горизонтальном положении, хотя рельеф под ними имеет заметный наклон к западу, то есть в сторону Нижней балки. Третья группа обломков плит сосредоточена у точки Э5. Первоначально они составляли одну плиту длиной около 1,25 м при толщине 15-18 см.

Почти все сланцевые плиты лежали в одной плоскости, имеющей общий наклон (соответствующий рельефу) в направлении с севера-запада на юго-восток. Используя их в качестве опорных точек, мы получили возможность достаточно точно восстановить очертания башни (рис. 2; 3). Длина ее вдоль стены составила около 6 м, а за линию крепостной стены башня выступала на 3,75 м. При выравнивании площадки под башню был частично скрыт слой эпохи поздней бронзы, что хорошо видно на разрезе Э5 - Ц5 (рис. 9, 3). Интересно, что под большей частью плит песчаной подсыпки (исключая плиты первой группы) не оказалось. Объясняется это тем, что сам слой эпохи бронзы, в который врезалось основание башни, в основе своей состоял из песка. Однако песок нашел применение и в этой башне. Все внутреннее пространство выступающей за линию крепостной стены части башни было покрыто слоем чистого желтого песка толщиной в центре до 30 см (рис. 9, 1). По краям же его толща уменьшалась до толщины плит. Таким образом, в разрезе пласт песка выглядит выпуклой линзой. В восточном же направлении эта линия переходила в прослойку песка под крепостной стеной.

Никаких данных о наличии в юго-западной башне воротного проема нет. Наоборот, само положение башни, обращенной к крутому эскарпированному склону Нижней балки, не предполагало устройства ворот. С внутренней стороны к башне примыкала стенка из сырцового кирпича, которая служила бы препятствием для входа в башню, если такое и предположить. Башня имела исключительно оборонительное значение. К сожалению, нет никаких оснований для суждений о ее внутренней конструкции. Позволю себе высказать лишь одно соображение. Наличие на полу башни чистого, ни с чем не смешанного и не загрязненного песка позволяет предположить, что пол имел сплошное покрытие и, судя по отсутствию его следов, был полностью разобран в XVIII в. Другими словами, материал, из которого он был выполнен, представлял интерес и для фортификаторов XVIII в. Вероятнее всего, это были уже известные нам плиты из ракушечника или сланца.

Если основание южной куртины сохранилось достаточно хорошо, то от самого ее сложенного из блоков массива остались лишь два небольших обрывка. При том состоянии, в котором до нас вообще дошли остатки крепости, их обнаружение следует признать большой удачей, тем более, что иными данными о конструкции крепостных стен на ПЦГ мы пока просто не располагаем. Фрагменты южной стены получили условные названия "кладка 2" и "кладка 3". Оба находятся у ее внутреннего фаса.

Несколько лучше сохранилась "кладка 2" (рис. 2; 3; 6). В ней в нетронутом положении зафиксировано одиннадцать белых известняковых блоков, из которых десять относятся к самому нижнему слою кладки, один - ко второму. Блоки заметно различаются по длине, менее вариабельна их ширина, но зато достаточно стандартная высота:

Длина,	Ширина,	Высота
73	44	31
79	40	30
89	39	30
91	35	30
95.	30	-
95.	31	-
106	37	29
110	40	-
120	40	-

Итак, судя по приведенным параметрам, для каменщиков важнейшим было выдерживать постоянную высоту блоков, ибо только это обеспечивало горизонтальность последующих, верхних слоев кладки. Ширина имела меньшее значение. Что касается длины, то следует обратить внимание на то, что внешний ряд сложен из более коротких блоков, чем второй, внутренний. Именно во втором ряду находятся самые длинные блоки, в том числе достигающий 1,20 м.

Блоки первого нижнего слоя уложены "тычком", то есть поперек стены. От второго слоя блоков на месте остался лишь один (95 x 30 x 88), лежащий "ложком" и перекрывающий швы между тремя нижележащими. Нет сомнений, что таким же способом перекрывались и нижние блоки второго, внутреннего ряда.

Второй фрагмент стены, кладка 3, находится в 5,5 м западнее, на участке XII (рис. 2; 3). В его составе всего лишь семь почти целых блоков, но только первого, нижнего слоя кладки:

Длина	Ширина	Высота
58	30	35
65	30	35
65	44	25
65	44	27
75	35	25

Как видно из приведенных параметров, блоки этой кладки в целом короче, нежели в кладке 2. Более вариабельна у них высота. Тем не менее система кладки здесь та же. Внешние два ряда блоков уложены "тычком" по отношению к фасау стены. Что касается сохранившихся здесь двух блоков третьего ряда, то они уложены вдоль оси стены.

Нельзя не обратить внимания на своеобразную деталь у трех внешних блоков в каждой кладке - их верхние грани имеют небольшой скос (рис. 6, 5-6). Надо полагать, что скосы были на большинстве блоков нижних внешних рядов кладки.

Учитывая, что концы блоков со скосами выступают за линию стены, можно предположить, что они предназначались для “отбрасывания” скатывавшихся по стене дождевых вод (аналогичные выступы широко используются и в современных домах). Это предположение поддержала и болгарский архитектор Д. Василева.

Описанные обрывки крепостной стены при всей их незначительности позволяют дать полную реконструкцию системы укладки первого, нижнего ряда блоков. Нет сомнений, что она заключалась в следующем: по два ряда блоков укладывались “тычком” по внешнему и внутреннему фасу стены, а между ними, вдоль продольной оси стены, клались два центральных ряда (рис. 4). Такова принципиальная схема, но на отдельных участках стен она могла и нарушаться из-за нестандартной длины блоков: при особо длинных боковых блоках в центре мог оказаться только один продольный ряд. Так или иначе, совершенно ясно, что кладка в основании стены была сплошной, монолитной.

Что касается конструкции стены начиная со второго слоя кладки, то это уже область более или менее вероятных предположений. По аналогии со стенами на Маяцком и Верхне-Ольшанском городищах (17) можно предположить, что стены Правобережной крепости тоже были двухпанцирными с забутовкой (*opus implectum*). Вопрос, однако, в том, с какого уровня стена становилась двухпанцирной: со второго слоя кладки или с более высокого уровня. Дафина Василева (*Выражаю глубокую признательность Д. Василевой за консультацию*) допускает, что монолитным мог быть и второй слой, а также и вышележащие. Мало того, при ширине всего в 4 м стена могла быть монолитной до половины, а то и вся. Теоретически это допустимо. Не следует упускать из виду, что под стенами Правобережной крепости находилось достаточно прочное сплошное основание из плит, явно предназначенное для выдерживания тяжелой монолитной кладки. В связи с этим укажу на Хумаринское городище, внутренность стены которого на отдельных участках “несмотря на четкое выделение панцирных рядов... заполнялось не бутом, а такими же блоками” (18, с. 16). И это при том, что стены Хумаринской крепости не имели ни фундамента, ни плит в основании. Кстати, размеры блоков на этом городище близки цимлянским и колеблются по данным Х. Х. Биджиева в пределах: 1,00 x 0,45 x 0,35; 0,80 x 0,40 x 0,30 м. Но на этом же городище использовалась и двухпанцирная кладка с забутовкой щебнем и битым камнем (18, с. 17). Таким образом, на примере Хумаринской крепости видно, что для Цимлянской крепости вполне допустимо предполагать как монолитную кладку из блоков, так и двухпанцирную с забутовкой. Аргументом “за” для монолитной кладки служит относительно небольшая ширина правобережных стен. Для сравнения напомним, что забутованные и явно непрочные стены Маяцкой крепости были в полтора раза шире (19, с. 218).

Немного о самих блоках Правобережной крепости. Вытесаны они очень небрежно. При стремлении к правильным параллелепипедам выполнялись они со значительными перекосами. На каждом блоке отмечаются значительные колебания всех параметров (длины ребер, толщины, высоты). Кладка велась исключительно “всухую”. Разница в высоте блоков компенсировалась подсыпанием под низкие известняковой крошки. Она же заполняла и пустоты в вертикальных швах. Карьер по добыче известняка, судя по геологическим данным, находился где-то недалеко от городища, но пока не найден. Соответственно трудно судить о способах изготовления блоков. Следы пилы на блоках ПЦГ не обнаружены, но многочисленны затесы от мотыжек. Судя по характеру кладки как в крепостной стене, так и в привратном помещении (см. далее), окончательная обработка и подгонка блоков

производилась в ходе строительства. На многих осколках блоков на раскопе № 6 было декоративное оформление, уже известное по раскопкам И. И. Ляпушкина (10, с. 134). Белые известняковые блоки - это основной строительный материал на ПЦГ, но изредка они вытесывались и из ракушечника. Последние использованы на выходе из юго-восточной башни. Два блока из ракушечника валялись около западной стены привратной постройки (рис. 3). Половинка такого же блока вместе с кирпичом лежала во втором ряду кладки северной стены этой же постройки (рис. 5, 1). Пример использования ракушечных блоков в башне показывает, что они, как более прочные (но трудоемкие в изготовлении), изготавливались для особых целей. В привратную постройку они попали случайно, как и кирпич.

К крепостным сооружениям относится и трапециевидная постройка из блоков, примыкавшая изнутри к южной куртине. Из-за ее явного тяготения к юго-восточной башне она названа п р и в р а т н о й (рис. 2; 5). Северная длинная стена помещения равна 6 м, ширина по линии смежной стены 4,10 м. Протяженность вдоль крепостной стены 8,10 м. Постройка, вероятнее всего, возведена одновременно с крепостью - все три ее поперечные стены врезаются в массив крепостной стены. Соответственно стены помещения и блоковая кладка крепостной стены лежат на одном уровне - на уровне верхней плоскости вымостки из ракушечных плит. Стены помещения сохранились на высоту одного-двух рядов. Кладка велась по той же системе, что и в крепостной стене: нижний ряд - точком, второй, выше-лежащий, ложком, в данном случае в два ряда. Толщина стен равнялась длине блоков нижнего ряда - 70-80 см. Блоки для помещения подбирались довольно близких размеров, но полная унификация не достигнута, а сами блоки редко имеют правильную форму:

Западная стена			Северная стена			
Дл.	Шир.	Выс.	Дл.	Шир.	Выс.	
70	32	38	71	30	38	
65-70	30	40	71	34	34	
65-70	31	39	72	32	38	
65-70	36	37	64	38	41	
65-70	36	38	75	40	40	
65-70	32	35	72	37	40	
65-70	-	38	80	40	-	
65-70	29	-				
65-70	34	35				
80	33	37				
100	32	38				
92	31	-				
Восточная стена			Поперечная стена			
77	35	40	87	42	43	
75	35	40	87	35	44	
75	35	52	88	34	42	
77	40	40	-	30	33	
74	42	-	-	36	38	
			-	38	38	
			Второй ряд	+	+	+
				95	38	-

Горизонтальность кладки достигалась за счет того, что более высокие блоки вкапывались глубже, что хорошо видно на чертежах фасов стен (рис. 6; 1-4). Сте-

ны возведены прямо на слое песка, вероятно, естественном. Только под поперечной стеной оказалась прослойка культурного слоя с включениями щебенки, углей и костей рыб. Происхождение ее не совсем ясно. Либо это свидетельство перестройки, либо же строительный мусор был использован для заполнения естественной впадины под стеной. В любом случае наличие культурных остатков под стеной не является свидетельством возведения крепости на месте более раннего поселения: все три несущие стены постройки, как и крепостная стена с башнями, стояли на песке, перекрывавшем слой эпохи бронзы. Средневековых остатков под ними нет.

Следует отметить, что блоки, использованные в привратной постройке, не изготавливались специально для нее, а брались из общей массы заготовленных. Так, в частности, в кладке нижнего ряда оказалось несколько блоков с фигурными вырезами (на рис. 5 они указаны стрелками). Эти блоки явно предназначались для нижних рядов крепостной стены (рис. 5, 4-5).

Поперечная стена разделила привратную постройку на два помещения различного назначения. Внутренние размеры помещения 1, западного - 3,60 x 2,65. Его пол лежит на 20-30 см ниже основания стен, то есть врезан в слой эпохи бронзы. Никаких вымосток или обмазки на полу не оказалось. На полу, преимущественно по периметру, выявлены многочисленные круглые ямки диаметром 5-15 см и две овальные в юго-западном углу 15 x 30 и 22 x 30 см (рис. 5). Глубина ямок 15-20 см. Вся эта система ямок полностью аналогична такой же в юртообразных жилищах городища. В центре помещения конусовидная яма прямоугольных очертаний с уступами в стенах (рис. 5, 2-3). Размеры устья ямы 1,10 x 1,70, глубина 1,10. Расположение ямы в центре помещения предполагает наличие дощатого перекрытия. В противном случае пользоваться помещением было бы неудобно. Что хранилось в яме, сказать трудно. С учетом расположения привратной постройки между двумя башнями можно предполагать, что в ней находились боевые припасы. На обычную хозяйственную яму она не похожа.

Иным было помещение 2, восточное, размерами 3,00 x 2,80 м (рис. 5, 1,6). Во-первых, в нем легко устанавливается вход - в восточной стене в северо-восточном углу. Дверной проем вымощен двумя плоскими известняковыми плитами (рис. 6, 4), того же формата, что и соседние блоки, но толщиной всего 16 см. Поверхности их затерты. Ширина проема составляет 85 см. Помещение 2 в отличие от первого заглублено всего лишь до уровня лежа плит крепостной стены. Сам пол - это пласт песка. В центре помещения располагался тарелкообразный очаг размером 0,70 x 1,00 и глубиной 0,10 м. Песок под ним прокален, но слой земли в нем незначителен. В помещении выявлено всего десять столбовых ямок. Восемь из них обычные, диаметром 10-12 см. Две - чашеобразные, одна у северной стены, вторая - у очага. При диаметре в 20 см глубина их составляла всего 5 см. Обе прокалены. Некоторый свет на проблему назначения помещения 2 проливают многочисленные находки металлических шлаков. Не исключено, что здесь располагалась мастерская по металлообработке.

Каково назначение описанной постройки, выход из которой был обращен прямо к воротам юго-восточной башни? Наверняка она предназначалась для охраны. Помещение 1 использовалось в качестве караульного; здесь же хранился и минимальный запас вооружения. В помещении 2 находилась мастерская, в первую очередь по вооружению. И, конечно, очаг в нем использовался для обогрева и приготовления пищи. Две аналогичной конструкции постройки частично вскрыты С. А. Плетневой и у главных ворот крепости, но первоначально были приняты за

остатки привратных башен (11, с. 57). Примечательно, что стены всех трех караульных помещений сложены в единой манере.

Сложнее решить вопрос о стенах и крыше привратной постройки. Протянувшаяся по периметру помещения 1 линия столбовых ямок наводит на мысль, что какое-то время кладка стен не поднималась выше двух рядов, а в помещение было встроено подобие юрты. Помещение 1 было заполнено светло-серым песчаным грунтом с включением многочисленных больших и мелких обломков блоков. Встречались и почти целые. Так что не исключается, что постройка была завершена и подведена под крышу, вероятно, односкатную с наклоном от крепостной стены. Не исключен и другой вариант: юрта была встроена в помещение после разгрома крепости и соответственно привратной постройки. За этот вариант говорит тот факт, что вход в помещение, находившийся в северной стене, около северо-восточного угла, был небрежно заложен с использованием упоминавшихся обломка блока из ракушечника и кирпича (рис. 6, 2). Кстати, мы видим, что вход в помещение 1 был оформлен так же как и в помещение 2: он выложен двумя плоскими плитами известняка. Последний вариант реконструкции перестроек в помещении 1 предпочтительнее.

Кроме каменных стен и башен, на раскопе № 6 была зафиксирована и стена, сложенная из кирпича-сырца. Ее развалины обнаружены с внутренней стороны юго-западной крепостной стены (рис. 9, 1). Сырец в стене был чрезвычайно низкого качества. Фактически он формовался из грязи серого цвета и по цвету мало отличался от окружающего слоя. Именно по этой причине большая часть фрагмента стены была в ходе раскопок не замечена и срыта. Зафиксировать стену удалось лишь в разрезе (рис. 9, 1, 3). Сырцовая кладка относится к тому же горизонту, что и основания крепостных стен. Под ней лежала тонкая песчаная подсыпка и мелкая щебенка, относящаяся ко времени сооружения крепостных стен.

Большинство сырцовых кирпичей растрескалось и расслоилось, но некоторые сохранились лучше и могли быть замерены (в см):

35 x 35 x 6,5	36 x - x 8
- x 35 x 7	36 x 35 x 8
35 x 35 x 8	36 x 36 x 8,5
35 x 37 x 8,5	36 x 36 x 9

Из приведенных замеров видно, что использовались сырцы двух почти не отличающихся форматов: 35 x 35 и 36 x 36 см.

В ширину кладка имела шесть рядов, таким образом с учетом швов ширина стены равнялась около 2,15. В качестве связующего раствора использовалась та же грязь, а из примесей можно выделить измельченную траву. По своим размерам сырцовые кирпичи из стенки в южной части городища отличаются не только от сырцов из раскопанных С. А. Плетневой погребов (40 x 20 x 8 см), но и от сырцовых кирпичей Семикаракорского городища и от кирпичей Саркела. Общее у них - лишь квадратная форма. К сожалению, восстановить направление сырцовой стены и определить ее назначение сложно. Открытый нами фрагмент сырцовой кладки проходил, видимо, параллельно крепостной стене на участке юго-западной башни и примыкал к привратной постройке.

***

Итак, раскопки 1987-1988, 1990 гг. дали первые достаточно определенные представления о фортификационных сооружениях на ПЦГ, в том числе и о планировке южного угла крепости. Это открывает некоторые возможности для рассмотрения плана Правобережной крепости в целом. Мы располагаем пятью планами

городища, снятыми в разное время (рис. 1). 1) Самый ранний - это план инженера И. Сациперова (План И. Сациперова здесь публикуется впервые, однако для этого я воспользовался не оригиналом, а копией плана, обнаруженной в фонде Таганрогского краеведческого музея. Сам оригинал, как указано на копии, хранится в Московском архиве Министерства юстиции. Кто мог сделать копии для Таганрогского музея? Вероятнее всего, это были или известный археолог А. А. Миллер, либо живший и работавший в Таганроге его брат М. А. Миллер. Оба интересовались средневековыми городищами Дона, в том числе Саркелом и Правобережным Цимлянским, и имеют публикации о них, изданные в 20-х годах нашего века. Оба были членами Северо-Кавказского Краевого общества археологии, истории и этнографии (120), снятый по заданию Правительствующего Сената, видимо, в 1743 г. непосредственно перед разборкой остатков крепости казаками для использования блоков в укреплениях Черкаска. * 2) План, опубликованный Х. И. Поповым (3). Этот план (рис. 1, 3) был сделан землемером Сулиным вместе с описанием городища в 1844 г. Позднее, в конце XIX в., член комиссии по устройству Донского музея Е. Т. Решетовский составил на основе материалов Сулина рельефный план, который и был опубликован Х. И. Поповым вместе с замерами Сулина. План этот в значительной степени условен, но большую ценность представляют приводимые Х. И. Поповым замеры. 3) План В. И. Сизова выполнен несравненно профессиональнее, чем план Х. И. Попова, но на нем не отражена фортификация крепости (13). 4) План М. И. Артамонова (1, с. 29). Строго говоря, это даже не план, а совмещение глазомерной съемки (масштаб дан в шагах) с элементами реконструкции как она с некоторым "домысливанием" представлялась этому исследователю. Ясно, что М. И. Артамонов не мог видеть столь четкие очертания крепости и особенно башен на восточной стороне. Именно как реконструкцию рассматривал этот план он и сам, так как в "Истории хазар" уже воспользовался более натуральным планом С. А. Плетневой (21, с. 317). 5) Упомянутый план С. А. Плетневой, снятый бусолью в 1958 г. и впервые опубликованный в 1964 г. (11). Это первый план, на котором сделана попытка передать, хотя и глазомерно, рельеф площадки городища. Таким образом, приходится констатировать, что хорошей инструментальной с выявлением деталей рельефа съемкой памятника мы не располагаем. Правда, существует очень подробная инструментальная съемка центральной части городища, выполненная И. И. Ляпушкиным, но она осталась не опубликованной, а оригинал оказался для меня недоступен. Сам я при работе на городище пользовался планом С. А. Плетневой. Выполнить достоверный топоплан мне показалось невозможным, ведь к изменениям рельефа, произошедшим из-за "раскопок" казаков в XVIII в., добавились оплывшие раскопы И. И. Ляпушкина и С. А. Плетневой, а большие площади вокруг них перекрыты отвалами. Наконец, все это оказалось под песком, который постоянно наносится на городище с берега водохранилища. На план С. А. Плетневой был нанесен наш раскоп № 6 и линия берегового обрыва по состоянию на лето 1988 г. (рис. 1, 5).

Для реконструкции Правобережной крепости по-своему важен не только взятый в отдельности каждый из перечисленных планов, но их совокупность. Поэтому попробуем провести их сравнение, опираясь преимущественно на план И. Сациперова и С. А. Плетневой.

---

* Как сообщил мне сотрудник Старочеркасского музея-заповедника И. Н. Сафронов в письме от 22.XI.1991 г., в укреплениях Черкаска (ныне станица Старочеркасская) блоков с Правобережного городища пока не находили. Впрочем, надо иметь в виду, что целенаправленные раскопки еще не проводились.

Общие очертания и размеры крепости определяются конфигурацией и размерами мыса, на котором она возведена. План крепости - это треугольник с одним прямым северо-восточным углом, срезанным северо-западным углом, на котором расположены главные ворота, и, как установлено в ходе наших раскопок, скругленным южным углом. Сравнение планов Артамонова, Плетневой и Сациперова показывает, что внешние очертания крепости на них поразительным образом совпадают. Таким образом, вопрос о точности воспроизведения на планах Сациперова внешних крепостных стен полностью отпадает. Мало того, план Сациперова в этой части более точен. На нем видно, что если западная и северная стены совершенно прямые, то восточная состоит из двух отрезков, длинного северного и короткого южного, стыкующихся под углом 160 градусов. Наши раскопки установили полное соответствие направления южного отрезка восточной стены его изображению на плане Сациперова (рис. 2). Это дополнительное свидетельство тому, что очертания крепости воспроизведены им весьма точно. М. И. Артамонов в своей детальной реконструкции этот излом восточной стены не уловил.

Раскопки С. А. Плетневой, заложившей в северо-западном углу крепости две перекрещивающиеся траншеи и открывшей в них два караульных помещения по бокам главных (нераскопанных) ворот, полностью подтвердили правильность изображения Сациперовым этого угла крепости. Срезанность северо-западного угла усматривается и на схеме Артамонова.

На плане Сациперова изображен и сам воротный проем, а также примыкающий к нему изнутри Г-образный изгиб стены. Дать однозначное толкование этому изгибу трудно. Возможно, он отражает известный конструктивный прием, препятствовавший быстрому сквозному проникновению в крепость осаждающих после взлома ворот. Но, возможно, это остатки надвратной башни. Ничего в отношении ворот не проясняет и план Артамонова.

Перейдем теперь к рассмотрению системы башен в том виде, как она отражена на плане И. Сациперова и других. Первое, что обращает внимание сразу, - это прямоугольность всех башен у Сациперова при значительной вариабельности их размеров и степени "выхода" каждой из башен за линию крепостной стены. Начнем рассмотрение башен по периметру городища, по часовой стрелке, с северной стены (на плане Сациперова башни пронумерованы мной. - В. Ф.). Башня I, прямоугольная, на планах Сациперова и Плетневой находится на совершенно одинаковом удалении от северо-восточного угла крепости (около 65 м). Эта башня обозначена и в плане Артамонова. Раскопки С. А. Плетневой подтвердили, что башня, как и обозначено на плане Сациперова, была прямоугольной, выступающей за линию крепостной стены. По реконструкции Плетневой она была небольшой (5 x 7 м), что мы и видим на рисунке Сациперова. Остатки башни II, несколько меньшей, расположенной в 20 м восточнее, обозначены на всех трех планах. У Сациперова она прямоугольная. Артамонов и Плетнева обозначили это место в виде выемки, возникшей на месте разобранный в XVIII в. башни. На северо-восточном углу крепости у Сациперова нанесена большая прямоугольная башня (III). От нее тоже сохранилось немного. Плетнева реконструирует ее в форме удлиненного пентагона, но не настаивает на этом. По моему мнению, наличие башни со столь сложным планом не согласуется ни с общим уровнем строительного дела в Хазарии, ни с прямоугольностью всех остальных башен на плане Сациперова, из которых три раскопаны. Следующие две башни на восточной стене являются самыми большими. Место башни IV можно найти и на плане Плетневой (она располагается сразу южнее овальной ямы у восточной стены в 50 м от северо-

восточной угловой башни). На плане Артамонова с ней связывается Г-образная впадина на восточной стене. Констатирую, что место расположения башни IV уже обвалилось за время между раскопками Плетневой и нашими. Не сохранились и остатки следующей башни V.

Наибольший интерес для нас, естественно, представляют две башни (VI и VII), обозначенные у Сациперова на южном углу крепости и вошедшие в наш раскоп № 6. Во-первых, отметим, что на южном углу действительно находятся две башни. Во-вторых, обращаю внимание на тот факт, что обнаруженная нами юго-западная башня находится точно (!) на том месте, где у Сациперова обозначена башня VII (напомню, что реконструкцию контуров башни мы проводили, еще не располагая планом Сациперова). Практически совпали не только местоположение башни, но и пропорции, реконструированные по ее остаткам, и пропорции на плане Сациперова. Это еще одно свидетельство тому, что плану Сациперова в целом можно доверять. Сациперов определил и присутствие соседней юго-восточной башни (башня VI), но вот контуры ее обозначил неправильно. Причина этой ошибки совершенно ясна: на юго-восточном углу крепости находилось явно единое большое всхолмление, которое скрывало весь комплекс крепостных остатков, включая и саму башню и большую привратную постройку. Различить их без раскопок он, конечно, не мог.

На западной крепостной стене М. И. Артамонов поместил почти через равные промежутки три выступающие башни. Сейчас невозможно установить, чем он руководствовался. Во всяком случае, С. А. Плетнева при ее довольно тщательной, хотя и глазомерной, съемке никаких башенных выступов на восточной стене не усмотрела. На плане И. Сациперова на этой самой длинной стене нанесена всего лишь одна башня (VIII), очень незначительно выступающая за крепостную стену. Если учесть, что западная крепостная стена проходит по самому краю крутого и к тому же эскарпированного склона глубокой Нижней балки, то устройство на ней всего лишь одной башни становится понятным. Башня эта скорее всего выполняла не оборонительные, а дозорные функции. В противоположность западной стене, северная и особенно обращенная к Дону восточная стены проходили вдоль более доступных склонов. Соответственно каждая из них была снабжена двумя башнями, не считая угловых. И это при том, что они были короче западной стены.

План И. Сациперова позволяет в сочетании с данными наших раскопок уточнить размеры крепости: северная стена - 110 м, восточная стена - 130 м, западная стена - 135 м, короткая угловая стена с главными воротами - 25 м. С некоторыми допусками можно установить и расстояние между башнями: западный конец северной стены - 25 м - башня I - 18 м - башня II - 40 м - башня III (северо-восточная угловая) - 43 м - башня IV - 30 м - башня V - 45 м - VI (юго-восточная) башня - 16,5 м - VII (юго-западная) башня - 57 м - VIII башня - 88 м - северный конец западной стены. Эти данные там, где это еще возможно, должны быть уточнены, но принципиальную схему расположения башен они отражают верно. Если не принимать во внимание западную стену с ее одной башней, то расстояние между башнями Правобережной крепости не превышает 45 м. Это вполне достаточно для ведения прицельной стрельбы из лука вдоль стен. Для сравнения напомню, что расстояние между башнями Саркела, расположенными очень регулярно, не превышали 31 м (22, с. 21). Для сравнения приведем данные по Грузии - стране древнейшего крепостного строительства. К. Н. Мелитаури в качестве характерных указывает следующие расстояния между башнями в раннесредневековых крепостях Грузии: от 18-25 до 31-39 м. Это находит полное соответствие на Правобережном

городище и в Саркеле. К. Н. Мелитаури также полагает, что расстояния между башнями должны были обеспечивать прицельную стрельбу из лука и прицельное метание копий. Именно эти виды вооружения являются основными в руках обороняющихся (23, с. 50-51). Таким образом, надо признать, что Правобережная крепость была спроектирована как вполне обороноспособная. Если же принять во внимание толщину ее стен не менее, чем в 4 м, то высоту их без опасения могли доводить минимум до 6 м. Крутые склоны, особенно северный и западный, полностью исключали применение против крепости стенобитных машин. Впрочем, они в степях в это время вообще вряд ли применялись.

Итак, перекрестная проверка планов городища, снятых И. Сациперовым, М. И. Артамоновым и С. А. Плетневой, сравнение их с результатами раскопок показали достоверность расположения изображенных И. Сациперовым внешних крепостных стен и башен. Это весьма отрадный результат, так как план И. Сациперова - единственный снятый до разрушения городища в XVIII в. Реконструкция М.И.Артамонова может представлять ныне уже сугубо историографический интерес. Ценность же плана С.А.Плетневой состоит прежде всего в отраженном на нем рельефе городища, как он сформировался за время с середины XVIII в.

Особо следует сказать о плане Х.И.Попова (план Сулина-Решетовского). Он, в сравнении с планом И.Сациперова, очень несовершенен, хотя сделан на сто лет позже. На плане Попова представлена все та же трехчастная крепость, но с искаженными почти до неузнаваемости пропорциями. Ценность из публикации Х. И. Попова ныне представляют приводимые размеры крепости. Упомянутые "рвы" - это явно траншеи от выкопанных в XVIII в. стен. Заслуживают внимания изображенные на плане и упоминаемые в описании башни на передовом укреплении по бокам главных ворот. К нашему времени места расположения этих башен уже разведены овражками. Примечательно, что этим двум башням соответствуют два привратных помещения, открытых С.А.Плетневой. Не менее ценно и упоминание остатков "разрушенных стен из белого (мягкой породы) камня, имевшие в ширину не более 2 саж. и до 2 арш. высоты" (3, с. 270). Во-первых, это свидетельство тому, что крепость в XVIII в. была разобрана не полностью и какие-то остатки кладки из блоков были заметны еще в 1844 г. Во-вторых, с удовлетворением отмечу, что установленная нами ширина крепостных стен - 4,25 м полностью соответствует замерам Сулина - 2 сажени 4,26 м. Итак, данные Х.И.Попова оказались далеко не бесполезными для реконструкции фортификационного облика крепости.

Перейдем теперь к рассмотрению внутреннего пространства крепости. Все упомянутые планы показывают деление ее на три неравных по площади и конфигурации отсека. Первый, самый небольшой, треугольный, находится в северо-западном углу крепости. Это привратный отсек, который, как показали раскопки С.А.Плетневой (раскоп № 3), не был застроен. Через него проходил путь в два других отсека. Это привратное укрепление в мирное время могло использоваться в качестве городской площади. Здесь, вероятно, в необходимые моменты собирались обитатели крепости, проходил торг заезжих купцов и располагались их дорожные шатры или юрты. В случае опасности отсек занимал отряд, оборонявший вход в крепость. Тут же укрывали какое-то количество скота и боевых лошадей для вылазок. Два других отсека крепости, это показали раскопки, были очень плотно застроены преимущественно жилищами. При нынешнем уровне раскопанности ПЦГ трудно с требуемой уверенностью определить, какой из восточных отсеков - четырехугольный северный или треугольный южный - являлся цитаделью. Дело в том, что внутренние стены крепости пока еще остаются неисследованными, соот-

ответственно не установлены и проходы в них. Поэтому мы вновь должны обратиться к плану Сациперова, на котором показаны два больших проема в стенах между первым и вторым отсеками и вторым и третьим, самым южным. Прямое сообщение между привратным и южным секторами отсутствовало. С учетом последнего, цитаделью надо признать южный отсек, полностью изолированный от главных больших ворот. Это самый труднодоступный сектор крепости. Обращаю внимание и на то, что единственная башня (башня VIII) на западной стене крепости связана именно с ним. У нас нет основания сомневаться в том, что Сациперов правильно определил расположение внутренних ворот. В его изображении они различаются очень существенно: ворота из привратного сектора в северный представляют собой простой проем в стене, в то время как ворота в южный имеют два пилона. Я полагаю, предложенное определение именно южного сектора как цитадели не противоречит тому, что не в нем, а в северном находилась обнаруженная С.А.Плетневой так называемая “юрта князя” (24). Северный отсек - основной в крепости, самый обширный, сообщается воротами с двумя другими. Южный же был более укреплен и рассчитан на крайний случай. Кроме того, само понятие “цитадели” может быть применено к Правобережной крепости, как и к Саркелу, весьма условно. Однородность жилищ и находок в обоих отсеках указывают на социальную однородность населения. Да и сам “князь” жил в довольно примитивном юртообразном жилище, стоявшем в тесном окружении таких же жилищ своих сородичей и соплеменников. Наконец, не следует преувеличивать обороноспособность “цитадели” Правобережной крепости (как и “цитаделей” Саркела, Маяцкой и других). Как мы знаем, при взятии крепости в начале IX в. не устояла и “цитадель”.

До сих пор я подчеркивал удивительное совпадение внешнего контура ПЦГ на планах И.Сациперова и С.А.Плетневой. Четыре обозначенные у него башни раскрыты в ходе раскопок, подтвержден излом восточной стены. В противоположность этому, внутренняя планировка по Сациперову и Артамонову - Плетневой столь же удивительным образом не совпадают. На плане Сациперова северный отсек крепости имеет очертания четкого прямоугольника: предвратная стена под прямым углом стыкуется с северной стеной крепости, а поперечная, разделяющая два основных отсека крепости, - под прямым углом с восточной стеной. При этом на стыках стен расположены башни (I и IV). На планах же Артамонова и Плетневой предвратная и поперечные стены стыкуются с внешними под разными углами, в результате чего северный отсек принимает форму неправильной трапеции. Два элемента, однако, в планах совпадают: 1) в одном месте, то есть у первой башни, расположен стык северной и предвратной стен; 2) поперечная стена у Сациперова и Плетневой опирается в предвратную. Эти совпадения носят принципиальный характер, так как показывают, что внутреннюю планировку крепости они восприняли единообразно. Расхождения, таким образом, сводятся к выступающим перед нами разными направлениями внутренними стен. Это, в частности, привело к тому, что поперечная стена по Плетневой в полтора раза длиннее, чем по Сациперову; предвратная, наоборот, “удлинена” у Сациперова. Обратимся к Х.И.Попову, который приводит данные землемера Сулина (3, с. 270). У него длина предвратной внутренней стены равна 26 сажням, что примерно соответствует длине этой стены по плану Плетневой - 55-56 м. Длина западной стены крепости до стыка с предвратной стеной по Сулину 51 сажень, что опять же соответствует примерно 110 м по замерам Плетневой. Наконец, сравним данные замеров северного сектора крепости (“главное укрепление”, по Попову). Его длина обозначена 30 сажнями, что

равно расстоянию между первой и северо-восточной угловой башнями у Плетневой - около 60-65 м. Совпадает и ширина сектора у предвратной стены - 15 саженей 32-33 м, однако замеры ширины сектора вдоль восточной крепостной стены не совпадают. По Попову - Сулину она равна 20 саженям, что составляет 43 м. Такая же она и у Сациперова. По Плетневой же этот параметр составляет не менее 80 м. Таким образом, при значительном совпадении параметров городища у Сулина и Плетневой, в наиболее интересной для нас части они оказались различными. Конфигурация северного отсека городища по Сулину все же ближе к изображению Сациперова. В целом же все три плана чем-то дополняют и перепроверяют друг друга, но в чем-то и резко отличаются, особенно в изображении внутренних стен: если у Плетневой поперечная стена отхода от V башни, то у Сациперова от IV башни восточной стены. Нет оснований не доверять съемке Плетневой, не забывая, впрочем, что она отражает существенно нарушенный рельеф памятника. С другой стороны, нет оснований сомневаться в плане Сациперова, о чем уже говорилось. Нельзя исключить (тут мы вынуждены перейти в область предположений) того, что в ходе изготовления белого варианта в его план вкрались произвольные ошибки, что тоже сомнительно. Надо учесть, что в остальном его чертеж реалистичен, детален, а главное, выполнялся, когда городище еще не было обезображено казаками. Мало того, стены его к середине XVIII в. должны были сохраниться на значительную высоту и хорошо просматриваться, иначе бы казаки просто не начинали бы здесь добычу блоков. Вспомним, что даже сто лет спустя какие-то остатки стен сохранялись, как отметил Сулин, на высоту до двух аршин, что составляет примерно четыре ряда кладки!

Уточнить направление внутренних стен невозможно и по данным проводившихся раскопок. Предполагаемая трасса поперечной стены по Сациперову лишь затронута углами раскопа И.И.Ляпушкина и раскопа № 2 С.А.Плетневой. В связи с последним, однако, приведу одно наблюдение: два прямоугольных сырцовых помещения в раскопе № 2 (рис. 1, 5) ориентированы северо-восточными стенами параллельно трассе поперечной стены по варианту Сациперова. И все-таки надо признать, что загадка плана И. Сациперова может быть решена только в ходе дальнейших раскопок. Игнорировать ее невозможно, ведь этот план остается единственным в значительной мере проверенным документом, зафиксировавшим в большей части уже утраченную для исследователей уникальную крепость.

Остановимся еще на одной "загадке" в чертежах И.Сациперова. Речь идет об изображенных им четырех разрезах крепостных стен и прилегающих к ним "валов" (рис. 1, 2). Начнем с разрезов крепостных стен - здесь мы сталкиваемся с рядом вопросов. На всех четырех разрезах изображена очень правильная регулярная кладка, в гораздо большей степени напоминающая кирпичную, нежели квадратную, уже известную нам по раскопкам южного угла крепости. На всех разрезах изображены фундаменты в три-четыре слоя кладки, что также не соответствует данным наших раскопок. Наибольшее же недоумение вызывают приведенные на разрезах замеры в саженях. На всех четырех разрезах ширина стена равна 10 саженям. Если учесть, что в первой половине XVIII в. сажень равнялась 213 см (25), то толщина стен достигает 21,3 м (!). Сохранившаяся же высота - минимум 10,5 м на разрезе № 2 и 31 м на разрезе № 4 (!). Цифры фантастические. Вероятно, "сажени" на чертеже (или его таганрогской копии) указаны ошибочно. Речь может идти не о саженях и даже не аршинах, а только о локтях (1 локоть - 38-46 см). В таком случае, толщина стены составит у Сациперова 3,80-4,60 м, что соответствует действительности, а также составляет те две сажени, которым, по Сули-

ну, равнялась толщина стены. Таким образом, данные Сулина полностью подкрепляют правильность предложенной мною замены саженей на разрезах Сациперова локтями. Все замеры, указанные на чертеже Сациперова, превосходят реальные в среднем в пять раз.

Перейдем теперь к высоте сохранившихся стен. Высота их на разрезах №№ 1-3 составит от 1,42-1,84 до 2,28-2,76 м. Эти цифры вполне приемлемы. Что касается разреза № 4, то его высота даже в локтях составит минимум 9,12 м. Вероятно, цифра "24" указана на этом разрезе ошибочно (на разрезе № 3 высотой в 6 "саженей" до горизонтальной линии в кладке изображено тринадцать рядов, а на разрезе № 4 при восемнадцати рядах указана высота в 24 "сажени" - явное несоответствие).

При предложенном пересчете на "локти" можно объяснить и "заглубленность" мнимых фундаментов. Суть явно в том, что глубина указана от дневного уровня XVIII в. (на разрезах он обозначен горизонтальной линией), а не от древнего горизонта. Таким образом, 3-4 локтя - это толщина культурного слоя, включая и обломки обрушившейся стены, составляющая в пересчете на метры 1,14-1,48 м на разрезах №№ 1 и 2 до 1,52-1,84 м на разрезах №№ 3 и 4, что вполне реально.

Если произведенная замена единиц измерения соответствует действительности (в любом случае сажени для разрезов Сациперова неприемлемы), то, при всей условности и явной приукрашенности, стены Правобережной крепости представлены в его чертежах довольно реалистично. Во-первых, перед нами явно двупанцирная конструкция стен. Во-вторых, основания стен на каждом разрезе выглядят индивидуально, то есть в их изображении отражены особенности кладки на отдельных участках крепостных стен. В-третьих, все стены снабжены водоотбрасывающими откосами (напомню, что блоки с откосами найдены при раскопках). При оценке разрезов И. Сациперова не следует забывать, что выполнены они 250 лет назад и отнюдь не с археологическими целями.

И, наконец, еще один элемент на планах И. Сациперова требует специального рассмотрения. Я имею в виду "валы", проходящие вдоль крепостных стен внутри каждого отсека. Разрезы этих "валов" представлены рядом с разрезами стен и с указанием их параметров опять же в саженях. При замене саженей локтями можно получить более или менее реальное представление об их величине: их ширина в основаниях достигает от 4,5 до 8 м, а высота - 2,3-3,7 м. На разрезах №№ 1 и 2 стены сохранились на меньшую высоту, нежели "валы", на разрезе № 3 они равны по высоте, а на разрезе № 4 "вал" чуть ниже соседнего участка стены. Трудно объяснить бросающуюся в глаза крутизну этих "валов" и остроту их хребтов. Вероятно, их изображение довольно условно. В частности, маловероятным представляется наличие между валами и стенами незапывшего, свободного, с горизонтальной поверхностью прохода. Никаких видимых на поверхности остатков этих валов к XX в. не сохранилось, не упоминаются они и Сулиным. Надо полагать, "валы", как и сами остатки крепостных стен, были скрыты одновременно в XVIII в.

Первая версия о происхождении этих загадочных "валов" высказана С.А.Плетневой (она любезно ознакомила меня с подготовленной к изданию рукописью о Правобережном Цимлянском городище, публикуемой в данном сборнике). Она полагает, что "валы" - это неубранные остатки строительного мусора, и на этой основе делает вывод, что крепость была не освоена, а может быть, даже и недостроена, а большинство обнаруженных здесь жилищ относится к предшествующему крепости открытому поселению. Должен отметить, что строительные

остатки на вскрытой нами площади действительно прослежены, но это всего лишь тонкая прослойка известняковой крошки толщиной в несколько сантиметров (рис. 7-8; слой крошки на этих разрезах обозначен знаком "хххххххх"), а отнюдь не "валы", обозначенные у Сациперова. Объем же этих "валов" достигает 1/5 или 1/6 объема крепостных стен. Непонятно также, почему валами строительного мусора высотой до 2-3 м оказались перегорожены не только главные ворота, но и с обеих сторон проходы в предвратной и поперечной стенах? Это невероятно осложняло передвижение внутри крепости. Кстати, И. Сациперов не оставил без внимания единственный разрыв в "валах", но находится он не у каких-либо ворот, а в юго-западном углу основного отсека крепости. Мы не знаем, как вообще был организован весь процесс строительства крепостей в Хазарском каганате, возводились ли стены одновременно по всему периметру или работы шли отдельными участками от основания до парапета. Во всяком случае, логично предположить, что в первую очередь стремились завершить внешние стены и уже затем переходили к возведению внутренних. А главное, отходы строительного камня должны были тут же идти на забутовку внутреннего пространства стен, а не накапливаться у их подножия. Мало того, отходы составляли лишь небольшую долю объемов, необходимых для заполнения стен. Большая часть бута должна была постоянно по мере роста стен подвозиться со стороны. Таковы некоторые сомнения по поводу версии С. А. Плетневой.

Мне представляется, что "валы" Сациперова, проходящие по всему периметру как внешних, так и внутренних стен сплошной полосой, это развал самих крепостных стен, причем не как результат их постепенного естественного медленного разрушения, а одноактного целенаправленного разрушения крепости. При этом стены не были разрушены до основания (это мы знаем), а лишь до того уровня, когда выросший рядом "вал" сравнялся по высоте с остатками стен, что мы и видим на разрезах Сациперова. С наружной стороны стен такие валы образоваться не могли, ибо они сползали по крутым склонам, окружавшим крепость. В частности, как установлено в ходе раскопок, на самом западном участке городища (участок ХХI) край склона действительно перекрыт мощными напластованиями разрушенных блоков (рис. 9, разрез 2, между точками Ц1 и Ц3). В XVIII в. сациперовские валы, вероятно, были срыты при добыче из них целых блоков. Разумеется, и предложенное толкование нуждается в дополнительных доводах и может вызвать возражения.

Подведем некоторые итоги. Несмотря на плачевное состояние каменных сооружений ПЦГ, мы имеем ныне довольно полное представление о фортификации Правобережной крепости, чему в немалой степени способствовали наши раскопки на южном углу городища. Помимо южного комплекса, по раскопкам С.А.Плетневой известны остатки еще двух башен, а также двух привратных помещений. Не меньшее значение, чем раскопки, для восстановления целостной картины оборонительной системы на ПЦГ дает использование планов И. Сациперова и Х. И. Попова, к которым до сих пор исследователи относятся весьма пренебрежительно, что объяснению не поддается. Только благодаря плану И. Сациперова с наложенными на него результатами раскопок получена такая детальная картина фортификации, равную которой мы не имеем ни для одной другой каменной крепости салтово-маяцкой культуры. Она могла бы быть дополнена и результатами раскопок И. И. Ляпушкина, который вскрыл еще один небольшой участок стены с каменными плитами в основании (10, с. 135, рис. 25), а также насчитал около десяти башенных выступов, один из которых размером 3,65 x 5,7 м расчистил (9).

К сожалению, как известно, свой план городища И.И.Ляпушкин не опубликовал. Тем не менее, отметим, что его данные о наличии в основании крепостных стен каменных плит соответствуют результатам наших раскопок, а количество упомянутых башенных выступов (не все из которых до него заметил М.И.Артамонов, а позднее С.А.Плетнева) соответствуют количеству башен на плане И.Сациперова.

В настоящей работе нет возможности провести детальное сравнение фортификации Правобережной и других каменных крепостей Хазарского каганата. Кратко остановлюсь лишь на некоторых моментах. В 1967 г. С.А.Плетнева насчитала двенадцать "каменных городищ" Подонья, большинство из которых тогда еще даже не раскапывались (26, с. 25). Как выяснилось позднее, к "каменным", то есть к крепостям с замкнутыми стенами с квадратной двупанцирной кладкой из упомянутых ею относятся лишь Верхне-Салтовская, Сухая Гомольша, Маяцкая и Правобережная. К ним же следует отнести и не упомянутое С.А.Плетневой, но еще в 1921 г. исследовавшееся С.Н.Замятинным Верхне-Ольшанское городище (6). Не исключено, что этот список будет пополняться.

Несмотря на значительные раскопки, данные о Верхне-Салтовском городище пока ограничиваются краткими публикациями Б.А.Шрамко (27, с. 266-268) и О. В. Иченской (28). Очень краткая информация есть о небольших раскопках на городище Сухая Гомольша (29; 30, с. 275-277). Объединяет эти городища использование в кладке панцирей преимущественно необработанного песчаника, хотя на Верхне-Салтовском городище наряду с ним использовались и "плиты" размером 45 x 50 x 60 см (28, с. 103). К сожалению, пока мало что можно сказать о системе башен и ворот на этих городищах. Судя по раскопкам Д. Т. Березовца, публикуемых О. В. Иченской, башни не было по крайней мере на юго-восточном углу Салтовской крепости. В отличие от них Верхне-Ольшанское, Маяцкое и Правобережное Цимлянское городища составляют иную группу городищ, объединяемую характерными признаками строительной техники. Во-первых, они сложены из одного строительного материала - белого известняка - и поэтому признаку могут быть названы действительно белокаменными. Во-вторых, они возводились исключительно из обработанных блоков или квадров. В этом они сближаются с Хумаринским городищем, с его регулярной кладкой.

По технике кладки Правобережная крепость в большей мере ближе Верхне-Ольшанской, нежели Маяцкой. На обеих первый, нижний ряд панцирей уложен "тычком", и при этом блоки ставились на узкое ребро. Вторые ряды укладывались "ложком". Похожи оба городища и размерами блоков. По этому признаку Маяцкое среди них стоит несколько особняком. Наибольшая серия блоков получена при раскопках Маяцкого городища (31). Ярко выраженных стандартов размеров тут нет, нет и устойчивых пропорций блоков. Особенно показательно на Маяцком отсутствие постоянных соотношений длины, ширины и высоты блоков. Дискретность этих признаков невелика. В целом блоки Маяцкого городища меньше, они уже и короче ольшанских и правобережных. Наиболее полно здесь представлены блоки длиной от 30 до 60 см. На Правобережном блоки достигают 80 и более сантиметров, а самый длинный - до 120 см. Блок длиной в 114 см открыт и на Верхне-Ольшанском городище (17). Таким образом, как это ни парадоксально, по строительной технике Ольшанское городище несравненно ближе далекому степному Правобережному городищу, нежели расположенному по соседству на р. Тихой Сосне Маяцкому. И все же, несмотря на это, в других не менее весомых признаках Верхне-Ольшанское и Маяцкое могут быть противопоставлены Правобережному. Обе крепости имеют ярко выраженные прямоугольные очертания, причем

очень близких размеров, соответственно 100 x 100 м и 115 x 90 м. План С. Н. Замятнина и наш осмотр городища в 1991 г. позволяют предполагать отсутствие на Верхне-Ольшанском городище угловых и привратных башен, что уже установлено раскопками на Маяцком городище. Наконец, тот же план С.Н.Замятнина позволяет предполагать наличие на Верхнем Ольшане и прямоугольной цитадели, что, впрочем, еще нуждается в проверке раскопками.

Итак, белокаменная двупанцирная регулярная кладка, сходство в строительной технике с Верхне-Ольшанским городищем, наличие внутренних укреплений не оставляет сомнений в принадлежности трех крепостей к одной линии строительных традиций. И все же, среди каменных крепостей Подонья Правобережная крепость выделяется особым совершенством своей фортификации. Равных ей в этом отношении нет. Строители крепости выбрали для нее чрезвычайно удобное место, что позволило избежать трудоемких работ по сооружению рвов. По своему положению на местности Правобережное городище напоминает еще более недоступное Хумаринское городище. Однако главное достоинство Правобережной крепости состоит в развитой, продуманно устроенной системе башен. Они расположены на самых ответственных участках обороны: на углах, на изгибе восточной стены, на флангах южного полукруглого выступа крепостной стены, на стыках внутренних и внешних стен крепости. Расстояние между башнями позволяло вести прицельную стрельбу вдоль куртин и контролировать все действия противника непосредственно у стен. Не менее двух башен прикрывали главные ворота крепости, сложную конструкцию имел и сам воротный проем.

Второй новационный прием, также неизвестный на других каменных крепостях салтово-маяцкой культуры, заключается в трехчастном внутреннем делении крепости. Это позволяло значительно затягивать оборону крепости даже при потере одного или двух ее отсеков. Важно, что ни один из отсеков не был изолирован от внешних стен, это давало некоторый шанс остаткам гарнизона покинуть крепость при безысходном положении или же делать по ходу обороны вылазки, особенно при малочисленности осаждающих.

Чрезвычайно рационально решена на Правобережном городище проблема устойчивости стен и башен: основание из плит ракушечника и песчаника и сплошная кладка минимум одного-двух нижних слоев блоков в массиве стен. На Верхне-Ольшанском стена возводилась прямо на грунте, а на Маяцком - на деревянных лагах, что никак не повышало устойчивость стены.

Строители создали не только продуманную систему обороны, но предусмотрели подсобные крепостные сооружения - привратные помещения у главных и юго-восточных ворот. Полагаю, что основное их назначение - сохранение запасов при пожаре внутри крепости во время осады. Кстати, наличие этих складских и караульных построек косвенным образом указывает на то, что башни крепости были сплошными и внутренних помещений не имели. Вероятно, к постройкам того же назначения относится и "маленькая каменная палата", отмеченная на плане И. Сациперова в северном отсеке крепости непосредственно у ворот в южный отсек. Но такими ли арсеналами были и два выложенных сырцовыми кирпичами погреба, открытые С. А. Плетневой на раскопе № 2 в южном отсеке крепости?

Я уже указывал на значительное сходство Правобережной и Хумаринской крепостей (32, с. 166). По строительным приемам, использованию рельефа, развитой системе прямоугольных башен эти крепости значительно ближе между собой, чем обе вместе или каждая из них с другими крепостями Подонья. Безусловно, вся фортификационная система Хумаринского более совершенна, а по размерам она

многократно превосходит Правобережную. Эти различия, однако, надо объяснять не уровнем инженерно-строительного искусства на Дону и Кубани, а различным назначением этих крепостей.

Параллель с Хумаринской крепостью, главным образом по квадратной кладке, проводится давно. Я хочу впервые обратить внимание на определенное сходство фортификации Правобережной крепости и Саркела. На мой взгляд, для этого имеются основания, несмотря на то, что Правобережная возведена из камня, а Левобережная крепость, то есть Саркел, - по совету византийцев из кирпича. Только Правобережное городище и Саркел среди крепостей Хазарского каганата имеют систему башен. Башни эти одинаковой формы и распределены на соразмерном расстоянии вдоль стен, в том числе расположены и на углах. Обе крепости имеют только одни главные ворота, обе снабжены и вторыми, более узкими, обращенными в сторону реки. При главных же воротах - по паре привратных помещений. Интересно, что проем главных ворот Саркела вымощен известняковыми плитами (22, с. 23). Аналогичная вымостка открыта и в юго-западной правобережной башне. Но наиболее важно то, что внутреннее пространство Правобережной крепости и Саркела организовано по одному принципу - разделение на самостоятельные примыкающие к внешним стенам крепости сектора. В Саркеле в соответствии с его четырехугольным планом таковых четыре, а в треугольной Правобережной крепости, соответственно, - три. Примечательно, что строители в обоих случаях отказались от более примитивного решения - сооружения замкнутых, обособленных цитаделей, что имело место в расположенной ниже по течению Дона кирпичной Семикаракорской крепости (1, с. 116) или белокаменной Маяцкой. Таким образом, заметное сходство Правобережной Цимлянской крепости и соседнего Саркела дает основание считать излучину Дона центром сложения совершенно новых для Хазарского каганата строительных и фортификационных приемов.

Раздел о строительстве в Правобережном Цимлянском городище завершим упоминанием о находках строительной керамики - кирпичей, черепицы и плиток. При том, что никаких построек или вымосток из кирпича на ПЦГ доньне не обнаружено, их обломки, а изредка и целые экземпляры - здесь довольно обычная находка. На раскопе № 6 мелкие обломки встречались по всей площади раскопа, нигде особо не концентрируясь. Целых кирпичей найдено немногим более десятка, и почти все они находились в жилищах или на дне хозяйственных ям. Вероятно, и там, и там они использовались в качестве подставок, то есть не по прямому назначению. Судя по обломкам, толщина кирпичей неустойчива: 4; 5; 5,5; 6; 6,5; 7; 7,5; 8 см. Все целые кирпичи были квадратными или близкими к тому: 24 x 25 x 6; 25 x 25 x 5; 25,5 x 27 x 5,5; 26 x 29 x 6 см. Кирпичи таких же или близких размеров происходят и из раскопок С. А. Плетневой. Выделяется своими большими размерами лишь один кирпич из жилища № 20 - 55 x 36 x 5 см.

Несколько реже, но также бессистемно, попадаются на городище и обломки черепицы - керамид из слабо изогнутых калиптеров. Судя по профильным частям, прямой аналогией ей является черепица Семикаракорского городища (неопубликованные раскопки автора в 1971-1974 гг.). И в то же время мы не встретили ни одного обломка круто изогнутых калиптеров саркельского типа (22, с. 35, рис. 37). Кстати, и в Саркеле, по сообщению П. А. Раппопорта, черепица была редкой находкой. Надо полагать, в обеих крепостях для кровли использовался камыш. Использование черепицы в нижнедонском регионе можно предполагать только в Семикаракорях, да и то в ограниченных масштабах. Высказанное С. А. Плетневой утверждение о том, "что в крепости было здание, сложенное из кир-

пичей, с черепичной крышей и полом из плиток" (11, с. 58) было преждевременным. При значительной раскопанности памятника для такого здания уже не остается места. В качестве строительного материала на ПЦГ зафиксирован только сырцовый кирпич в погребках раскопа № 2 С. А. Плетневой, имевший совершенно иной формат - 40 x 20 x 10 см. Из сырца сложена и открытая нами стенка около юго-восточной башни. В ней, правда, использован сырец, по размерам резко отличающийся от обожженного кирпича - 35 x 35-37 см.

Третий вид строительной керамики на ПЦГ - это так называемая плитка для полов толщиной около 2-х см с хорошо заглаженными, часто до блеска, поверхностями. Ее обломки представлены буквально единицами. По ним установлена и ширина плитки - около 11 см.

Вопросом о месте производства найденных на городище кирпичей, черепицы и плиток уже задавались М. И. Артамонов и С. А. Плетнева. Оба указывали на Саркел, но М. И. Артамонов к тому же попытался сделать некоторые уточнения. Он писал: "По моим наблюдениям, в остатках Правобережного Цимлянского городища встречаются два типа кирпичей, различающихся между собой по толщине. Наиболее ранним, одновременным с половыми плитками и черепицей надо считать тонкий кирпич (4-5 см толщины), относящийся к первоначальным крепостным сооружениям этого городища и вовсе не встречающийся в Саркеле. Второй - более толстый, аналогичный саркельскому, надо полагать, попал в Правобережное городище, как и в городища у хут. Среднего и Карнаухова, из Саркела после разрушения последнего Святославом, и относится к поселению, возникшему в развалинах крепости не раньше второй половины X в." (11, с. 59). Как мы видим, М. И. Артамонов исходил из своей гипотезы о возникновении на месте крепости позднего поселения. Объективными данными о стратиграфии городища он не оперировал, и его деление кирпичей на тонкие - ранние и толстые - поздние не может быть принято. Кирпич, вероятнее всего, попадал в Правобережное городище из ближайшего к нему Саркела. Но следует помнить, что большое кирпичное производство имело в Семикаракорском городище, где явно производилась и черепица. Кирпичи попадаются и в курганах, и в небольшом количестве на других поселениях Нижнего Дона. В частности, на Карнауховском поселении И. И. Ляпушкин зафиксировал очаг, сложенный из кирпичей размерами 23 x 25 x 5 и 45 x 23-27 x 5 см (33, с. 295) - один из примеров сосуществования кирпичей совершенно различных размеров и пропорций. Надо думать, что с возникновением таких крупных центров кирпичного производства, как Семикаракорское городище и Саркел, кирпичи постепенно распространялись по всей близлежащей округе в течение длительного времени, по крайней мере на протяжении IX-X вв., если не с более раннего времени, и датировать в каждом конкретном случае немассовые находки кирпичей, что мы имеем на ПЦГ, опираясь на его размеры, довольно сложно. Естественно, это не значит, что такие находки кирпича должны совсем игнорироваться при тех или иных построениях.

Характерная особенность строительной керамики ПЦГ - полное отсутствие на ней рисунков и редкость знаков. Тем больший интерес вызывает серия из пяти фрагментов грубого замеса кирпичей с очень простыми знаками, выполненными по сырой глине в небрежной манере пальцами (рис. 23, 9-13), причем три из них (рис. 23, 9-11) найдены вместе в жилище № 43. Из последних один кирпич подвергся вторичной обработке и превращен в грузило с четырьмя ложбинками на боковых гранях (рис. 23, 9). Попутно отметим, что, несмотря на просмотр в ходе раскопок сотен обломков белых известняковых блоков, на них не обнаружено ни

остатков каких-либо граффити, ни строительных знаков. Два или три невыразительных знака были найдены С. А. Плетневой. Для сравнения вспомним, что на Маяцком городище обнаружены десятки граффити (34, с. 41-91). Такое положение с граффити на ПЦГ находит, по-моему, простое объяснение: все целые блоки были вывезены с городища в XVIII в. Какая-то часть блоков была покрыта декоративной расштриховкой, т. е. была лишена гладкой поверхности, пригодной для нанесения знаков и тем более рисунков. В качестве предположения выскажу еще одно соображение. Очень небольшой культурный слой свидетельствует об относительно недолгом существовании Правобережной крепости, знаки и рисунки просто не успели накопиться на ее стенах.

Жилища и захоронения. Хозяйственные ямы.

На раскопе № 6 в пределах крепостных стен было открыто восемь построек - №№ 41-44, 46-49. Это круглые или овальные заглубленные юртообразные сооружения, которые уже были известны на городище по раскопкам И. И. Ляпушкина и С. А. Плетневой (мы продолжили нумерацию жилищ и ям, начатую С. А. Плетневой). Все они достаточно единообразны и различаются лишь размерами и особенностями внутренней планировки. Вопросы стратиграфии городища будут рассмотрены в следующем разделе, но предварительно обращаю внимание на важное обстоятельство: котлованы всех жилищ южного угла крепости были впущены в культурный слой эпохи бронзы. Он представлял собой весьма рыхлый песчанистый коричневатый-черный гомогенный массив. Темный цвет этот слой приобрел благодаря насыщенности распавшимися древесными углями и золой. Его культурная принадлежность определялась находками в нем характерной керамики. Серое заполнение котлованов средневековых построек хорошо выделялось на его фоне.

Ж и л и щ е 41. Самое южное, расположенное против привратной постройки. По четким круглым очертаниям котлована, размерам и устройству оно в значительной мере является показательным для городища. Котлован перекрывал полутораметровый слой щебня и обломков блоков крепостных стен. Глубина его 40 см; он прорезал слой эпохи бронзы и частично врезался в подстилающий песчанистый суглинок. Очертания жилища близки к правильной окружности, диаметр 360-370 см (рис. 10, 1). В заполнении выделяются прослойки золы с многочисленными рыбьими костями и чешуей. Вероятно, жилище было оставлено еще в период жизни на городище и использовалось в качестве мусорной ямы. В заполнении обнаружены фрагменты керамики и другие находки (рис. 12), а также многочисленные обломки блоков, в том числе и у пола. Горизонтальный пол имел незначительный скат к центру, где находился очаг - углубление диаметром 85-95 см. Он заполнен золой, а пол прокален до красного цвета. Пол западной половины жилища несет следы сильного обжига и покрыт тонкой пленкой серой золы, при этом граница с необожженной восточной половиной пола прослеживается очень четко. Пожаром золистость пола только в одной половине жилища не объяснить. Можно предположить, что западная половина жилища предназначалась для сна и пол здесь в зимнее время прогревался рассыпаемыми горячими золой и углями. О вероятности такого расположения жилого отсека говорит и почти полное отсутствие тут ямок в полу. Вход же следует связывать с выступом в верхней кромке котлована в противоположной восточной стороне жилища. Его ширина 70-80 см. Протянувшиеся по прямой линии перед входом мелкие ямки № 29-33 могли остаться от опор деревянных пандуса или лесенки. Всего же в полу выявлено 46 ямок, диаметр которых не превышает 6-10 см при столь же незначительной глубине большинства из них (см. разрезы ямок на рисунке). Ямки этой серии располагались

преимущественно у стен котлована в один ряд или скоплениями. Так, вдоль северной стены протянулась линия из восьми ямок. В отличие от них ямки в южной части жилища были в 25-30 см от стены. Скопление из семи ямок находилось к северу от входа около восточной стены. Назначение каждой ямки, да и групп в целом определить трудно. Ясно одно: они ни в коем случае не принадлежали опорам каркаса жилища. Опорные ямки, что хорошо известно по данным этнографии, распределяются по всему периметру стен на равных расстояниях. Этого мы не наблюдаем не только в данном жилище, но и в других, открытых нами на раскопе. Описанные узкие ямки оставлены, вероятнее всего (кроме ямок у входа), конструкциями интерьера: примитивная мебель, подставки и настилы для утвари, припасов, одежды, оружия, упряжи. Вторая группа ямок (№№ 1-4, 45) при такой же незначительной глубине имела больший, до 22 см диаметр. В геометрическом центре жилища находилась самая глубокая ямка № 1 - 35 см, перекрытая краем очага. Не исключено, что жилище подверглось перестройке, после которой центр тяжести перекрытия переместился к восточной стене, вдоль которой находятся вытянутые в линию еще три крупные ямки - №№ 4, 3, 45. Первая из них находится непосредственно у входа. Как бы то ни было, эти ямки диаметром до 20 см остались от несущих крышу опор.

В северной стенке котлована устроена небольшая выемка, выходящая за его пределы. Судя по найденному в ней разбитому лепному горшку, это, вероятно, была небольшая "кладовка".

Итак, внутреннее пространство жилища 41 четко подразделяется на две половины. В более обширной восточной, куда вел вход, находился очаг, кладовка, "мебель" с утварью. Западная половина - это жилая часть жилища. В дневное время здесь располагался хозяин, ночью она превращалась в "спальню". Таков один из возможных вариантов реконструкции жилища № 41.

На участке III находилась компактная группа их трех построек №№ 42, 43, 44.

Ж и л и щ е 42. Очертания его близки к правильной окружности - 285 x 310 см (рис. 10, 2), стенки почти вертикальны. Пол при общей горизонтальности - неровный и непрочный, так как лежит в мягком массиве слоя эпохи бронзы. От прочих жилище 42 отличается значительной глубиной котлована - до 70 см. В центре пола - неправильных очертаний очаг, рядом с которым лежали обломки разбитого горшка. Пол, за исключением восточного сектора, буквально усеян столбовыми, точнее, "жердевыми" ямками. Всего их выявлено 111. В подавляющем большинстве диаметр их не превышает 5-10 см, а глубина 5-15 см. Лишь ямка № 16 достигает 30 см глубины. Ни одну из этих мелких и узких ямок связывать с несущим каркасом жилища нельзя. К тому же лишь немногие из них располагались около стен, да и те без определенной системы. Мало того, около юго-восточной стены котлована ямок не было вообще. Большое число ямок не должно смущать. Они явно не одновременны - при непрочном мягком грунте пола в жилище проходили постоянные "перестановки". Только три ямки выделяются несколько большими размерами. Это мелкие корытообразные ямки №№ 1 и 2, вероятно, имевшие хозяйственное назначение. Такие обнаружены почти во всех открытых на раскопе жилищах. И только ямку № 3 с диаметром 13 см при глубине 20 см можно связать с опорным столбом. Конструктивно место входа в котловане не обозначено. Наиболее вероятно он располагался в восточной стороне жилища - пол перед ним был свободен от каких-либо ямок и углублений.

Ж и л и щ е 43 (рис. 10,3). Отличается от описанных удлиненно-овальными очертаниями и меньшими размерами - 250 x 360 см. Стенки котлована (глубина 40 см) обработаны небрежно, а сама линия его контура ломаная, нечеткая. Пол, врезанный в суглинок, неровный, бугристый. Иной оказалась и внутренняя планировка. Округлый тарелкообразный очаг диаметром около 100 см и глубиной до 7 см оказался непосредственно около северо-западной стенки котлована. В восточную стенку врезана круглая конусовидная с подбоем хозяйственная яма глубиной 60 см. Заполнение ее золистое, слоистое с включением обломков блоков, было преднамеренно утрамбовано. Вторая, меньшая хозяйственная яма глубиной менее 30 см при диаметре 65 см находится в северо-восточном углу. Обращает внимание отсутствие на полу той россыпи мелких ямок, с которой мы имели дело в других жилищах. Опорному центральному столбу, вероятно, принадлежала овальная ямка (25 x 36 см) глубиной 35 см. Большая серия различного диаметра ямок, слившихся в итоге в одну сплошную выемку длиной около 2 м протянулась в 60 см от юго-западной стенки котлована. Это пространство, видимо, является хозяйственным отсеком, местом хранения утвари. Против него находилась упомянутая большая хозяйственная яма. Место для входа остается только на восточной половине жилища. Скорее всего он располагался между двумя хозяйственными ямами. Самая примечательная черта интерьера - полное отсутствие ямок вдоль стен и, наоборот, пристенное положение очага. Оба эти факта дают полное основание полагать, что стены жилища стояли не внутри котлована, а на его бортах и, возможно, даже на некотором удалении от них. В противном случае жар очага действовал бы на нее разрушающе. Расположение очага позволяет также предположить, что стена была в достаточной мере жаростойкой. Во всяком случае, не войлочной, как у обычных кочевнических юрт.

Ж и л и щ е 44 (рис. 10, 4). Это самое маленькое из жилищ южного угла крепости, но с очень характерной и ясной планировкой. Диаметры ее близкого к правильной окружности котлована - 260 и 280 см, а глубина всего лишь 20 см. Пол оказался в верхнем горизонте рыхлого слоя эпохи бронзы, тем не менее прослежен достаточно точно. В центре с некоторым смещением к югу расположен очаг-тарелка 55 x 75 см, заполненный серой золой. Золистое, хорошо выделяющееся пятно диаметром 50 см находилось в 25 см севернее. Вероятно, это след первого или дополнительного очажка. Непосредственно около юго-западной стенки устроена овальная ямка хозяйственного назначения диаметром 40-50 см при глубине 14. Такие хозяйственные углубления прослежены и в соседних жилищах 42 и 43.

В полу зафиксированы 28 ямок глубиной от 5 до 14 см при диаметре 7-12 см. Они сосредоточены преимущественно вокруг очага. И вновь я должен отметить, что в пристенном пространстве пола таких ямок нет. Среди ямок выделяются две. Первая, удлиненная, уходит под западную стенку жилища; при глубине всего 4 см для опорного столба она служить не могла. Вторая, самая глубокая в жилище - 22 см, круглая, диаметр 24 см. Она находится у восточного края очага. Эта ямка действительно могла быть оставлена центральным опорным столбом. Самое примечательное для данного жилища - это присутствие в заполнении многочисленных больших обломков блоков. Вероятно, жилище функционировало до момента разрушения крепости.

Ж и л и щ е 45. В ходе раскопок тонкого культурного слоя городища на границе участков V и VI было прослежено с не очень четкими границами округлое углубление диаметром примерно 4 м. Его неровная поверхность не опускалась

ниже 10 см; на ней не оказалось ни следов очага, ни столбовых ямок. Не исключено, что это остатки наземного сооружения типа настоящей юрты, но полной уверенности в этом нет. По этой причине к числу жилищ этот объект отнесен условно. В то же время нельзя не заметить, что "жилище" занимает центральную часть южного угла крепости. Таким образом, предположение о расположении здесь большой наземной юрты получает некоторое основание (рис. 2).

Ж и л и щ е 46 (рис. 10,5). Пятно котлована овальное, размерами 270 x 300 см. Глубина от 30 до 60 см. Котлован врезался в очень рыхлый участок культурного слоя эпохи бронзы и по этой причине его северная стенка установлена весьма приблизительно, но пол, благодаря некоторой утоптанности, выявлялся довольно хорошо. Несмотря на тщательную зачистку, очаг в жилище не обнаружен, но выявлено более 80-ми характерных мелких ямок, основной массив которых заполнял центральную часть жилища от восточной до западной стенки. Как и в предыдущих жилищах здесь была устроена типичная по своим размерам (33 x 40 при глубине 20 см) хозяйственная ямка, в которой лежали два плоских камня-голыша. Отсутствие очага заставляет думать о нежилом назначении этого сооружения, которое тем не менее интенсивно использовалось, следами чего являются десятки ямок на полу, появившиеся, конечно, не одновременно, а также тот факт, что здесь обнаружено самое большое скопление различных бытовых предметов (рис. 14).

Вновь должен обратить внимание на отсутствие каркасных ямок на полу около стенок котлована.

Во всей толще заполнения - многочисленные большие обломки известняковых блоков, но непосредственно на полу их не было. Развал блоков отделяла от него прослойка в несколько сантиметров. И еще одна важная особенность: среди обломков отсутствовали мелкие и щебень. Все это говорит о том, что постройка относится ко времени разрушения крепости. Этот вывод наилучшим образом подтверждается и обнаруженными рядом с котлованом на уровне его верхней кромки захоронениями двух детей. Они находились в полутора метрах к северо-востоку от жилища.

Глубина погребения № 1 (рис. 10,5, 7) не превышала 20 см, то есть захороненный был едва присыпан землей. Контуры погребальной ямы не прослеживались. От скелета ребенка в возрасте около 3-х лет в плохом состоянии сохранились только череп, несколько костей рук и ребер. Тем не менее видно, что погребенный уложен головой на запад на правом боку лицом на юг. Из-за смещения костей рук не ясно, были ли они вытянуты или согнуты в локтях. Длина скелета второго ребенка около 65 см, а возраст около 2-х лет. Захоронен он на 30 см глубже первого; сохранились за исключением мелких все кости скелета (рис. 10, 5, 6). Ребенок, ориентированный головой на юг, лежал на спине с некоторым разворотом на правый бок (как и первый). Лицо обращено к востоку. Правая рука вытянута вдоль тела, ее кисть рядом с тазом. Левая чуть согнута в локте, а кисть оказалась по центру таза. Незначительно согнуты в коленях и ноги, при этом голень левой оказалась поверх правой, что естественно при направлении колен вправо.

При различной ориентации позы обоих погребенных, вероятно, были одинаковы - вытянуто с небольшим разворотом на правый бок. Надо полагать, что позы в данных захоронениях придали большее значение, чем ориентации. Нет оснований сомневаться в одновременности этих детских погребений между собой и захоронением человеческих останков в жилище 49 (см. далее).

Ж и л и щ е 47 (рис. 11, 1), расположено на стыке участков II и IV. Очертания его близки к овалу, а по размерам это одно из самых больших на раскопе - 300 x 360 см, глубина 55 см. Пол горизонтальный, но неровный, что в данном случае связано с тем, что он пришелся на пласт гумусированного песка, разделяющего слой городища и поселения эпохи бронзы. Круглый открытый очаг несколько смещен от центра к югу. В полу около 60-ти ямок диаметром до 12 см, реже большей, глубиной 4-20 см. Как и в других котлованах, ямок около стен нет. В жилище два традиционных хозяйственных углубления. Первое, тарелкообразное овальное, глубиной всего в 10 см при площади 65 x 80 см, - к северо-востоку от очага. Второе, меньшее, - к северо-западу, 35 x 40 см при той же глубине. С востока (как и в постройке 43) к котловану примыкает хозяйственная яма, а точнее, кладовая диаметром около 1 м. В отличие от постройки 43, здесь кладовка не углублена, а наоборот, ее дно выше пола жилища на 20 см. Глубина же самой кладовки всего 25 см. Такая же мелкая кладовка, но иного плана, была и в жилище 41. Заполнение котлована (см. разрез) слоистое. Какое-то время в него затекал культурный слой, а затем центр использовался для сброса костей и чешуи рыб и золы. В верхних прослойках заполнения - отдельные обломки блоков белого известняка. Самым же интересным оказалось открытие двух блоков из ракушечника (аналогичные лежавшим около привратной постройки). Они лежали в заполнении - один в кладовке, а второй сполз из нее в котлован. Оба блока надо связывать с крепостной стеной, проходившей всего в четырех метрах восточнее. Один блок примечателен фигурным вырезом на одной грани. Судя по материалу, эти блоки имели специальное предназначение в конструкции ближайшего участка стены.

В заполнении котлована оказался один из самых представительных наборов разнообразных находок (рис. 15), в том числе два наконечника стрел.

П о с т р о й к а 48 (рис. 11, 2). Расположена у западного борта раскопа на участке I. Вскрыто немногим более половины ее овального, глубиной в 50 см котлована. Диаметр около 325 см. Пол ее горизонтален, причем в отличие от большинства построек достаточно плотный. Самое примечательное в этом объекте - полное отсутствие каких-либо ямок на полу. Либо эту постройку не успели использовать, либо она имела особое назначение и тем самым особый интерьер. Немного здесь и находок, но среди них уникальная - обломок кости с группой процарапанных знаков (рис. 16). Заполнение котлована достаточно однородное - культурный слой со значительной примесью меловой крошки.

Ж и л и щ е 49 (рис. 11, 3). Расположено в центре участка VI. Некоторая его угловатость, вероятно, связана с рельефом участка, имевшего здесь наклон в направлении с северо-запада на юго-восток. Из-за этого северо-западный угол оказался заглубленным на 35 см, а к юго-восточному углу стенки понижаются и сходят на уровень прилегающей площади. Котлован полностью врезан в слой эпохи бронзы, из-за чего стенки прослеживались с некоторым трудом, как и очень мягкий насыщенный песком пол. По этой же причине плохо просматривались в нем и ямки (на план жилища нанесены лишь те, в определении которых была некоторая уверенность). Это обычные и для других построек ямки диаметром в среднем 5-10 см и глубиной 10-15 см. Сосредоточены они преимущественно в северной заглубленной половине котлована. Сам пол, очень неровный, изобилует тарелкообразными углублениями, но ни одно из них не имело характерного для очагов прокала (не исключено, что мы не сумели выявить очаг или же он действовал непродолжительное время). Заполнение - это направленные к центру постройки гумусированные слои с костями и чешуей рыбы и отдельными обломками белых известняковых

блоков. В заполнении находилось захоронение ребенка и отдельные кости взрослого. Скелет ребенка 5-7 лет обнаружен в северо-западном углу в пяти сантиметрах от пола. Ориентирован он на восток, а лежал в неестественной позе, нехарактерной для обычных погребений. Верхняя часть тела лежала на спине, голова повернута налево, то есть на юг. Бедренные кости были вывернуты из тазобедренных суставов и лежали по бокам грудной клетки, при этом рядом с левой лежала большая берцовая - был нарушен и коленный сустав. Что касается костей рук, то плечевые, локтевые и лучевые каждой руки лежали вместе по бокам грудной клетки, соответственно справа и слева. При этом к груде костей правой руки была добавлена и правая большая берцовая. Создается впечатление, что руки к моменту захоронения были отчленены от тела и нарушены в локтевых суставах. Труп явно подвергся варварскому расчленению в момент захвата крепости. Об этом событии говорят и найденные в полуметре южнее отдельно лежащие кости ног взрослого индивида: 1) берцовые с пяточной от одной ноги и 2) кости согнутой в локте руки с ненарушенной кистью, над которой лежала ключица. Эти кости также находились на несколько сантиметров выше пола: котлован некоторое время простоял открытым и успел частично заполниться, и только после этого в нем были закопаны описанные останки. И здесь, в котловане, найдена серия вещей, в том числе конический замок (рис. 16). Прямого отношения к захоронениям они не имеют.

Итак, полностью на раскопе № 6 раскопано всего семь построек (№№ 41-44, 46-47, 49). Они достаточно однотипны: почти круглые или овальные, однокамерные, заглубленные, с многочисленными ямками в полах. Не велики различия и в размерах. Четыре постройки с очажками в центре (№№ 41-42, 44, 47), без сомнения, являются жилищами. Жилой или хозяйственной была удлиненная постройка № 43 с очажком около стены. Принципиальных отличий от прочих, кроме смещения очага, она не имеет. Полагаю, к числу жилых, во всяком случае бытового назначения, надо отнести и постройки ii 46 и 49, в которых очаги не обнаружены. Кстати, именно с этими постройками связаны захоронения, что косвенно указывает на их жилой характер. Помимо отмеченных признаков сходства, укажу еще на следующие, образующие между ними корреляционные связи. В постройках 43 и 47 на юго-востоке за контуром котлована круглые хозяйственные ямы; кладовка выходит за котлован и в жилище 41, но с северо-востока. Почти в каждом жилище на полу имеются одно-два углубления круглых или овальных очертаний, которые условно можно назвать хозяйственными. В них могли стоять большие сосуды (например, амфоры), котлы и тому подобное. Входы в постройках 41, 42, 43, 49 находились, вероятнее всего, в восточной или юго-восточной сторонах. Ни один котлован и расположение в нем ямок не дает оснований для предположения об устройстве входа с севера или запада.

На имеющемся материале очень сложно детально восстановить интерьер жилища. Я попытался это сделать только в отношении построек №№ 41 и 43. Количество ямок на полах колеблется от нескольких, как в постройке № 49, до более сотни в жилище № 42. Думаю, что число ямок указывает на длительность существования постройки; они не одновременны, что еще более затрудняет реконструкции. В отличие от жилищ северного сектора городища, "пол большинства" которых, по сообщению И. И. Ляпушкина, был "обмазан глиной" (8, с. 60), жилища южного угла такого не имели.

Ничего пока нельзя сказать и о конструкции стен и крыш. Конкретные остатки от них не найдены не только нами, но и в большей серии построек, раскопанных в прежние годы. В некоторых жилищах были обнаружены ямки, которые,

видимо, оставлены основными опорами кровли, но этого недостаточно для определения ее формы и конструкции. Что касается стен, то некоторый намек на их конструкцию дает отсутствие во всех постройках южного угла крепости характерных регулярно размещенных вдоль стен котлованов ямок опорных жердей, на что я обращал особое внимание. Вывод может быть один - каркас этих построек стоял не внутри котлованов, а за его пределами, соответственно и сами стены (вне зависимости от их материала) стояли на внешней кромке котлованов. В постройке 43 с ее расположенным у края котлована очагом стены должны были стоять только за его пределами. Мало того, вынос "кладовок" и даже больших хозяйственных ям за пределы абриса жилища позволяет предполагать, что стены стояли даже не на краю котлованов, а на некотором удалении от них. При том непрочном грунте, в который были вкопаны котлованы построек на ПЦГ, это было просто необходимо - их стенки должны были постоянно осыпаться, что грозило разрушением наземных стен. Никаких следов обмазки котлованов или укрепления их иным способом не обнаружено. В связи с предложенной реконструкцией небезынтересен пример жилищ на поселении Дуранкулак в Северо-Восточной Болгарии. Здесь, кроме выложенных камнем котлованов некоторых круглых юртообразных построек, обнаружены ямки внешнего наземного каркаса (35, с. 35).

Стена, стоящая не внутри, но за пределами котлована, больше препятствовала проникновению в котлован дождевых вод. В замкнутом крепостными стенами пространстве даже при песчанистом местном грунте сток воды представлял серьезную проблему. Не исключено, что для защиты от воды предназначались две узкие канавки на участке V (рис. 2). Одна из них впадала в круглую яму № 74 глубиной 72 см, вторая, более короткая, оканчивалась ямкой глубиной в 25 см.

Надо отметить, что среди жилищ из раскопок С. А. Плетневой были как аналогичные нашим, так и имевшие серии каркасных ямок вне котлованов (26, с. 54-56). Таким образом, на ПЦГ представлены по меньшей мере два варианта сопряжения котлованов и наземных стен. Пока, до специального изучения всех жилищ ПЦГ, у меня сложилось впечатление, что наземные стены связаны преимущественно с более глубокими котлованами. Существование в среде болгарских культур Восточной Европы двух вариантов устройства стен юртообразных построек подтверждается и раскопками других памятников. Так, яркий пример каркаса, установленного на дне котлована, дает юртообразная постройка Биляра (36, с. 69), а каркаса вне котлована - жилище из Блысково (37, с. 103). Последнее, кстати, имеет вход с восточной стороны, оформленный в виде небольшого выступа, как и вход в жилище № 41 Правобережной крепости, и круглую яму-кладовку, вынесенную за контур котлована, как и в жилищах №№ 43 и 47.

В Восточной Европе, от Волги и Кавказа до Нижнего Подунавья, известно довольно много поселений с юртообразными круглыми постройками (38; 39, с. 208), но везде они единичны и, как правило, сопровождаются жилищами иных типов (чаще прямоугольными полуземлянками). На их фоне Правобережное городище является уникальным - жилища на нем исключительно юртообразные с характерными открытыми очажками. При значительной раскопанности памятника это уже не вызывает сомнений. Таким образом, если не абсолютно, то стадиально жилой комплекс ПЦГ представляется одним из самых ранних не только в салтовомаяцкой культуре Подонья, но и среди культур с болгаро-хазарской основой других регионов Восточной Европы. Следуя за известной схемой С. А. Плетневой, можно сказать, что население городища находилось на самой ранней стадии перехода к постоянному оседлому образу жизни. Постройки городища совмещают в

себе, с одной стороны, черты кочевнической юрты (круглый план, жердевый каркас, примитивный очаг), а с другой - стационарного жилища (котлован). Показательно, что в соседнем Саркеле среди десятков более совершенных жилищ юртообразных всего четыре (40, с. 42). Вытеснение юртообразных построек прямоугольными хорошо прослежено и на Дуранкулаке.

Хозяйственные ямы. На раскопе № 6 обнаружено несколько десятков углублений, жердевых ямок и собственно хозяйственных ям. Последних оказалось всего восемь (№№ 6, 7, 32, 33, 34, 39, 73, 74). Они довольно разнотипны по форме и размерам. Вырывались весьма небрежно. При этом пронизывали рыхлый культурный слой эпохи бронзы; ни одна не имела обмазки или облицовки. Заполнение хозяйственных ям - это тот же культурный слой, что и на всей площади раскопа. В нем довольно много фрагментов керамики, костей животных, железных и иных предметов. Надо полагать, не все ямы одновременны, но выявить среди них синхронные трудно.

Я м а № 6 (рис. 11) в северо-восточном углу участка IX, овальная с чашеобразным дном. Диаметр устья 85 см, глубина 45 см. Заполнение насыщено костями рыб, встречаются кости животных, керамика. Тут же шесть четвертинок кирпичей и обломок блока, что позволяет если не синхронизировать эту яму, как и другие с кирпичами и обломками блоков, с моментом разрушения крепости, то во всяком случае отнести ко времени ее существования.

Я м а № 7 колоковидная, с овальным устьем 60 x 80 см. Глубина 82 см. В заполнении кости животных и рыб, керамика, а в 20 см от устья целый кирпич 25 x 25 x 5 см. Яма попадает под задний фас юго-восточной башни, то есть находится в таком же положении, как и жилища №№ 43 и 44 (рис. 2). В яме найден единственный на городище костяной орнаментированный реликварий (41, с. 42).

Я м а № 32 (рис. 11) на участке III между жилищами №№ 42, 43, 44. Чашевидная, размер устья 68 x 85 см, глубина 35 см. В заполнении кости животных и рыб, керамика, отдельные обломки блоков. На самом дне в качестве подставок лежали три половинки кирпичей.

Я м а № 33 (рис. 11) на участке V. Устье овальное 100 x 110 см, глубина 85 см, у дна яма расширяется до 115 см. В заполнении обычные и для прочих ям кости и фрагменты керамики. В 30 см ниже устья фрагмент кирпича.

Я м а № 34 (рис. 11) на участке I. Единственная имевшая ярко выраженную колоковидную форму. Устье овальное неправильных очертаний, 68 x 80 см, глубина 62. Верхняя часть ямы заполнена обломками блоков, тут же целый кирпич и фрагмент керамической плитки.

Я м а № 39 на участке V (рис. 2). Имеет необычные очертания устья - в форме "лунницы", размеры 90 x 150 см при глубине всего 66 см. В заполнении значительный набор вещей (рис. 17-18).

Я м а № 73 на границе участков I и II (рис. 11). Это самая большая хозяйственная яма на раскопе. Выкопана очень неаккуратно с перекосом к одному боку, где и устроен незначительный подбой. Устье в виде неправильного овала, 120 x 155 см; глубина 125 см. В нижней части очень плотного заполнения - обломки блоков размером до 25 см, кости рыб и животных, но мало фрагментов керамики. Попадают мелкие фрагменты кирпичей. При значительном объеме ямы из вещей в ней найден лишь один железный гвоздь (рис. 17, 5).

Я м а № 74 уже упоминалась в связи с впадающей в нее канавкой для отвода воды. Этот комплекс расположен на участке V (рис. 2). Яма чашевидная, устье

125 x 115 см, глубина 72 см. Рыбьи кости встречаются преимущественно в самой верхней части заполнения. Из находок только фрагменты керамики.

Итак, хозяйственных ям на раскопе оказалось немного, к тому же они очень невелики по объемам. Пятна всех ям обнаруживались на тех же уровнях, что и жилища, это указывает на их относительную одновременность, хотя безоговорочно связать планиграфически какую-либо яму с определенной постройкой невозможно. Керамика и иные предметы из заполнения ям принадлежат к тем же типам, что и находимые в котлованах жилищ и между ними.

Керамика.

На раскопе № 6 найдено около 4 тыс. фрагментов керамики салтовомаяцкого облика и импортной. Эта большая коллекция требует подробного описания, что невозможно сделать в рамках данной публикации. Предлагаются лишь самые общие сведения, дополненные рисунками большинства самых типичных или наиболее интересных экземпляров.

Керамика довольно равномерно распределялась по всей площади раскопа в пределах крепостных стен и залегала во всех раскопанных объектах: в перекрывававших раскоп мощных развалах блоков, в тонком, собственно, культурном слое, в заполнении котлованов построек и хозяйственных ямах. Показательно, что ее почти не было за крепостной стеной на южных участках раскопа (участки XIII-XVII). Незначительно количество фрагментов было и в выступающем западном отсеке раскопа на месте юго-западной башни и за ее пределами. Объясняется это отсутствием под башней средневекового культурного слоя; не оказалось под башней и вскрытым участком разобранной западной стены никаких предшествовавших ей построек. Башня и куртина возведены на слое эпохи бронзы, частично перекрытом наносами стерильного песка.

Керамический комплекс подразделяется следующим образом:

Местная керамика	%
Горшки лепные	0,64
Горшки ручного гончарного круга	49,00
Котлы с внутренними ушками	0,58
Столовая посуда с лощением (кувшины, кружки, пифосы, большие кувшины с двумя и тремя ручками)	21,50
Привозная керамика	
Амфоры, красноглиняные кувшины	28,07
Ойнохои	0,21

Приведенные данные требуют некоторого пояснения. Так как основная масса керамики на ПЦГ изготавливалась из одного состава глины и в одном технологическом режиме, не всегда удается достоверно указать на вид сосуда, которому принадлежал определенный фрагмент. К тому же столовая керамика далеко не всегда подвергалась сплошному и качественному лощению, особенно нижней части сосудов. По этой причине различить многие фрагменты горшков и столовой керамики не удастся. Таким образом, реальная доля столовой керамики должна быть несколько повышена за счет соответственного уменьшения доли горшков. Та же проблема и с котлами, стенки которых практически невозможно отличить от стенок горшков. Отсюда следует, что процентная доля котлов также была значительно выше, чем полученная при подсчете только фрагментов венчиков с характер-

ными выступами - "ушками", а соответственно скорректирован в сторону уменьшения опять же процент горшков.

Г о р ш к и (рис. 21; 22; 23, 1) - самый распространенный вид керамики на ПЦГ. Для уровня гончарного производства показательно практически полное вытеснение ручной формовки. Маловыразительные лепные фрагменты, которые, часто условно, отнесены к горшкам, представлены единицами. Массовое же изготовление горшков базировалось на применении совершенного ручного круга.

Преобладали сосуды с пологими плечиками, реже встречались с крутыми (рис. 21, 16) и круглобокие (рис. 22, 4-5). Большинство венчиков - слабо отогнутые валики. Для округлобоких, видимо, характерны прямые венчики-раструбы. На венчиках более сложного профиля, в том числе косо срезанных с тонким выступающим краем, есть насечки зубчатого штампа (рис. 22, 3, 7-10), но штамп бывает и на венчиках-валиках (рис. 22, 1-2, 6). Тулово подавляющей массы горшков покрыто сплошным линейным (гребенчатым) орнаментом; на плечиках встречается "волна" различной конфигурации и рядности (рис. 22, 2, 7, 15-20). Размеры устанавливались только для венчиков, диаметр которых варьировал от 8 до 20 см. Удалось восстановить лишь одну целую форму горшка с пола жилища № 42 (рис. 21, 16): высота 24 см. Частично восстановлена форма еще одного горшка из культурного слоя (рис. 23, 1).

К о т л ы с внутренними ушками. Среди них лишь несколько фрагментов лепных, в том числе один с характерными для лепной салтово-маяцкой керамики пальцевыми вдавлениями на венчике (рис. 23, 6-8). Прочие по технологии не отличимы от горшков - твердый серый черепок с большой примесью песка. В орнаментации - сплошной или зональный гребенчатый орнамент, иногда под венчиком многорядная волна. Тип "ушек" один - с двумя отверстиями, иногда разделенными ложбинкой (рис. 23, 2-3). Судя по реконструкции, диаметры венчиков достигали 25 см (рис. 23, 3).

С т о л о в а я керамика с лощением. Эта группа отличается наибольшим многообразием, но в то же время формы ее почти не поддаются реконструкции по фрагментам. Лишь некоторый опыт позволит определить по черепкам следующие формы: 1) кувшины высокогорлые с носиком-сливом, одноручные (рис. 24, 11); 2) немногочисленные одноручные кружки; 3) пифосы с двумя боковыми ручками; 4) трехручные кувшины канцерского типа с валиками на тулове; 5) полностью реконструирована форма одного характерного двуручного кувшина со слабо залощенной поверхностью (рис. 24, 10). Среди столовой керамики представлены как сосуды с хорошо залощенной поверхностью и разнообразным орнаментом, так и с небрежным лощением, особенно на больших сосудах, что затрудняет их идентификацию. Удалось выявить еще три редкие формы: лощеный горшок с прямым горлом (рис. 24, 7) и два венчика, принадлежащие небольшим сосудам конической формы с прямыми стенками. Оба из хорошо промытой глины с аккуратно выполненным пролощенным орнаментом, на одном он дополнен многорядной волной. Диаметр венчиков около 16 см (рис. 24, 5-6). Прототипы этих сосудов появляются еще в первые века н. э. (42, с. 21, рис. 8 - 1-3). Заметное место среди керамики занимают чашеобразные сосуды двух видов: с маленьким отогнутым венчиком (рис. 24, 1-4) и прямым (рис. 24, 8-9). Эти типы, особенно второй, составляют специфическую особенность столового набора ПЦГ.

На городище не встречены кружки с зооморфными ручками, что вообще характерно для степных памятников салтово-маяцкой культуры.

Привозная керамика представлена почти исключительно обломками круглодонных амфор северочерноморских типов и несколькими фрагментами тонкостенных ойнохой. Попадаются фрагменты красноглиняных сосудов иных, пока не установленных форм.

Для характеристики керамического комплекса Правобережного городища и его хронологии очень важное значение имеют следующие сравнения с Саркелом. Красноглиняные высокогорлые кувшины с плоскими ручками, составляющие в Саркеле 34% всей керамики (43, с. 249), на ПЦГ представлены одним-двумя фрагментами. На городище нет ни одного фрагмента поливной керамики, также широко представленной в поздних слоях Саркела. И кроме того, нет здесь и известной по Саркелу кочевнической керамики с ее легко узнаваемым "роскошным" орнаментом, а также "касожской" (43, с. 230-239). Опыт сравнения керамики ПЦГ с керамикой Болгарии был предпринят Л. Дончевой-Петковой (44).

Оружие. Орудия труда. Предметы быта.

Среди нижнедонских салтово-маяцких памятников Правобережное Цимлянское городище по разнообразию и количеству находок уступает только Саркелу - Белой Веже, накопившему несравнимо более мощный культурный слой. Только на раскопе № 6 найдено более 400 предметов около сорока наименований.

Предметы	Жилища	Хоз.ямы	Привратн. постр.	Кульг.сл.	Всего
Сабли, кинжалы (обломки)	2				2
Наконечники копий	2				2
Наконечники стрел	5			6	11
Петли колчанов железные	5				5
Стремя		1			1
Путы железные	1			1	2
Пряжки железные	3	2		4	9
Кольца упряжи железные	2	3		2	7
Пряжки поясные бронзовые	1			2	3
Накладки ремня бронзовые	1			2	3
Пластины четырехугольные железн.	49	18	2	20	89
Крючки рыболовн. железные	10			3	13
Блесна	1				1
Ножи	8	3	3	3	17
Мотыжки	2			3	5
Клещи	1				1
Пешня	2				2
Гвозди	3	3	1	4	11
Серпы	7	1			8
Коса-горбуша	1				1
Стержни железн	11	2	2	7	22
Резец	1				1
Дужки ведер	4			1	5
Замки	2				2
Ключ	1				1
Игла железная	1				1
Железные предметы плохой сохр.	79	3	6	25	113
Шлак (куски)	7	1	55	18	81

Бронзовые предметы (обломки)	3			3	6
Пряслица керамические	7	1		14	22
“Колесико”, серый металл	1				1
Жернова, терочки				5	5
Грузила каменные	1	1		3	5
Грузила из кирпича	2	3			5
Оселки	2		1	7	10
Зеркало бронзовое (фрагмент)		1			1
Астрагалы	1			1	2
Реликварий, кость		1			1
Изделия из кости	4		1	1	6
Бусы	6			3	9
Обрубок золотого (?) стержня	1				1
Дирхем, половина				1	1
Всего:	240	44	71	137	492
Итого без шлака:	233	43	16	119	411

Данная таблица приводит к весьма важным наблюдениям об особенности распространения вещей на городище. При том, что большинство их залегали не на полу жилищ, а в заполнении, можно было ожидать, что они должны равномерно распределяться в культурном слое городища, включая и заполнение жилищ. Однако в действительности картина получается совершенно иная. Хотя жилища занимают около 10% площади раскопа, в их заполнении оказалось 56% (!) всех найденных вещей. Некоторые виды вообще найдены только в котлованах жилищ или же количественно в них преобладают (железные пластины, рыболовные крючки, ножи, большинство деформированных железных изделий, изделия из кости, бусы). Вывод может быть однозначен. Большинство найденных в жилищах вещей оказалось там не случайно, скажем, путем постепенного или разового заполнения их культурным слоем, и к данному жилищу относятся непосредственно. Часть их к моменту гибели или просто оставления жилища уже в них находилась, а иные лежали или были утеряны непосредственно около них и впоследствии “сползли” в котлован. Надо учитывать и то, что вещи, не лежавшие в момент гибели жилища непосредственно на полу, а висевшие на стенах, на опорных столбах, не обязательно должны были оказаться на полу, а застревали среди его обломков. Впоследствии наносы культурного слоя фиксировали это положение. Таким образом, в комплекс вещей каждого жилища надо включать не только предметы, лежавшие непосредственно на полу (так называемый “закрытый комплекс”), но и вещи из заполнения, по крайней мере, большинство таковых. При этом не исключается, что небольшая часть их действительно могла попасть в заполнение позднее и случайно. В противном случае нам придется признать, что на поселении в период его существования валялись десятки самых разнообразных пригодных к употреблению вещей, даже таких крупных и заметных, как, скажем, серпы. Здесь нет возможности описать каждый из таких комплексов, представление о них дают соответствующие скомпонованные рисунки, в которые включено большинство лучших по сохранности железных вещей и почти все из более стойких материалов (рис. 12-16). Ниже предложены лишь предельно краткие комментарии к отдельным видам находок.

Предметов вооружения на городище очень мало, что несколько удивляет. Впрочем, немного их и в соседнем Саркеле. Вероятно, оружие после сражений

тщательно подбирались. Один фрагмент принадлежал сабле или кинжалу (рис. 12, 11). Второй, однолезвийный - сабле или боевому ножу (рис. 12, 19). Петли с листовидными пластинами от колчана (рис. 12, 21; 15, 9) - тип, характерный для салтово-маяцкой культуры (далее СМК). Среди наконечников стрел (рис. 12, 9-10; 19, 1-4) - трехлопастные, листовидный, ромбический с коротким плечиком. А. Ф. Медведев все наконечники городища относил к IX в. (45, с. 107), опираясь на усредненную дату городища по И. И. Ляпушкину. В то же время известно, что трехлопастные шире представлены в евразийских памятниках в VIII в. В хазарском слое Саркела найден лишь один такой (46, рис. 6, 15). С другой стороны, ромбовидный наконечник (рис. 19, 3) имеет аналогию в славянском (беловежском) слое Саркела (46, рис. 29, 24), что, однако, ничего не говорит о времени появления этого типа. Кроме того, надо иметь в виду, что указанный ромбический наконечник, как и два других (рис. 19, 1-2), найдены на поверхности городища в качестве подъемного материала, впрочем, при перекопанности памятника это не исключает его принадлежности к слою. Наконец, отмечу, что наконечники из раскопок И. И. Ляпушкина более разнообразны, но и среди них архаические трехлопастные занимают заметное место (10, рис. 16).

Немногочисленны и предметы конского снаряжения. Это железные пряжки (рис. 17, 12, 16-17; 19, 5-7) и одно овальное стремя (рис. 18, 2), не имеющие необходимых в данном случае узких дат.

Из железных изделий самые многочисленные - пластины, плоские или чуть изогнутые. В большинстве они трапециевидные, реже прямоугольные, одна удлиненная (рис. 12, 12-13; 13, 9; 15, 13-14; 17, 4; 19, 18-23). Ширина их достигает 7 см, высота 9 см, но были и более крупные. Судя по наиболее сохранившимся углам или краям, они имели заклепки. Изредка попадались обломки двух склепанных пластин. На одной же сохранились заклепки длиной до 1 см с широкими шляпками - признаки того, что эта пластина крепилась на толстую и, вероятно, мягкую основу (рис. 14, 13). С. А. Плетнева полагала, что железные пластины - это части клепаных котлов (11, с. 58). Этому противоречит то, что большинство пластин плоские или имеют изгиб очень большого радиуса. Во-вторых, зачем было делать в массовом порядке трудоемкие клепанные из мелких пластин котлы, если в обиходе были прекрасные глиняные. В-третьих, следов сварки швов на пластинах нет, а клепка не могла обеспечить плотное соединение и тем самым водонепроницаемость. Небезынтересно, что найден и обломок двух таким же образом склепанных медных пластин (рис. 19, 12). Для сравнения напомним о железном котле из Белой Вежи, сделанном в иной технологии (46, с. 484). До обнаружения целого изделия назначение этих предметов остается неясным. Лишь установлено, что часть пластин соединялась между собой, часть крепилась на мягкую основу (войлок - ?). К этой же серии, вероятно, относится и обломок круглой плоской пластины (рис. 15, 15), а также выпуклая, круглая, диаметром до 16 см с двумя отверстиями по краям. Ее особенность - утолщение одного края (рис. 18, 1).

Земледелие отражено двумя обычными для СМК жерновами-бегунами (рис. 20, 5-6), но главным образом серпами (рис. 13, 4; 14, 7-11; 17, 18). Представление о них дает лишь один целый (рис. 14, 11). Этот тип в разных вариантах представлен и на других памятниках СМК (30, рис. 25, 2-16), но аналогичные есть и в Белой Веже (46, с. 165). Диапазон их бытования очень широк, и для узкого датирования они мало пригодны. То же относится и к более редким косам-горбушам (рис. 13, 1), тип которых почти без изменений дожил до наших дней (47, с. 70).

Вторая по значению отрасль - рыболовство - представлена крючками и грузилами. Крючки трех типов: прямые (рис. 15, 8; 16, 3), согнутые (рис. 12, 26; 14, 14; 15, 6-7; 20, 3-4) и прямые с прямым жалом без бородки (рис. 13, 6). Эти же типы есть на городище Маяки (30, рис. 28), но они же найдены и в Белой Веже (46, с. 168). Найдена одна блесна (рис. 14, 15). Каменные грузила на редкость единообразны - удлинненно-овальные (рис. 12, 27; 17, 3, 8, 13-14; 20, 7) с желобком. Не настаиваю на отнесении к рыболовным массивного грузила из кирпича (рис. 23, 9). Вероятно, пешней является втульчатое орудие (рис. 15, 10). И все же главным показателем большого значения рыбы в рационе населения были не эти орудия, а пласты чешуи и костей на всей площади городища.

Весьма беден в наших раскопках инструментарий, за исключением большой серии массивных железных стержней прямоугольного или круглого сечения с одним загнутым концом. Стандартность формы говорит об их определенном назначении (рис. 12, 5; 14, 4-5; 15, 3; 17, 9-10; 19, 24-25).

Прочие железные предметы не нуждаются в особых комментариях. Многочисленность их не оставляет сомнений в том, что это изделие местных кузнецов. Кроме кузнечной обработки, производилась и плавка, наверное, из привозных криц. Следы этого производства - небольшие куски шлаков в 1-5 см, большинство которых найдено в помещении № 2 привратной постройки.

Из железных изделий приобретенными на стороне были только два замка. Первый, из жилища № 48, имел массивный конический круглый в сечении корпус длиной не менее 12 см. Корпус распался, что позволило зафиксировать механизм замка (рис. 16, 6). Второй замок найден в слое квадрата Л17 (рис. 20, 1). У него механизм той же конструкции, но корпус иной: прямоугольный в сечении (а), закрытый сверху крышечкой (б). Скважина для ключа находилась где-то в боковине. С первым замком этот схож не только механизмом, но и сужением корпуса книзу. Именно форма корпуса резко отличает замки с ПЦГ от замков славянского слоя Саркела, среди которых нет ни конических, ни однокорпусных прямоугольного сечения. Мне не удалось найти прямых аналогий и на других памятниках. Один замок с коническим, но несколько иного типа корпусом, найден на I Измерском селище. Е. П. Казаков, в свою очередь, ищет для него аналогии среди среднеазиатских, появляющихся с VII в. (48, с. 70-73). К сожалению, и эти уникальные для городища предметы не уточняют его хронологию.

Из медно-бронзовых изделий заслуживает упоминания фрагмент уникального зеркала диаметром около 20 см (рис. 17, 2). Его край имеет фигурный профиль, а обратная сторона покрыта циркульным, а возможно, и элементами иного орнамента. Насколько мне известно, на памятниках СМК такие зеркала не встречались; не удалось выяснить и центр их изготовления.

Но самой уникальной находкой на городище стала надпись из нескольких рунообразных знаков на кости. Нет таких надписей и в Саркеле, а также среди эпиграфических памятников Хазарского каганата и Северного Кавказа. На мой взгляд, палеографически она схожа только с надписью ст. Милютинской (49).

Прочие предметы из наших раскопок не требуют особых описаний и могут быть узнаны по прилагаемым рисункам. В целом же они существенно дополняют представление о материальной культуре ПЦГ, а главное, показывают, что комплекс вещей в южном углу городища был тот же, что и на остальной его территории.

Стратиграфия и хронология

Несмотря на полувековое изучение городища, вопросы его стратиграфии и хронологии не получили не только разрешения, но и должного освещения в литературе. Осложняется положение и тем, что оно исследовалось тремя авторами, в разные годы и на разных участках, а результаты их раскопок не обобщены. Впереди еще комплексное сравнение вещевого материала. Наконец, требуется скрупулезное сравнение по разным линиям (жилища, керамика, металл и пр.) ПЦГ и Саркела. По этим причинам я выскажу о стратиграфии и хронологии городища только самые общие соображения, но начну с опыта своих предшественников.

Первая такая разработка принадлежит перу И. И. Ляпушкина (8). В его схеме четыре периода. Первый характеризуется исключительно лепной керамикой и небольшой постройкой типа юрты. Даже упоминание “железных шлаков” и сравнение керамики с керамикой Маяцкого поселения не вызывают у меня сомнений, что речь идет о слое эпохи поздней бронзы, который действительно отличается исключительно лепной керамикой. Кроме того, нами открыты и два небольших юртообразных жилища этого времени, которые, если бы не присутствие керамики, можно принять за средневековые. Примечательно, что и сам И. И. Ляпушкин пишет, что по “облику всей материальной культуры” последующий “второй период резко отличается от первого”. Итак, объективно Ляпушкин отделил культуру первого периода от последующих, но определил ее неверно. Период второй: каменная крепость от строительства до гибели, которую он предположительно связывает с одновременным взятием Саркела русскими в 965 г. За постройки этого периода признаются кирпичные. Третий период: жилища юртообразные. Что для нас исключительно важно, так это указание на то, что вещественный материал, типично салтовский, второго и третьего периодов так единообразен, что “нет возможности расчленить его и стратиграфически ввиду незначительной мощности культурных напластований и последующих нарушений их” (8, с. 59). Разрушение жилищ третьего периода и скелеты в некоторых из них И. И. Ляпушкин связывает с окончательным падением Хазарского каганата в конце X - начале XI ст., а конкретно - с набегами степняков. Четвертый период выделяется в связи с предполагаемой попыткой восстановления крепостных сооружений и обнаружением под крепостной стеной жилища “третьего периода” со скелетом. Подведем итоги, естественно, с современных позиций. Фактически И. И. Ляпушкин выделил на ПЦГ два слоя. Первый - слой бронзы, ошибочно принятый им за самый ранний средневековый. Второй - это стратиграфически неразделяемый тонкий средневековый, салтовский. Судя по многим замечаниям И. И. Ляпушкина, прекрасного раскопщика, им прослежены не два средневековых пласта, а отдельные стратиграфические перевязки между разными по характеру объектами е д и н о г о слоя, возникающие неизбежно на любом развивающемся поселении, да еще при таких недолговременных постройках, как юртообразные. Что же касается хронологии, то объективных оснований для предложенных дат нет, даже для такой, как 965 г. Фактически И. И. Ляпушкин “распространил” на городище все три основных столетия существования СМК: VIII-X вв. Что же касается внутренней логики развития жизни на месте городища (не считая эпохи бронзы, конечно), то она, по И. И. Ляпушкину, представляется так: сначала возникает крепость, после разрушения на ее месте продолжает существовать поселение с возможными попытками восстановить укрепления.

Вторая периодизация принадлежит М. И. Артамонову. Он, совершенно не вникая в стратиграфические подробности, а пользуясь находкой клада монет и

собственными историческими постройками, не рассматривая причин и даты возникновения городища, главное внимание уделил реконструкции обстоятельств разгрома крепости в первой трети IX в. С датой, указанной кладом, нельзя не согласиться. После разгрома крепости на ее месте, по Артамонову, продолжает существовать открытое поселение. В целом же, крепость интересовала его как одно из мест событий так называемой гражданской войны в Хазарии (21, с. 321-323).

По сути, периодизацию М. И. Артамонова повторяет в 1964 г. С. А. Плетнева, которая также затруднялась определить дату возникновения жизни на месте городища. Она допускала возможность посещения этого места по крайней мере в VII в., а некоторые жилища относил к жизни не обитателей крепости, а ее строителей. Весь же основной комплекс построек, в том числе юртообразных, она связывала с возникновением и существованием крепости вплоть до ее разгрома (по монетному кладу) в начале IX в. Вслед за этим оставшееся население, сровняв следы разгрома, продолжает заниматься сельским хозяйством и ремеслом, но крепость уже не восстанавливается.

Как мы видим, И. И. Ляпушкин и С. А. Плетнева построили значительно различающиеся деталями, но в принципе одинаковые схемы: первый период - возникновение крепости в VIII в.; второй - разгром и кратковременное запустение; третий - заселение руин и, по Ляпушкину, попытка восстановления крепости. Начальная и конечная даты памятника для них, как и для М. И. Артамонова, остались неясными. Существенно расхождение по дате разгрома крепости. Казалось бы, осталась не решенной только проблема хронологии, но в последнее время С. А. Плетнева коренным образом изменила свое толкование культурного слоя памятника в целом (см. ее статью в настоящем сборнике): согласно новой трактовке не поселение возникает на месте разрушенной крепости, а, наоборот, крепость строится на месте разоренного поселения. Столь резкая перемена показывает, что вопрос о стратиграфии городища далек от разрешения. В связи с этим, надеюсь, будут небезынтесны наши наблюдения.

Во-первых, установлен чрезвычайно важный для понимания всей стратиграфии памятника факт: самым нижним, да и самым выразительным, по крайней мере в пределах раскопа № 6, был слой эпохи поздней бронзы. Это нигде не прерывающийся достаточно однородный сыпучий массив гумусированного песка, насыщенный размельчившимися от времени древесными углями, что придавало ему черно-бурый цвет. Судя по береговому срезу и контрольному исследованию вплоть до материка на участке XX, его мощность достигала 50-60 см. Культура слоя определяется крайне однообразной неорнаментированной лепной керамикой, преимущественно округлобокими лепными горшками (впервые восстановлены целые формы) и редкими кремневыми изделиями (рис. 25, 1-33), а также мелкими обломками костей животных. Впервые открыты и постройки. Одна овальная размером 2 x 2,5 м в толще слоя на участке XXI. Вторая такого же типа, но большего диаметра и хуже сохранившаяся, с очажком, около которого лежал раздавленный сосуд (рис. 25, 1), на участке XX. Обе постройки типологически близки средневековым. Не это ли ввело в заблуждение И. И. Ляпушкина? В слое эпизодически встречаются единичные фрагменты и более ранней керамики (рис. 25, 35-43). Костяные изделия представлены одной поделкой (рис. 25, 34) (слою бронзы будет посвящена отдельная публикация).

Второе: почти на всей вскрытой площади черно-бурый слой бронзы перекрыт практически стерильным желто-серым или желтым песком. Толщина его неравномерна - 3-10 см, иногда во впадинах и более. Во многих местах прослойка

прерывается. Именно этот желтый песок служит естественной стратиграфической границей между слоем бронзы и средневековым салтово-маяцким, для которого он является подстилающим.

Переходим непосредственно к средневековым отложениям и начнем с крепостных сооружений. Обрывок восточной стены (кладка 4), южная куртина, обе башни и привратная постройка лежат исключительно на стерильном желтом песке, который в свою очередь покоится на слое бронзы (рис. 7, 1-3; 8, 3). Особенно подчеркну залегание того же песка под внешними стенами привратной постройки (рис. 5, 6; 6, 1-2, 4). Только под поперечной ее стеной выявилось небольшое углубление, засыпанное землей со строительным мусором, что явно связано с перепланировкой помещения (рис. 6, 3). Никаких культурных остатков средневековья мы не увидели и в стенках глубокой ямы в помещении № 1 этой постройки (рис. 5, 1-3). Яма прорезала слой бронзы и основанием ушла в материк. Еще более показательным полное отсутствие средневековых материалов под западной крепостной стеной, в чем можно было убедиться благодаря хорошей сохранности ее ложа, освобожденного от плит в XVIII в. (рис. 9). Вывод однозначен: крепостные сооружения Правобережного городища возведены на площадях, полностью свободных от каких-либо культурных остатков средневековья, не только салтово-маяцких, но и более ранних.

Перейдем к планиграфии. Если культурный слой эпохи бронзы залегает по всей площади раскопа, вплоть до самой южной оконечности городищенского мыса, то средневековый четко ограничен внутренней линией крепостных стен. И. И. Ляпушкин и С. А. Плетнева по понятным причинам не могли установить это обстоятельство - они работали исключительно внутри крепости. Нам же удалось вскрыть большую площадь за южной и восточной куртинами (рис. 2, участки IV, VIII, XI-XVII, XIX). Здесь не только не было собственно слоя, но и керамика была представлена буквально единичными фрагментами. Не было и столь характерных для внутреннего пространства городища остатков рыб. В западном секторе раскопа, большая часть которого занята юго-западной башней, найдено всего лишь около сорока фрагментов керамики, но почти все они происходили из перекопа XVIII в. Здесь не оказалось ни одного (!) железного или иного предмета. И главное: за крепостными стенами и башнями и на месте, занимаемом всей вскрытой линией крепостных стен на протяжении около 60 м, не оказалось ни одной (!) постройки, хозяйственной ямы или иных объектов, предшествующих возведению крепости (яма № 36 на линии восточной крепостной стены относится ко времени второй мировой войны - в ней найдена граната РГ-1). Мало того, жилищ и хозяйственных ям не было и в пристенном внутреннем пространстве крепости. Жилища 41, 49, 47, 42 отстоят от стены на примерно равном расстоянии - 3-4 м. И только края жилищ 43 и 44 оказались под самым краем крепостной стены, но показательным то, что и они расположены по ее направлению. Эти постройки могли принадлежать строителям стены, но я не исключаю, что они были пристроены к стене на последнем этапе жизни крепости - срезы их котлованов лежат строго на уровне основания стены. Последнее более чем вероятно.

Должно обратить внимание, что нет жилищ или ям строителей непосредственно против воротного проема юго-восточной башни. Нет предшествующих построек на месте обширного привратного помещения. Итак, планиграфия южного отсека крепости со всей определенностью показывает: расположение жилищ и хозяйственных ям находится здесь в прямой зависимости от очертаний оборонительных сооружений. Вероятно, этот вывод может быть распространен и на всю кре-

пость. Напомню, в привратном отсеке крепости, где жилища и хозяйственные ямы были бы помехой для проезда, а тем более концентрации воинов при обороне главных ворот, таковых действительно не оказалось, что установлено С. А. Плетневой на раскопе № 3 (рис. 1, 5). В то же время на раскопе № 5 она выявила одно жилище - № 28, которое, по ее наблюдениям, должно было находиться на трассе восточной крепостной стены. Это жилище я склонен отнести к постройкам строителей крепости.

Перейдем к стратиграфической ситуации уже внутри южного отсека крепости. Как только что было показано, за ее пределами ни культурного слоя, ни построек интересующего нас времени нет. Общая толщина напластований здесь различна. Максимальной она оказалась на линии западного борта раскопа между точками Ф9 и Л9 - до 190 см, но большей частью не превышает 100-150 см. В качестве образцов стратиграфических разрезов публикуются самые длинные - по западному и восточному бортам раскопа (рис. 7-8).

Подстилающим, как уже указывалось, на всей площади является слой эпохи бронзы, покрытый местами стерильным желтым песком. Именно над песком лежит важнейшая для понимания стратиграфии городища прослойка белой известняковой крошки, отмечающая основание собственно средневековых напластований. Эта прослойка, названная строительной, образовалась в период сооружения крепости из отходов при подтеске блоков. Толщина ее не превышает нескольких сантиметров. Залегает она одним горизонтом, но прослеживается не сплошь, а отдельными пятнами, что хорошо видно на разрезах (она обозначена линиями мелких крестиков выше слоя эпохи бронзы, обозначенного косой сеткой). Непосредственно над строительной прослойкой залегает основной культурный слой городища - темно-серый с включением редкой крошки, проникшей в него из вышележащего развала блоков. В дальнейшем при упоминании "культурного слоя городища" следует понимать именно этот слой. Строительный и культурный слои залегают на уровне основания крепостных стен (рис. 7, 3) и никогда ниже. Средняя мощность слоя невелика - около 20 см, редко до 30 см. Разница в толщине была значительна даже на соседних квадратах, но общая тенденция совершенно определена: слой относительно толще и насыщеннее на участках I-II, V-VI, т. е. в центре; в направлении к восточной стене он становился все более тонким и прерывистым. Непосредственно около стен он практически исчезал. Если нижняя граница слоя хорошо фиксируется горизонтальной строительной прослойкой, то верхняя перекрыта мощным пластом обломков блоков в смеси с серым грунтом, что "размывало" его верхний горизонт. В слое сосредоточена значительная часть керамики и других находок, в том числе железных. Характерным его признаком являются прослойки рыбьей чешуи и рыбьих костей. Стратиграфически тонкий культурный слой неделим. Именно к нему относятся приведенные выше слова И. И. Ляпушкина о невозможности его расчленения из-за незначительной мощности и последующих перекопов. Таким образом, наши работы подтвердили это важное наблюдение. Состояние культурного слоя на месте его работ и на раскопе № 6 оказалось одинаковым.

Следующий слой, самый мощный, - развал обломков блоков. Вдоль западного борта раскопа он достигал 150 см и более (рис. 7, 4-5). Развал обломков не только перекрывает внутреннюю площадь южного отсека крепости, но и окружающее пространство. Стратиграфически и по структуре развал неоднороден, но состоит из множества переплетающихся пластов и прослоек. Чередуются в разных сочетаниях скопления крупных и мелких обломков блоков. Отдельные скопления

насыщены серой супесью, другие исключительно известняковой щебенкой и крошкой. Связано это с многоэтапностью формирования развала. Первые обломки блоков появляются, вероятно, при нарушении стен в момент захвата крепости в начале IX в., затем шли преднамеренные разрушения и последовавшее за этим неравномерное в течение столетий. Наконец в XVIII в. южный отсек был перерыт при разборке остатков стен и поисков сохранившихся блоков в развалах. О неоднократном перекапывании свидетельствует керамика и другие предметы салтовского времени, находимые на разных уровнях. Примечательно, что пластов рыбьих остатков здесь уже нет. Надо подчеркнуть, что в развалах нет и более поздних материалов - X в. и последующих.

Верхний пласт на городище - это наносы песка из поймы Дона, а затем с берега водохранилища.

Незначительная толщина, однородная структура и стратиграфическая неделимость - признаки кратковременности формирования культурного слоя. Строительная прослойка, залегающая на одном уровне с основанием стен, безусловно указывает, что накопление слоя началось только после сооружения крепости. Связь между ее стенами, строительной прослойкой и культурным слоем сомнений не вызывает. Остается, однако, дискутируемый донные вопрос: все ли жилища на городище (в данном случае на раскопе № 6) следует относить ко времени существования крепости? Другими словами, не могут ли они все или некоторые из них относиться к поселению, которое предшествовало крепости или же возникло на ее развалинах.

Данных о поселении, предшествующем городищу, на раскопе нет: 1) Ни одно из жилищ или хозяйственных ям не залегает заметно ниже строительного горизонта. Наоборот, пятна всех жилищ и хозяйственных ям фиксировались практически на одном уровне с вариацией в несколько сантиметров. 2) Более того, установлено, что некоторые котлованы прорезали строительную прослойку. Это жилища 41 (рис. 7, 1, 4), 48 (рис. 7, 1, 5), 49, а также котлован неисследованного жилища в северном борту раскопа (рис. 7, 2; 8, 2). То же отмечено для ряда хозяйственных ям. 3) Жилища 43 и 44 у основания восточной крепостной стены либо непосредственно ей предшествовали, т.е. возникли в связи со строительством крепости, либо были пристроены позднее к уже стоящей стене. 4) Все железные изделия сосредоточены в культурном слое, как правило, вокруг жилищ и абсолютно идентичны происходящим из котлованов.

Надо обратить внимание и на то, что на раскопе № 6 нет ни одного случая пересечения разновременных жилищ или же жилищ и ям. Даже при значительно большем количестве их открытых С. А. Плетневой такие случаи оказались исключением. Но и там надо говорить не о пересечении, а о замене одного жилища другим, т.е. о перестройках в пределах одного поколения. Наши раскопки увеличили статистические данные в пользу одновременного существования сооружений.

Большинство жилищ не только построены, но и погибли одновременно, о чем можно судить по одинаковому составу заполнения их котлованов и соседних хозяйственных ям. Основной объем заполнения - культурный слой того же состава, что и на всей окружающей площади. При этом в жилищах и ямах на разных уровнях и в разных количествах оказались обломки блоков из разрушавшихся крепостных стен. Примечательно, что ни один котлован или яма не заполнялись полностью только обломками блоков или же отходами их обработки. Это означает, что жилища и ямы не засыпались преднамеренно и целенаправленно (что можно было бы предположить) ни в ходе строительства крепости, ни после начавшегося

разрушения. Наоборот, они заплывали окружающим их слоем постепенно. При этом некоторые куски блоков оказались в котлованах сразу, возможно, в момент захвата крепости, другие заваливались позднее. Среди последних были и два целых редких для крепости ракушечных блока в заполнении жилища 47 (рис. 11,1).

Еще более показательны наличие в заполнении всех без исключения жилищ и хозяйственных ям обломков кирпичей, в значительном числе находившихся и в культурном слое. Ясно, что и в заполнение они могли попасть только из него. Сам характер заполнения, слонстый, показывает, что жилища действительно не засыпались одноактно, но затягивались постепенно. Безусловно, какая-то жизнь на городище продолжалась и после разрушения большинства жилищ. Вероятно, ее следами являются пласты рыбьих отходов в покинутых жилищах. Впрочем, они могли сползть в котлованы вместе со всей массой культурного слоя. Нельзя исключить, однако, что временно оставшееся или ненадолго вернувшееся население крепости засыпало некоторые жилища преднамеренно для сокрытия останков погибших, обнаруженных на всей площади памятника. Вспомним захоронения детей около жилища 46 и в котловане 49. Все сказанное свидетельствует, на мой взгляд, в пользу того, что разрушение жилищ самым непосредственным образом связано с разрушением крепости. И последнее стратиграфическое наблюдение: ни над одним жилищем нет отложений поздней деятельности, что еще раз заставляет вспомнить замечание И. И. Ляпушкина о нерасчлененности салтовского слоя. Такова в самых общих чертах стратиграфическая и планиграфическая ситуация на Правобережном Цимлянском городище.

Основные итоги по стратиграфии городища могут быть сведены к следующему. 1) Городище возникло на месте поселения эпохи поздней бронзы со значительным культурным слоем, содержащим овалы жилища с открытыми очагами, лепную керамику и кремневые изделия. Салтовский слой и крепостные сооружения отделены от него стерильной прослойкой, но все жилища и хозяйственные ямы либо впущены в него, либо прорезали вплоть до материка - песчанистого желтовато-коричневого суглинка. 2) Средневековый культурный слой формировался исключительно в пределах крепостных стен. К крепости относится и большинство открытых в ней жилищ. За крепостными стенами нет ни культурного слоя как такового, ни построек (на этом фоне показательны распространение слоя эпохи бронзы на всей площади городищенского мыса). 3) Слой городища маломощен и однороден, комплекс находок в нем единообразен в культурном и хронологическом отношении. 4) Все жилища стратиграфически привязаны к культурному слою, синхронны с ним и крепостными сооружениями. 5) На городище нет слоев или иных стратиграфических показателей активной деятельности непосредственно предшествовавшей сооружению крепости или более поздней. В итоге Правобережное городище предстает как однослойный памятник (не считая в данном случае отложения бронзового века) с кратким периодом существования.

Раскопки 1987-1988, 1990 гг. дали тот же комплекс находок, что и проводившиеся И. И. Ляпушкиным и С. А. Плетневой. Это прямо указывает на единый культурно-хронологический облик городища на всей его площади. По-прежнему достаточно точному определению на основе монетного клада из жилища 2/1958 г. поддается лишь время захвата крепости. Младшей в кладе является монета краткого правления халифа Амина (809-813 гг.) (21, с. 322), что позволяет отнести это событие к первой половине IX в. В хронологические рамки клада (старшая монета - обломок драхмы Хормизда IV, 579-590 гг.) вписываются половинка омаядского диргема - ал-Андалуз, 722-723 гг. из раскопок И. И. Ляпушкина (50, с. 77) и по-

ловинка дирхема 796-797 гг. из г. Зерендж на юге Ирана. По мнению определившего ее А. В. Фомина, поступление этой монеты на Дон относится к периоду 20-80-х гг., но более вероятно, ко второй четверти IX в. Монета найдена в развале блоков на раскопе № 6. Таким образом, и эта последняя монетная находка подтверждает указанную дату захвата крепости.

Предметов, которые с желательной точностью указывали бы на время основания крепости, пока не найдено. Можно лишь отметить, что среди них нет ни одного, который с уверенностью можно было бы отнести к VIII в. Косвенным подтверждением этого является чрезвычайная редкость лепной керамики. Несколько таких фрагментов надо рассматривать как пережиточное явление. Нельзя безоговорочно отнести к VIII в. и редкие трехлопастные наконечники, продолжающие достаточно широко бытовать и в IX в.

Раскопки не дали и материалов, уточняющих хронологию заключительной фазы Правобережного городища. Обратимся к косвенным данным. На городище нет стеклянных браслетов и поливной керамики, а также амфор X в. Даже фрагменты красноглиняных высокогорлых кувшинов, появление которых в Причерноморье относится к IX в. (43, с. 249) здесь единичны. Нет среди беловежских железных замков аналогий двум правобережным. С другой стороны, весь керамический комплекс городища, типично салтово-маяцкий по составу и облику, не выходит за пределы IX в. В те же хронологические рамки укладываются и многочисленные фрагменты круглодонных амфор.

Особое внимание среди находок на городище всегда привлекали кирпичи. В частности, М. И. Артамонов полагал, что они попадали сюда из Саркела после его захвата войнами Святослава в 965 г. (11, с. 59), когда саркельская крепость начала интенсивно разрушаться. При этом кирпичи связывались не с самой Правобережной крепостью, но с якобы возникшим на ее развалинах поздним поселением. Как я уже отмечал, поздних напластований на городище не оказалось, а кирпичи залегали как в самом культурном слое, так и в жилищах, погибших вместе с крепостью в первой половине IX в. Приходится признать, что кирпичи начинают поступать в Правобережную крепость сразу же, как только было налажено их изготовление для Саркела, начало строительства которого М. И. Артамонов относил к 834 г. Итак, кирпичи в Правобережной крепости не только не противоречат датированию ее по монетам не позднее середины IX в., но и позволяют внести важное уточнение: крепость какое-то время сосуществовала с ранним Саркелом. Нельзя оставить без внимания и весьма любопытное предположение М. И. Артамонова об изготовлении некоторых видов кирпича непосредственно самими жителями крепости (использовались же здесь сырцовые кирпичи), а также о возможной доставке кирпичей и неизвестной в Саркеле черепицы из Семикаракорской крепости (21, с. 320). Эта смелая гипотеза еще нуждается в проверке, но не должна игнорироваться. Как показали наши раскопки (51), это не было известно М. И. Артамонову, цитадель Семикаракорской крепости была застроена кирпичными зданиями, среди развалин которых найдено большое количество черепицы - керамид и калиптеров. Таким образом, строительная керамика могла поступать в Правобережную крепость не только из Саркела, но еще раньше из Семикаракорской крепости. Подчеркну, что материалов X в. в Семикаракорях нет.

Определить продолжительность существования Правобережной крепости можно весьма приблизительно, взяв при этом за эталон скорость накопления культурного слоя в Саркеле. Последний за 130 лет с 834 по 965 г. достиг 75 см, то есть возрастал в год на 5,7 мм. Нетрудно подсчитать, что 20-30 см правобережного

слоя должны были накопиться за 35-52 года, а усредненно за 40 лет. Теперь, если принять за одну из точек отсчета дату младшей монеты правобережного клада - 813 г., то вычисленные сорок лет жизни крепости как раз и уложатся в первую половину IX в., причем в этот отрезок времени попадает и начальный этап жизни Саркела, минимум 10-15 лет. При всей условности такой методики подсчета мы все же получили достоверный результат, не противоречащий двум археологическим фактам: дате разгрома крепости по кладу, который не выходит за пределы второй четверти IX в., и находкам в крепости саркельских кирпичей, которые не могли появиться в ней ранее 834 г. Не имея возможности стратиграфически расчленить на этапы кратковременную жизнь Правобережной крепости, я тем не менее позволю себе предложить следующую реконструкцию. Несмотря на трехлетние интенсивные поиски, обнаружить около городища открытое поселение не удалось. Можно уверенно полагать, что первые жилища появились непосредственно на месте будущей крепости еще до начала ее строительства. Именно эти жилища, жилища строителей, в дальнейшем могли попадать под возведенные позднее крепостные сооружения - внешние и внутренние стены и башни. Судя, однако, по раскопу № 6, где таковых не оказалось, первопоселенцы уже заранее планировали строительство крепости и хорошо представляли себе ее контуры. Затем следует период собственно строительства. Он мог растянуться на ряд лет с учетом возможных перерывов в зимний сезон. С возведением стен в их пределах началось накопление культурного слоя. Мы не знаем, на сколько лет было рассчитано каждое жилище, но, безусловно, той скученности, которая предстает в ходе раскопок, в реальной жизни не было. Вместо первых, уже обветшавших, возводились по соседству новые. Котлованы старых могли использоваться для хозяйственных нужд или в них могли устраиваться новые, но уже меньшие по размерам постройки, что зафиксировано С. А. Плетневой на центральных раскопах. Старые котлованы могли превращаться в мусорные ямы. Не отсюда ли слои кухонных отходов в ряде котлованов? Происходили перепланировки. Примером может служить облицованный сырцом погреб, выкопанный на месте жилища 14/1958 г. Какие-то жилища могли погибнуть и при пожарах.

Набег на крепость был внезапным - среди погибших преобладают женщины и дети. Надо полагать, в ходе штурма, не встретившего особого сопротивления, сами крепостные стены не пострадали. На кратковременность схватки, если таковая и была, указывает мизерное количество найденных в крепости предметов вооружения, даже наконечников стрел. После этих трагических событий какая-то жизнь в крепости еще теплилась - были совершены прямо на месте захоронения некоторых погибших. Что касается самой крепости, то она вскоре либо была заброшена и предоставлена естественному разрушению, либо, что более вероятно, хотя бы частично разрушена, приведена в непригодное для обороны состояние и уже не могла быть использована в дальнейшем. Остается только гадать, почему власти Саркела не использовали этот удобный пункт обороны в своих целях, но, как уже говорилось, находок X в. в крепости нет.

***

Наши раскопки, как я надеюсь, внесли существенные уточнения в "археологическое" представление о Цимлянском городище, в частности, в отношении его стратиграфии, фортификации и хронологии. Весьма заманчиво воспользоваться этим и попытаться реконструировать исторические обстоятельства строительства и гибели крепости, но это занятие представляется мне мало перспективным из-за скудности письменных источников. Надо полагать, что развер-

нувшееся в Подонье строительство каменных крепостей отражает внутреннюю стабилизацию и общее усиление Хазарского каганата во второй половине VIII - начале IX в. В прошлом остались арабо-хазарские войны, и еще не перешли Волгу орды венгров и печенегов, а Русь еще не отважилась на поединок с восточным соседом. В это время строятся такие каменные крепости, как Маяцкая, Верхне-Ольшанская, Верхне-Салтовская и интересующая нас в первую очередь Правобережная Цимлянская. Однако вся эта бурная строительная деятельность не нашла ни малейшего отражения у современных историографов - Подонье было глухой и малодоступной провинцией тогдашнего цивилизованного мира. Не отразили они перипетий внутренних событий в каганате в первой половине IX в., и, если бы не Константин Багрянородный, записавший некоторые самые общие, но ныне бесценные данные о событиях этого времени, причем столетие спустя и по совершенно иному поводу, то остались бы неизвестны как важнейшая для хазароведения дата основания Саркела, так и некоторые детали восстания кабаров и участия в них венгров. Ничего не знают о донских и донецких крепостях каганата и хорошо информированные арабские географы.

Все доступные сведения о событиях в Хазарии собраны и с исключительной тщательностью проанализированы М. И. Артамоновым. Вслед за ним я склонен связывать разгром Правобережной крепости с событиями гражданской войны в Хазарии и с ее последствиями. Должен однако отметить, что и сам М. И. Артамонов схему событий, построенную на письменных источниках, пытается уточнить по результатам раскопок Правобережного городища. Так, в качестве важного датировочного фактора им использован клад из жилища № 2. Я полностью разделяю следующие положения М. И. Артамонова: 1) крепость не была разгромлена печенегами, появившимися позже; 2) гражданская война в Хазарии относится к первой трети IX в.; добавлю, что вызванные ею столкновения наверняка продолжались и дольше; 3) Правобережная крепость была уничтожена самими хазарами в результате внутренней борьбы (21, с. 322, 325). Однако, в отличие от М. И. Артамонова, я допускаю (в частности, в связи с нерешенной проблемой происхождения кирпичей), что крепость была разрушена не перед строительством Саркела, а несколько позже. М. И. Артамонов же полагал, что "самое построение Саркела было следствием разрушения Правобережной крепости" (21, с. 322). Мое уточнение носит частный характер и не оспаривает тот факт, что с 834 г. и вплоть до 965 г. главным опорным пунктом Хазарии на излучине Дона был Саркел. Что касается находок из раскопок городища, то мы пока не в состоянии разделить их на относящиеся к первой трети и к середине IX в. Во всяком случае, массовый археологический материал показывает, что до X в. крепость не дожила.

Изучение Правобережного городища далеко от завершения. Видятся две основные задачи: 1. Городище гибнет под натиском Цимлянского водохранилища и нуждается в широкомасштабных раскопках, на что, впрочем, надежды мало. 2. Необходимо комплексное изучение всех добытых на городище материалов за 1939, 1958-1959, 1987-1988, 1990 гг. В совокупности это внесет значительные и, возможно, неожиданные изменения в представление о выдающемся памятнике Хазарского каганата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов М. И. Средневековые поселения на нижнем Дону // ИГАИМК. 1935. Вып. 131.
2. Краснянский М. Б. Памяти Харитона Ивановича Попова // Записки Северо-Кавказского Краевого Общества Археологии, Истории и Этнографии. Вып. 2. Ростов-Дон, 1927.
3. Попов Х. И. Где находилась хазарская крепость Саркел? // Тр. IX АС, т. I. М., 1895.
4. Милютин А. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище // ИАК, 1909. Вып. 29.
5. Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907-1909 гг. // ИАК. 1911. Вып. 43.
6. Замятин С. Н. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах // Воронежский историко-археологический вестник. Вып. 2. Воронеж, 1921.
7. Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // СА. 1940. VI.
8. Ляпушкин И. И. Раскопки Правобережного Цимлянского городища // КСИИМК. 1940. Вып. IV.
9. Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX-XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. 1941. № 6.
10. Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. № 62.
11. Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище // СГЭ. 1964. Вып. XXV.
12. Димитров Дм. Прабългарите по северното и западното Черноморие. Варна: "Георги Бакалов", 1987.
13. Сизов В. И. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону // Тр. VI АС, т. IV. Одесса, 1889.
14. Плетнева С. А. Хазары. М., 1976.
15. Флеров В. С. Правобережное Цимлянское (Деснобрежно Цимлянско) городище по раскопкам 1987-1988, 1990 гг. // Проблемы на прабългарската история и култура. Том 2. София: "Аргес", 1991.
16. Артамонов М. И. Саркел - Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.
17. Флеров В. С. Верхне-Ольшанское городище. Отчет о раскопках в 1991 г. Архив Института археологии АН СССР.
18. Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
19. Василева Д. Конструкция и техника стройки стен Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. М., 1990.
20. Миллер А. А. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926-1927 гг. // Сообщения ГАИМК. Т. 2.
21. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
22. Раппопорт П. А. Крепостные сооружения Саркела // МИА. 1959. № 75.
23. Мелитаури К. Н. Крепости дофеодальной раннефеодальной Грузии. Т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
24. Плетнева С. А. О построении кочевнического лагеря-вежи // СА. 1964. № 3.
25. Каменцева Е. И. Меры длины в первой половине XVIII в. // История СССР. 1962. № 4.

26. Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.
27. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1962.
28. Іченська О. В. Цитадель Салтівського городища // Археологія. 1980. № 34.
29. Михеев В. К., Дяченко А.Г. Дослідження ранньосередньовічного поселення поблизу с. Суха Гомольща // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. К.: Наук. думка, 1972.
30. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985.
31. Афанасьев Г. Е. Исследования южного угла Маяцкой крепости // Маяцкое городище. М., 1984.
32. Флеров В. С. Правобережное Цимлянское (Деснобрежно-Цимлянско) городище по раскопкам 1987-1988, 1990 гг. // Проблемы на прабългарската история и култура. Т. 2. София: "Аргес", 1991.
33. Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение // МИА. 1958. № 62.
34. Нахапетян В. Е. Граффити Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.: ИА АН СССР, 1990.
35. Дуранкулак. Том I. София: изд-во на Балгарската академия на науките, 1989.
36. Хузин Ф. Ш. Салтовский компонент в культуре населения раннего Булгара (Билярского городища) // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.
37. Димитров Дм. И. Принос към изучаването на старобългарското жилище в североизточна България // Известия на народния музей - Варна. Кн. IX (XXIV), 1973.
38. Флеров В. С. Юртообразные жилища праболгар в Восточной Европе // Материалы конференции "Вопросы этнической истории Волгодонья в эпоху средневековья". Пенза, 1992 г.
39. Ботов К. Раннесредневековни български селища по южното добруджанско крайбрежие // Тр. V Международного конгресса археологов-славистов. К., 1988.
40. Белецкий В. Д. Жилища Саркела - Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
41. Нахапетян В. Е., Шамрай А. В. Митологичен сюжет върху раннобългарско изделие от Подонието. // Археология. 1990. Кн. 2.
42. Косяненко В. М. Хронология сероглинной керамики некрополя Кобякова городища // Известия Ростовского обл. музея краеведения. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 1989.
43. Плетнева С. А. Керамика Саркела - Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
44. Дончева-Петкова Л. Сравнителен анализ между керамиката от Деснобрежното Цимлянско градище и България // Проблемы на прабългарската история и култура. Т. 2. София: "Аргес", 1991.
45. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. М., 1966.
46. Сорокин С. С. Железные изделия Саркела - Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
47. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.
48. Казаков Е. П. Булгарское село X-XIII веков низовий Камы. Казань, 1991.

49. Флеров В. С., Турчанинов Г.Ф. Средневековая аланская надпись из-под станицы Милютинской Ростовской области // Изв. Юго-Осетинского НИИ. Тбилиси, Мецниереба, 1980.

50. Кропоткин В. В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII - первой половине IX в. // Славяне и Русь. М., 1968.

51. Флеров В. С. Раскопки Семикаракорского городища // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1973.

V. S. FLEOROV
**RIGHT-BANK TSIMLIANSKOE GORODISHCHE (FORTIFIED SETTLEMENT)
(MATERIALS OF EXCAVATIONS
IN 1987-88, 1990)**

Summary

Right-bank Tsimlianskoe Gorodishche - a fortified settlement of Khazar Caganate - has been under investigation since the end of the 19th century. Soviet-Bulgarian (1987-88) and Tsimlianskaya (1990) expeditions under V.S.Fleorov worked in the southern part of the site, which had not been studied. They made substantial clarifications concerning its stratigraphy, fortification and chronology. The gorodishche is a one-layer settlement with a short period of existence. It appeared on the territory of a settlement of Late Bronze Age. A sterile layer separates Saltovo layer and fortification constructions from it. The investigation of fortification buildings (the bases of two towers, curtain and a room for guards) and the conclusions of the preceding researchers (I.Satsiperov, M.I.Artamonov, S.A.Pletneova) enable us to reconstruct fortification structures of Right-bank Tsimlianskoe Gorodishche. This site is referred to "Stone fortified settlements" of Khazar Caganate, i. e. to the fortresses with closed walls with quadra faced with plates laying. In fortification of Right-bank Tsimlianskoe Gorodishche new techniques are traced: special system of towers located in the most important places of the defense; the division of the fortress into three parts.

The dwellings investigated on the territory of the site are nomads' tents only, with characteristic open fire-places. Pottery complex in content and appearance is typically Saltovo-Mayatski one. Among weapons, tools there are many iron wares of local manufacture. An inscription with some different signs on a bone is a unique find on this site.

Unfortunately, the excavations gave no evidence proving the date of the foundation of the fortress and chronology of its final phase of existence. Judging by the indirect data (pottery complex, building materials, coin buried treasure) the scheme of chronology of the site is the following: the origin of Right-bank Tsimlianskoe Gorodishche should be related with the inner stabilization and general strengthening of Khazar Caganate in the second half of the 8th - the beginning of the 9th century. During some period the fortress existed together with Sarkel (founded in 834) and was destroyed as a result of internal struggle.

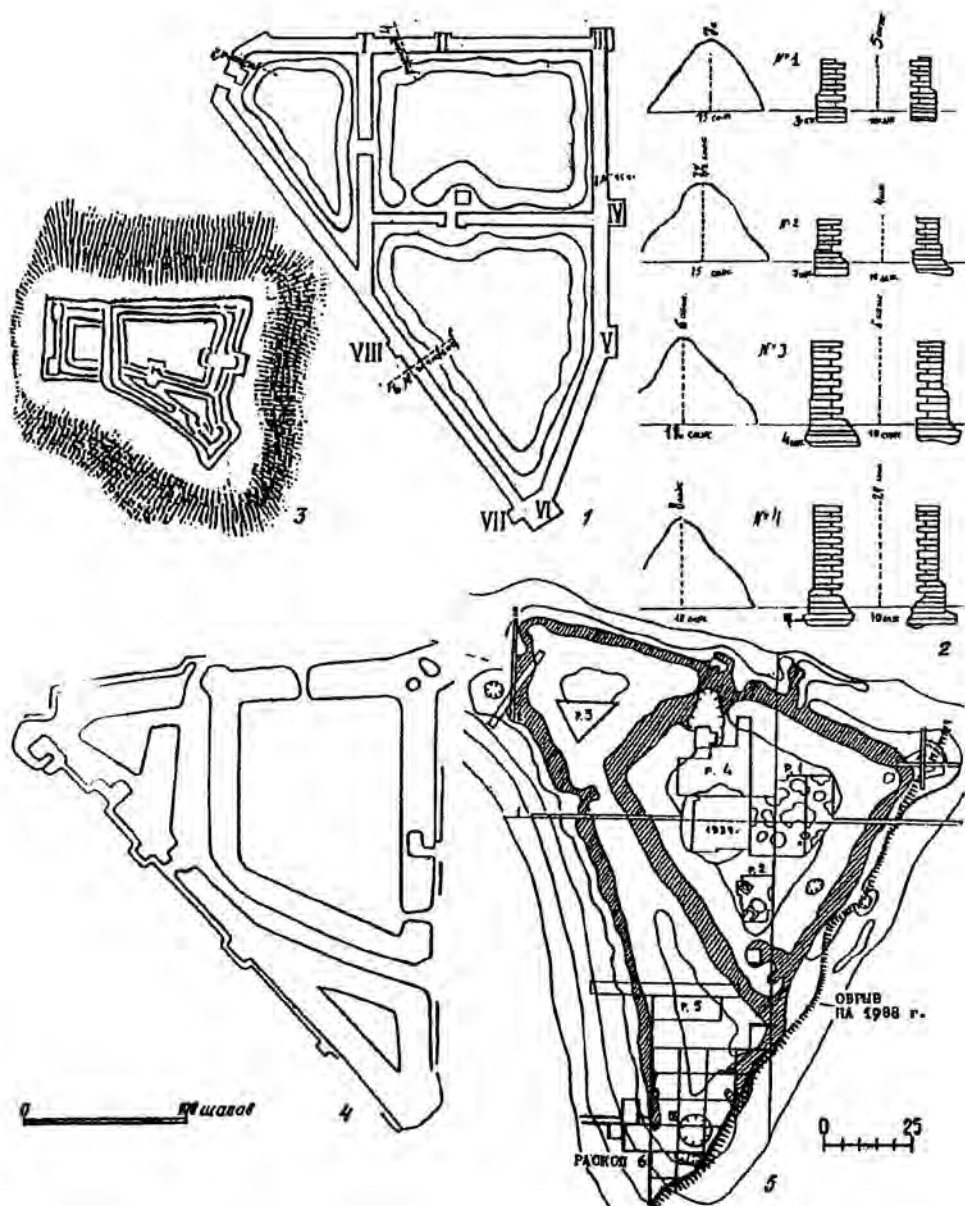

Рис. 1. Правобережное Цимлянское городище. Планы: 1-2 - И. Сацнперова, 1743 г.; 3 - Сулива, 1844 г. (по Х. И. Попову); 4 - М. И. Артамонова, 1935 г.; 5 - С. А. Плетевой (с добавлениями В. С. Флерова, 1990 г.).

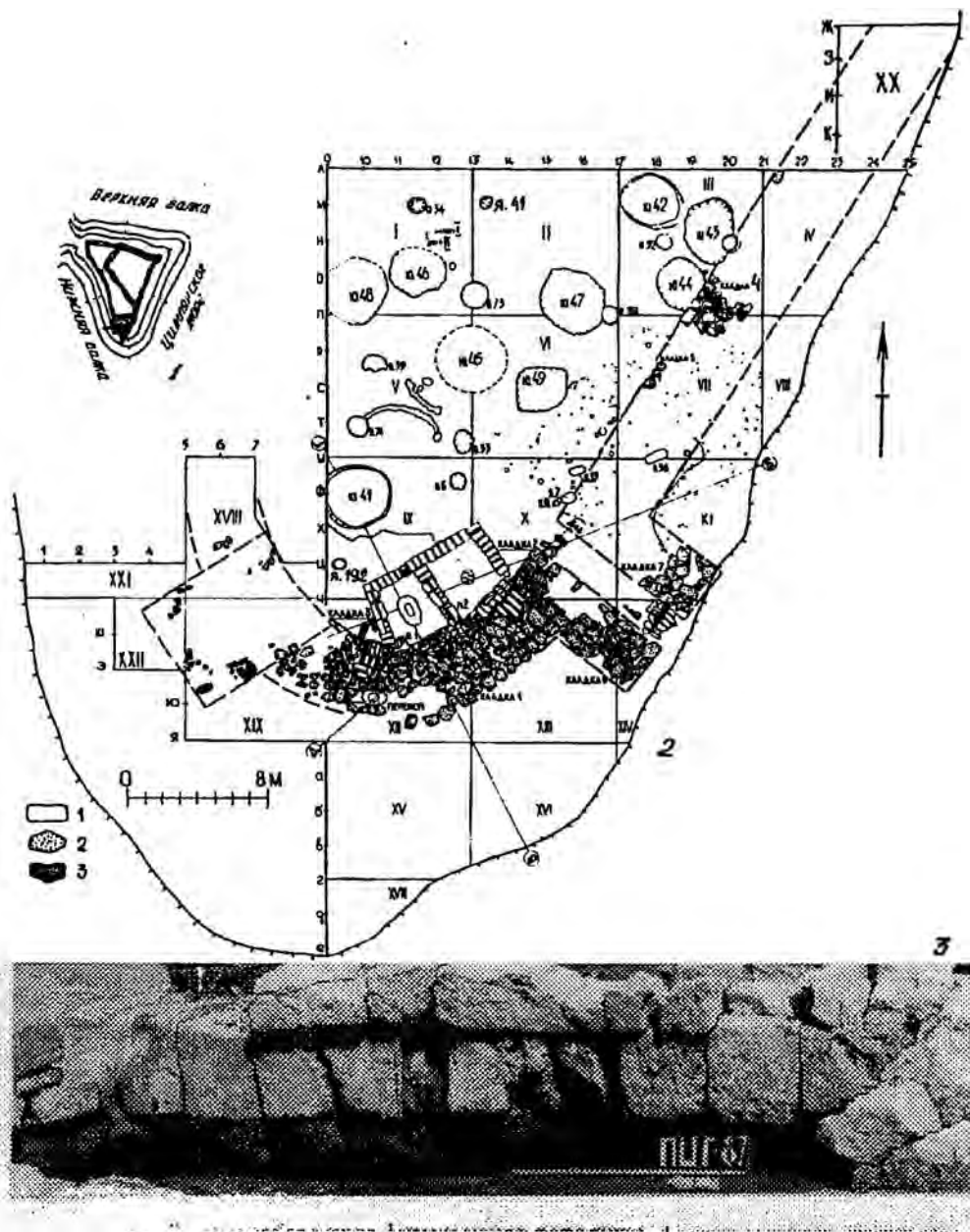

Рис. 2. Правобережное Цимлянское городище. 1 - план городища, черным залив раскоп № 6; 2 - раскоп № 6 (условные обозначения: 1 - блоки, 2 - плиты песчаника и ракушечника, 3 - плиты сланца); 3 - поперечная стена приватной постройки, вид с запада.

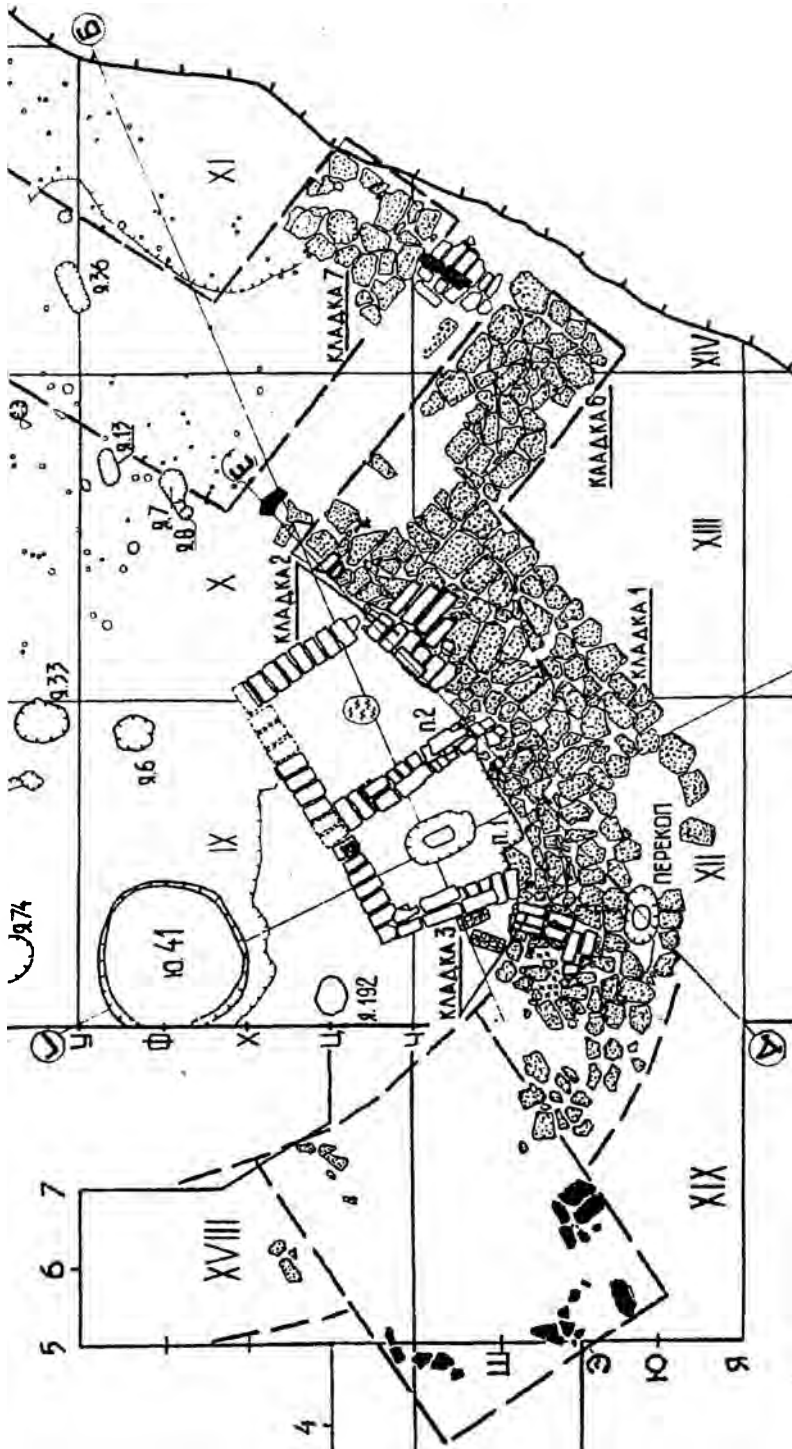

Рис. 3. Правобережное Димлянское городище. Южная куртина, башни, привратная постройка.

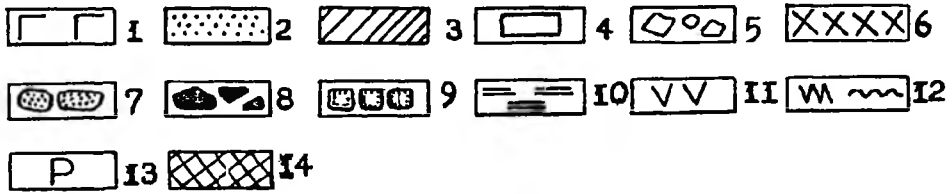
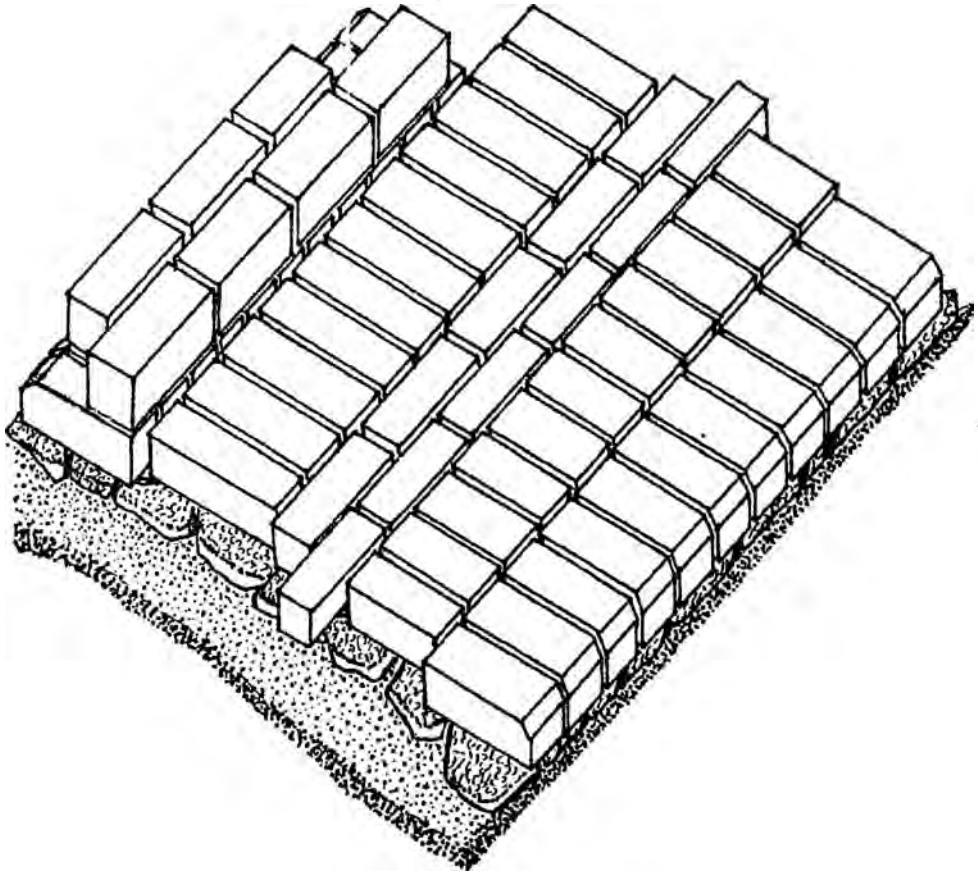

Рис. 4. Вариант реконструкции основания крепостной стены. Условные обозначения для рисунков 3-11: 1 - гумус, 2 - песок, 3 - серая супесь, 4 - блоки, белый известняк, 5 - обломки блоков, щебень, 6 - известняковая крошка, 7 - плиты ракушечника и желтого песчаника, 8 - плиты черного сланца, 9 - кирпичи сырцовые, 10 - суглинок, 11 - угли древесные, 12 - зола, 13 - кости и чешуя рыбы, 14 - слой бронзового века.

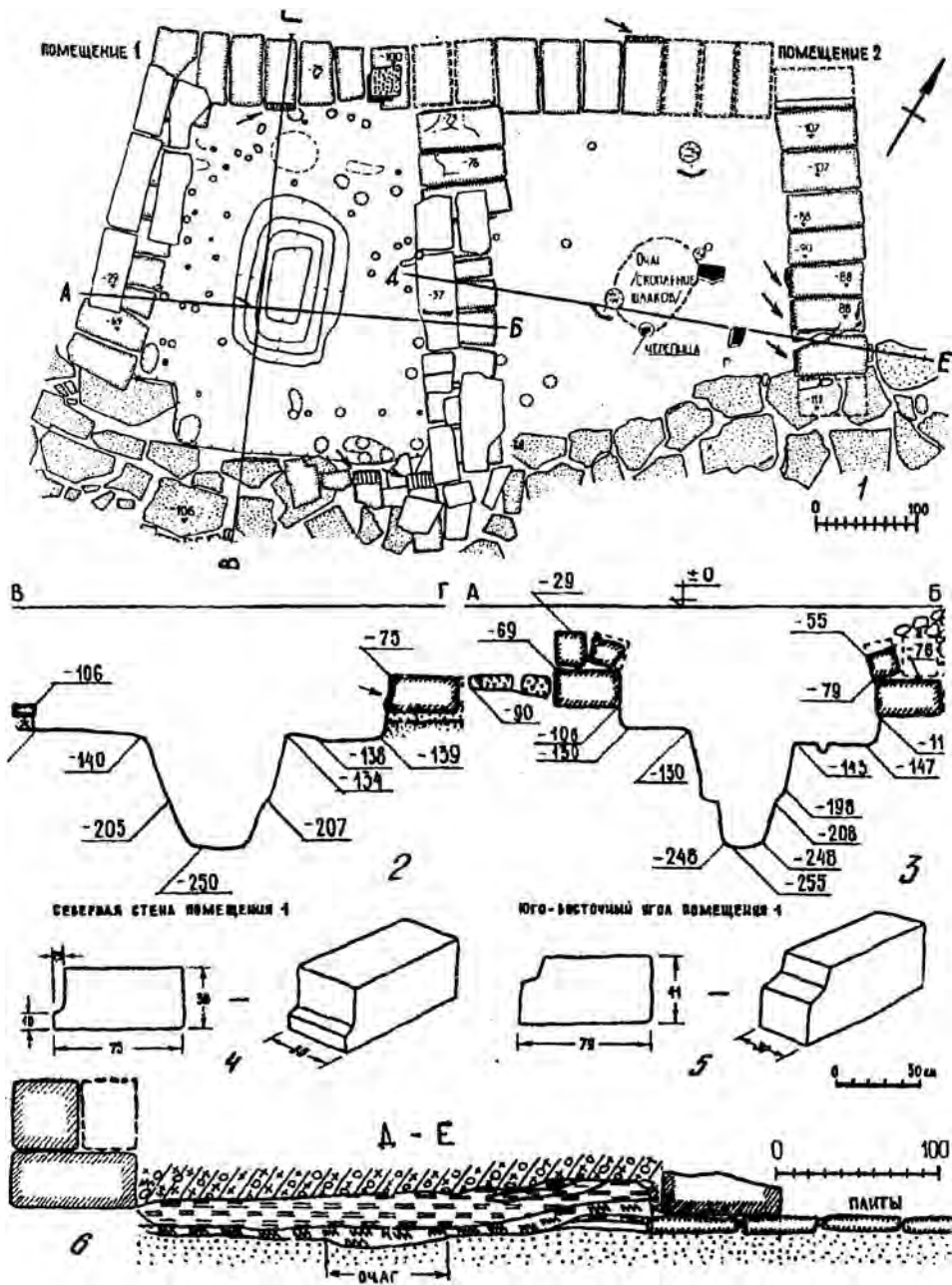

Рис. 5. Привратная постройка. 1 - план (стрелками указаны блоки с вырезами и скосами); 2, 3 - разрезы помещения № 1; 4, 5 - блоки с вырезами; 6 - разрез помещения № 2.

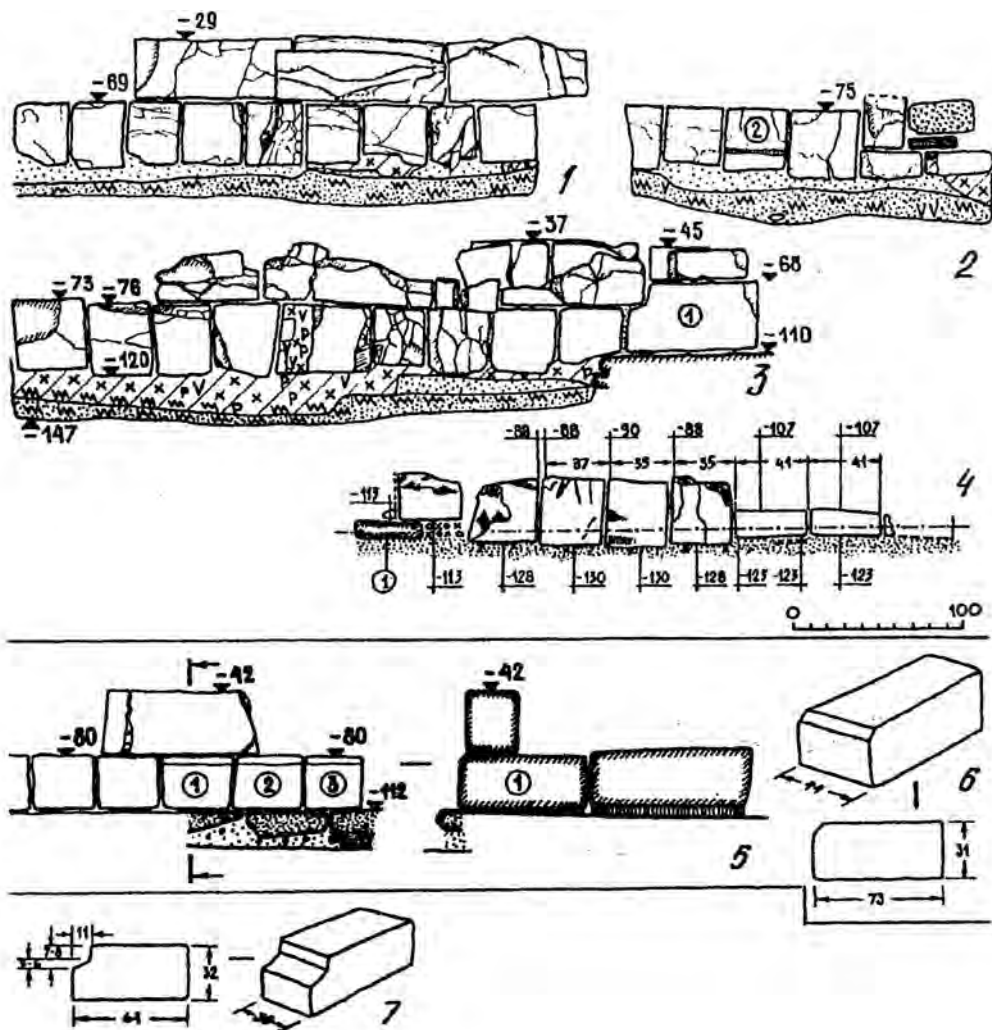

Рис. 6. Стены привратной постройки. 1 - западный фас западной стены; 2 - внутренний фас северной стены в помещении № 1; 3 - западный фас поперечной стены 4 - восточный фас восточной стены. Южная куртина: 5 - «кладка 2», 6 - блок из «кладки 2», 7 - блок из «кладки 3».

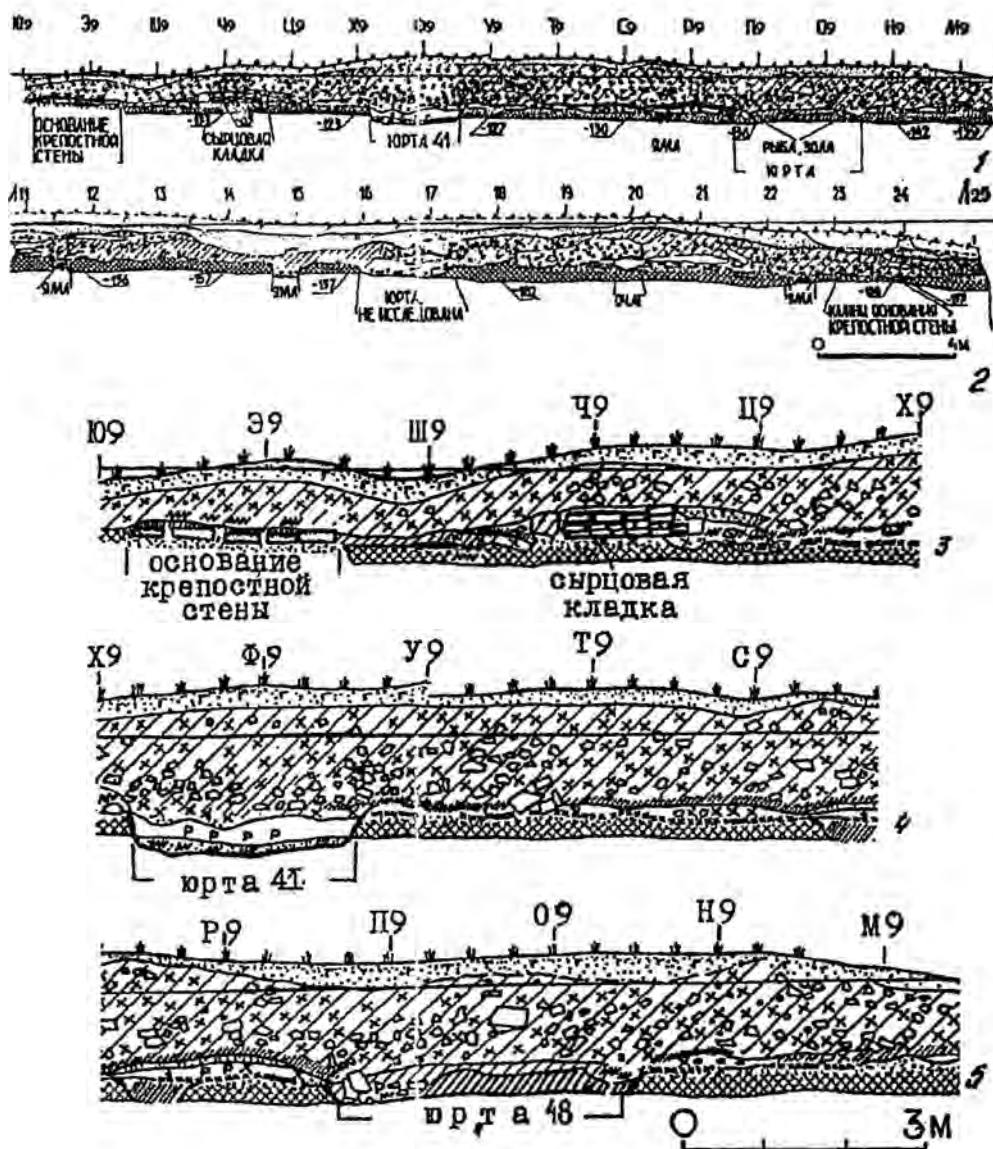

Рис. 7. Разрез Ю9-М9 (1, 3-5 - западный борт раскопа); разрез Л11-Л25 (2 - северный борт раскопа).

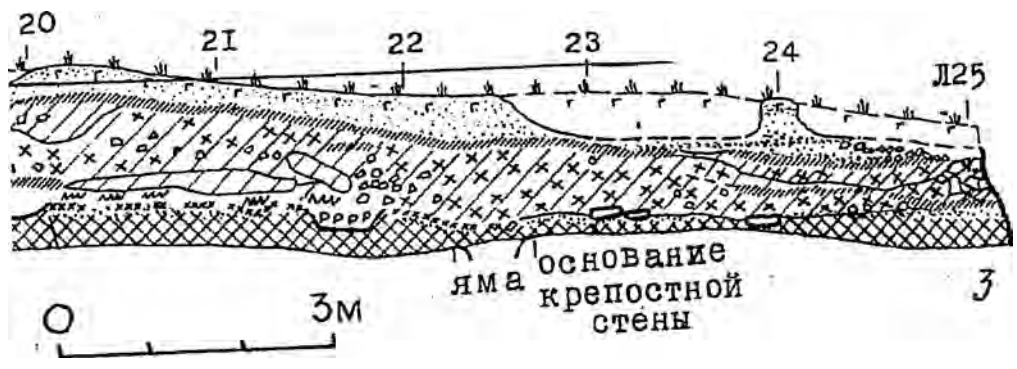
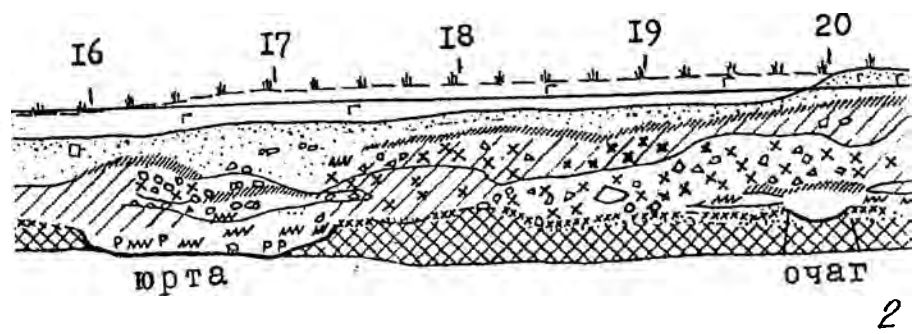
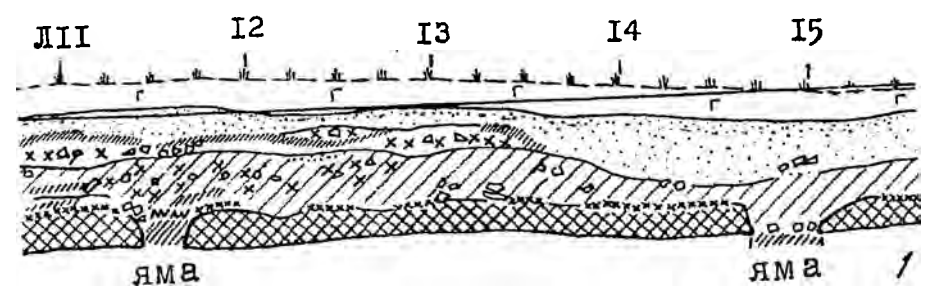

Рис. 8. Разрез Л11-Л25 (северный борт раскопа).

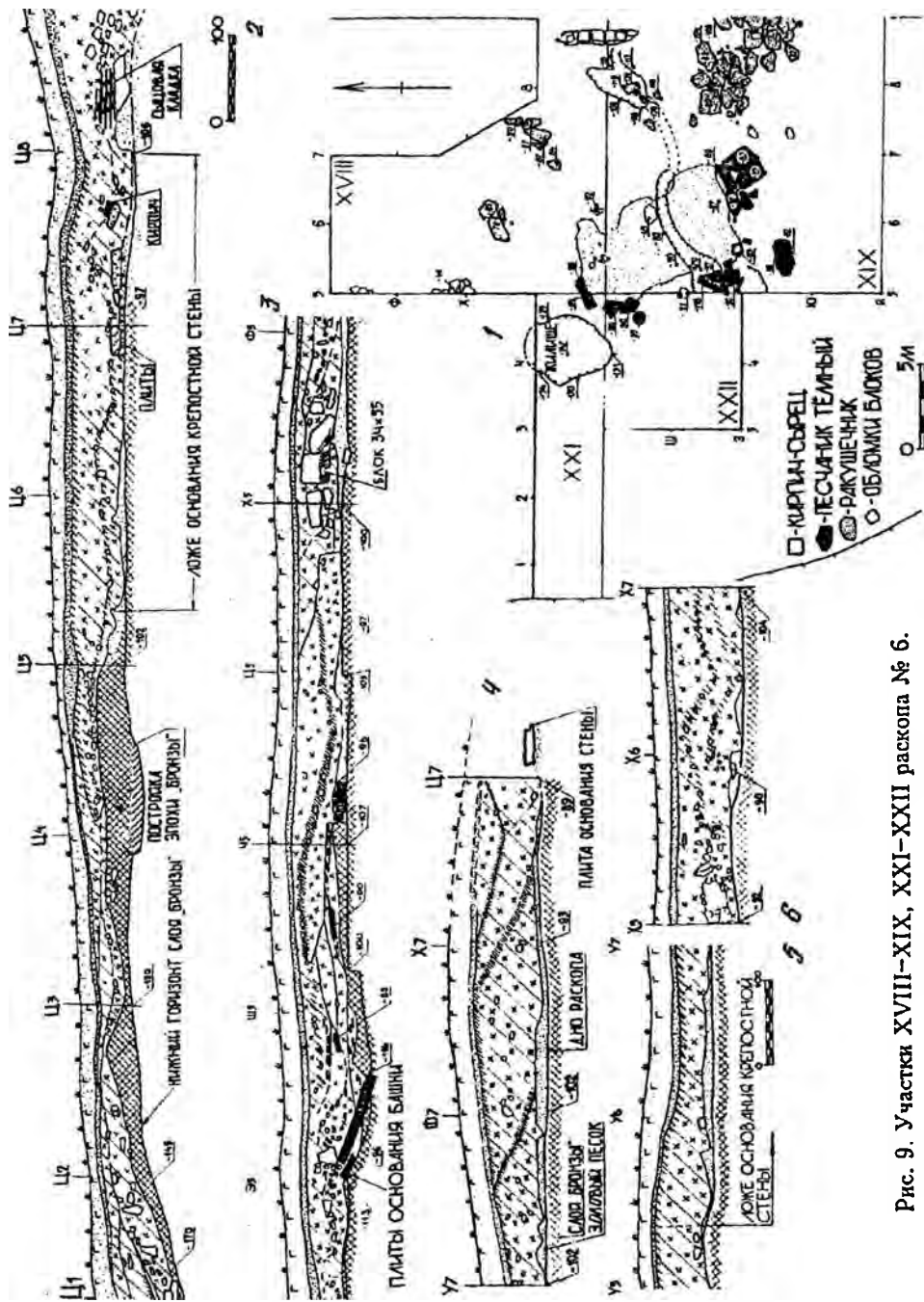

Рис. 9. Участки XVIII—XIX, XXI—XXII раскопа № 6.

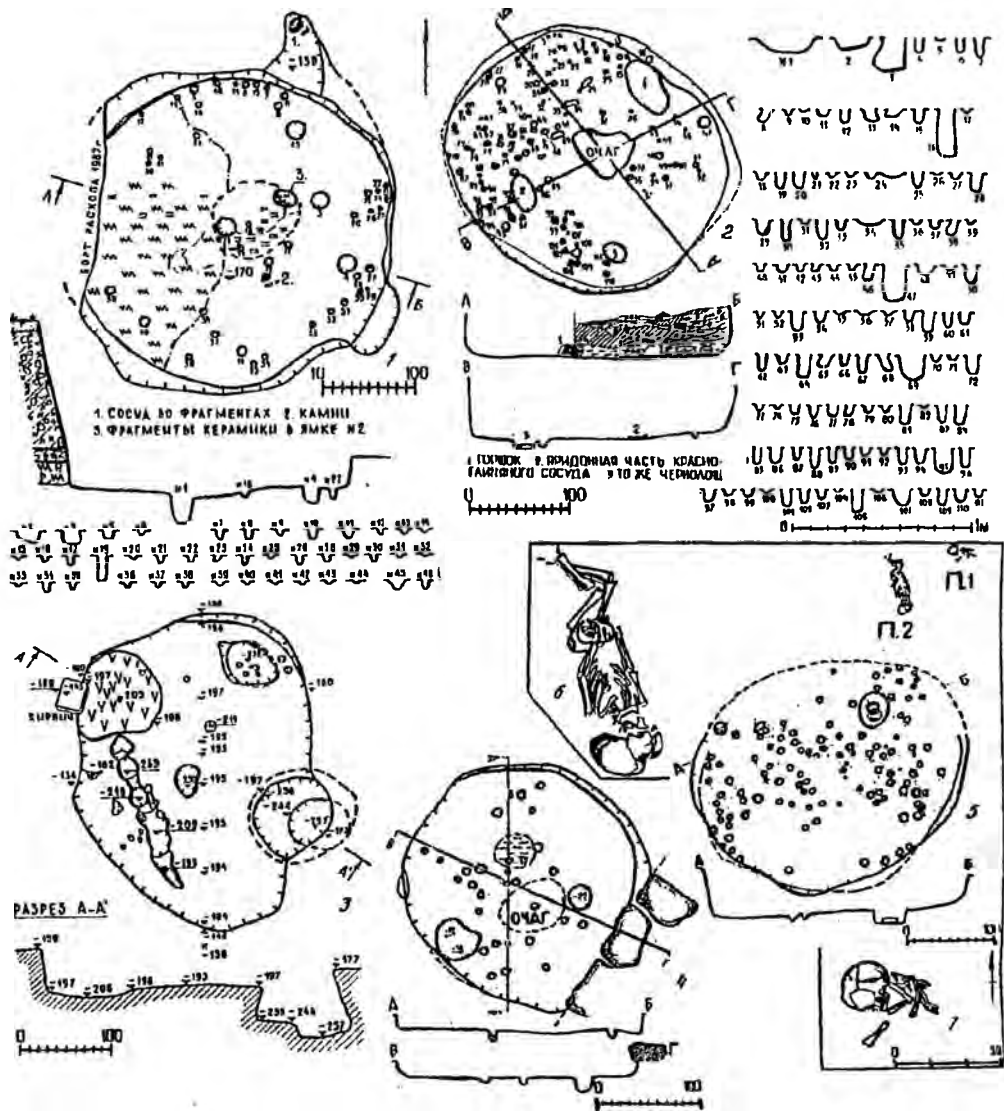

Рис. 10. Жилища. 1 - № 41, 2 - № 42, 3 - № 43, 4 - № 44, 5 - № 46 и погребения 1 и 2: 6 - № 2, 7 - № 1.

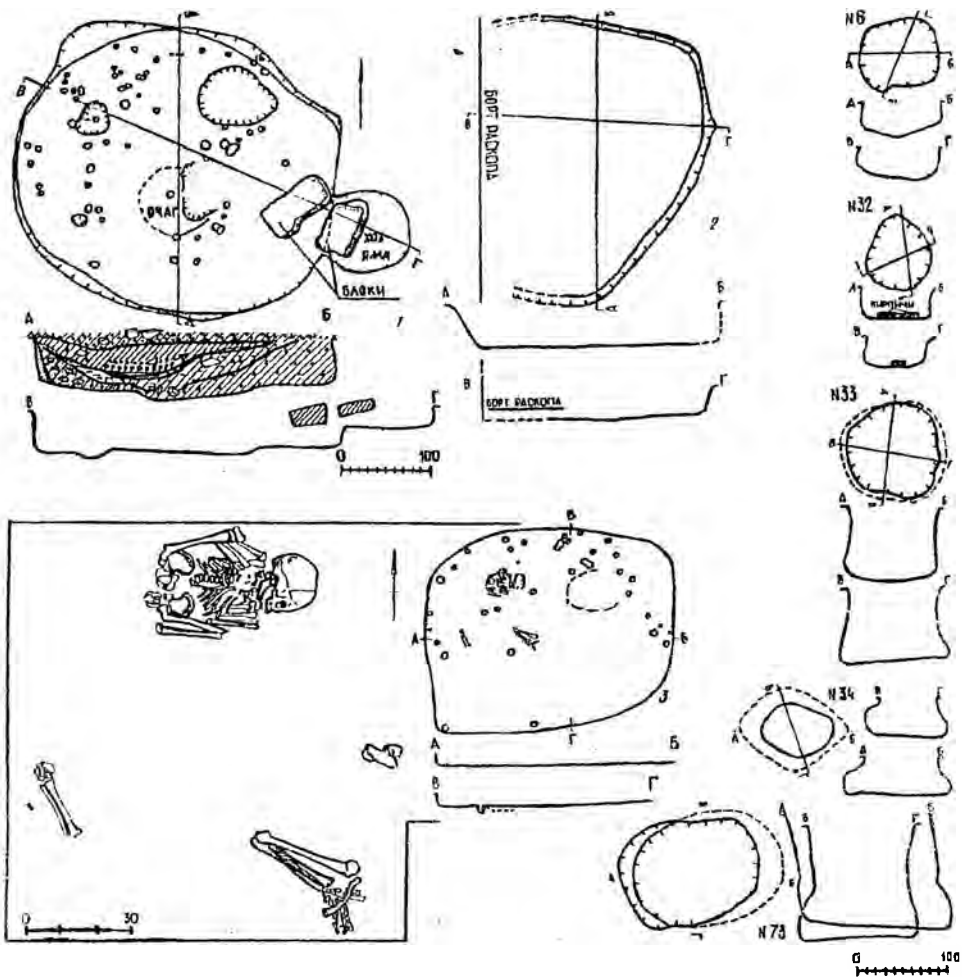

Рис. 11. Жилища и хозяйственные ямы. 1 - № 47, 2 - № 48, 3 - № 49, 4 - захоронения в жилище № 49.

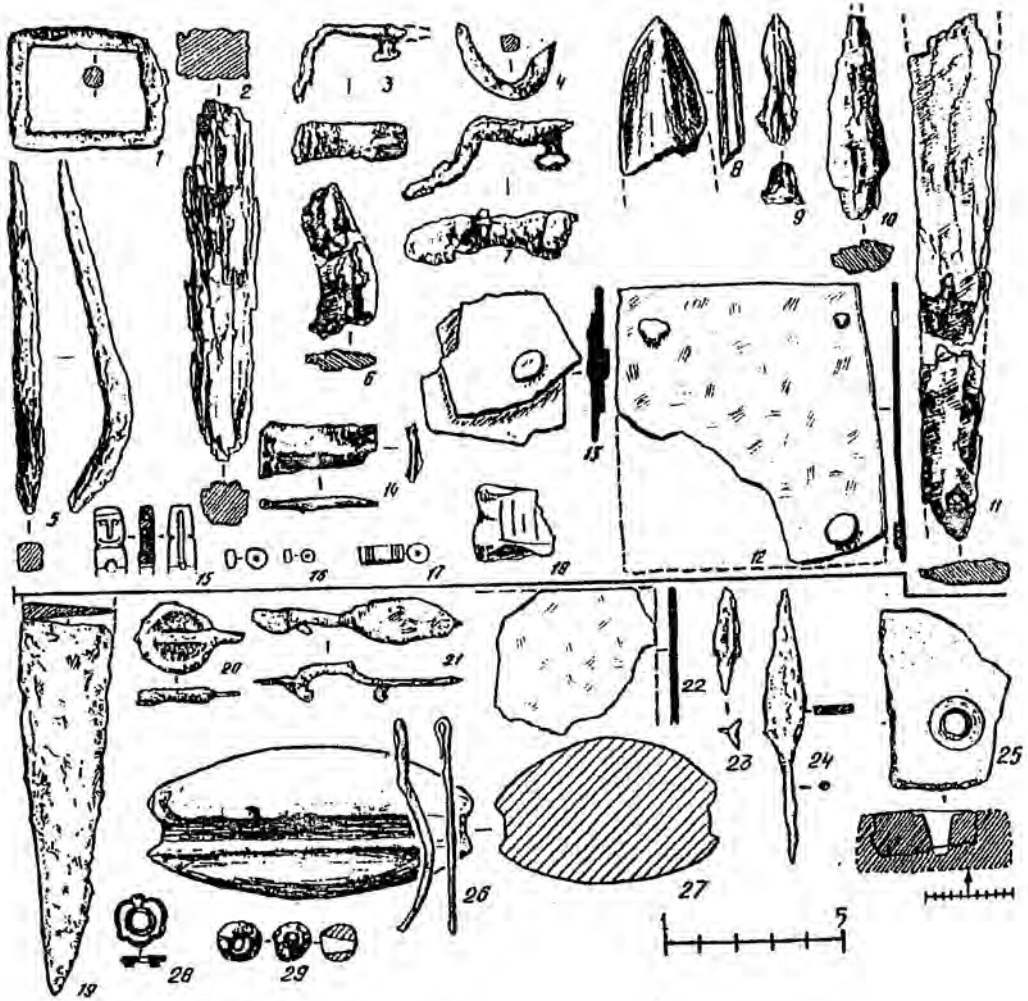

Рис. 12. Вещи из жилищ № 41 (1-18) и № 42 (19-29). Железо: 1-13, 19-26. Бронза: 14, 28. Стекло: 15 - синее, 16 - синее, 17 - коричневое и зеленое, 29 - темное. Кость: 18. Камень: 25, 27.

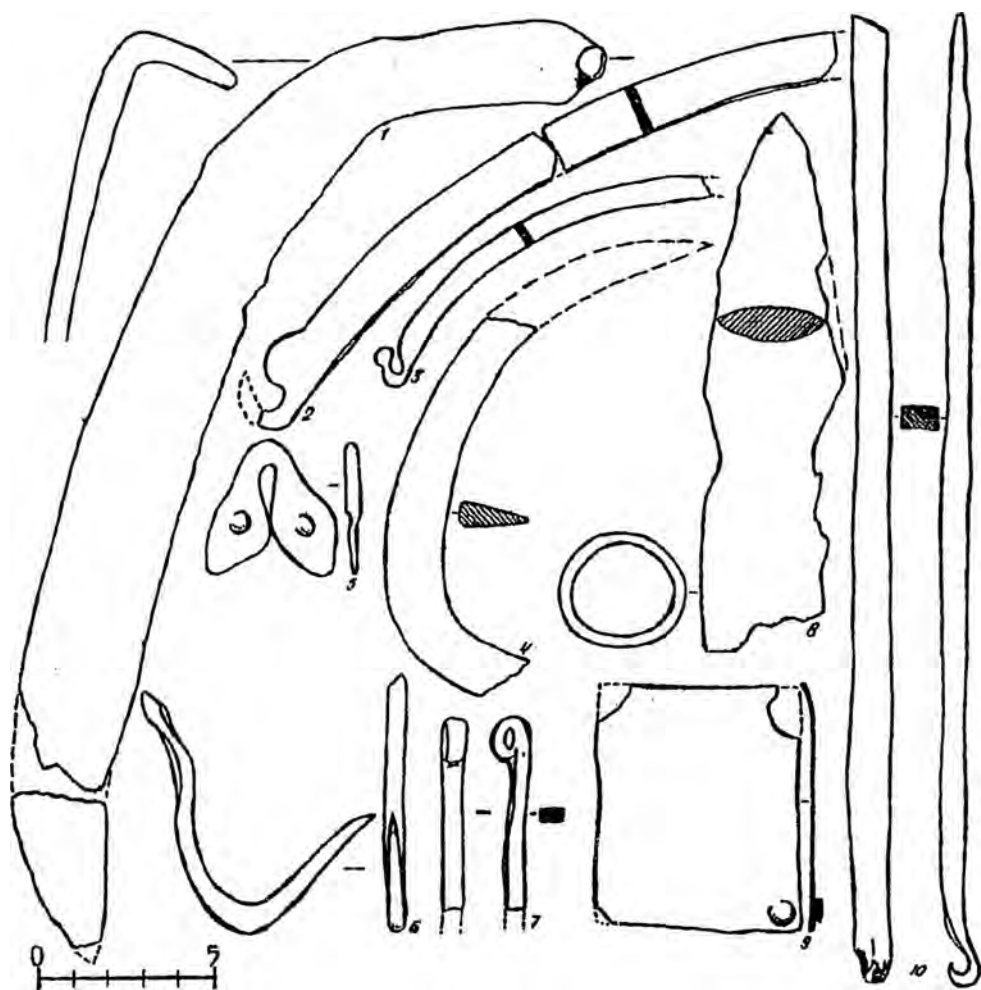

Рис. 13. Вещи (железо) из жилища № 43.

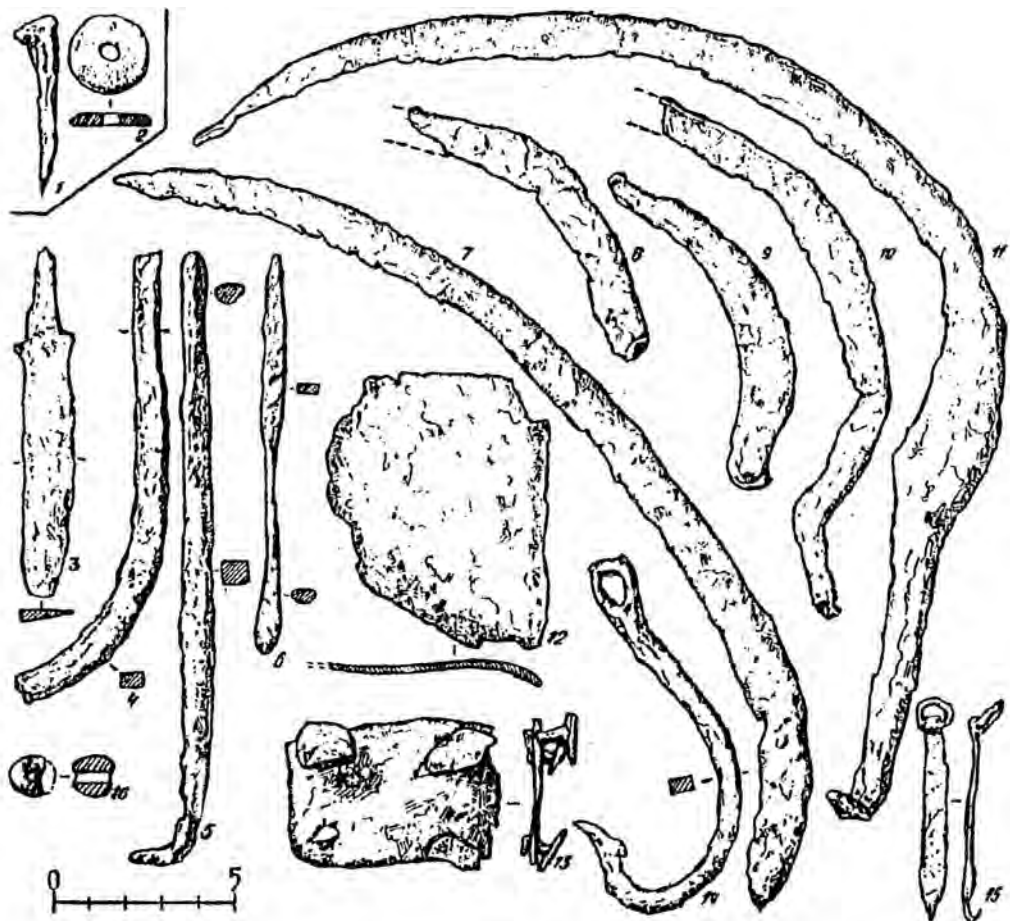

Рис. 14. Вещи из жилища № 44 (1, 2) и № 46 (3-15). Железо: 1, 3-15. Серый металл: 2. Стекло темное: 16.

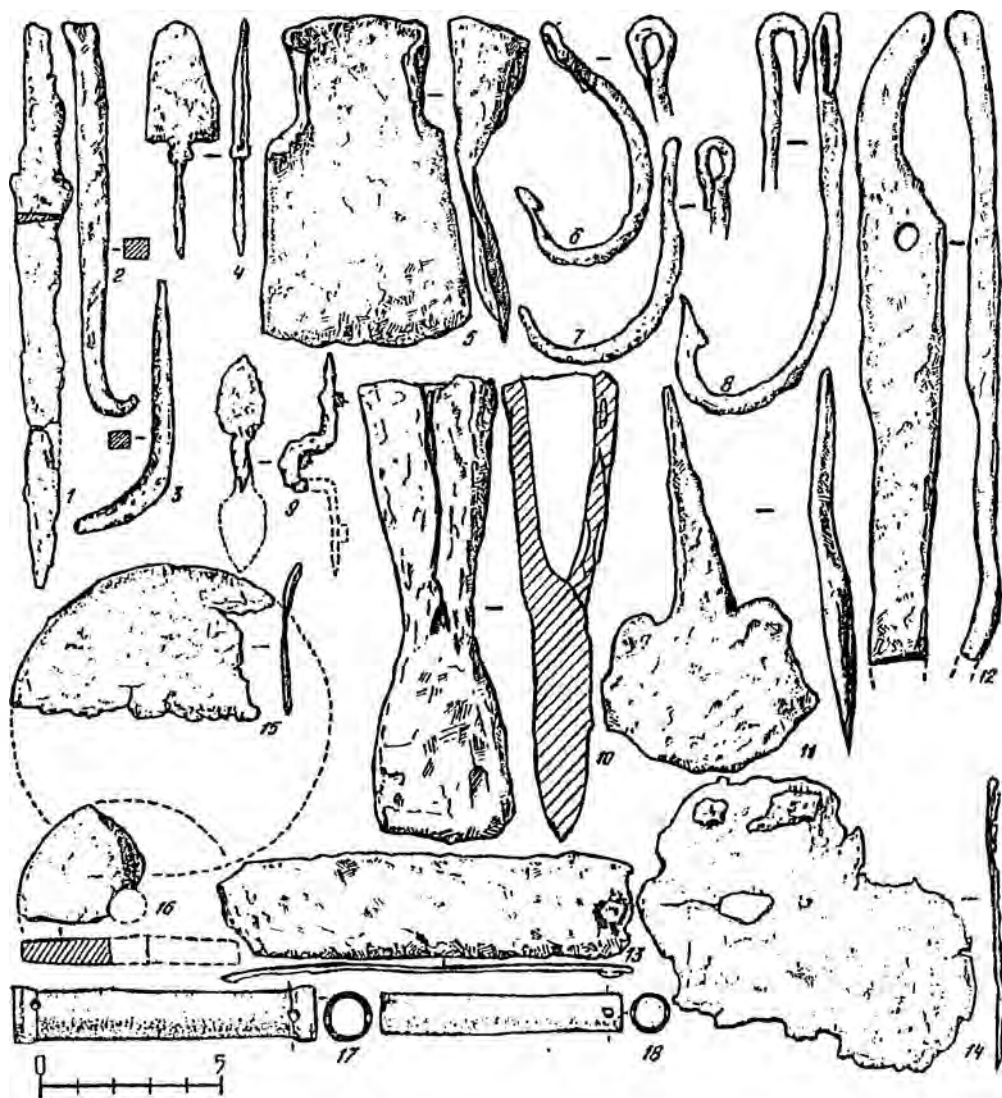

Рис. 15. Вещи из жилища № 47. Железо: 1-15. Пяслице из стенки сероглиняного сосуда: 16. Кость: 17, 18.

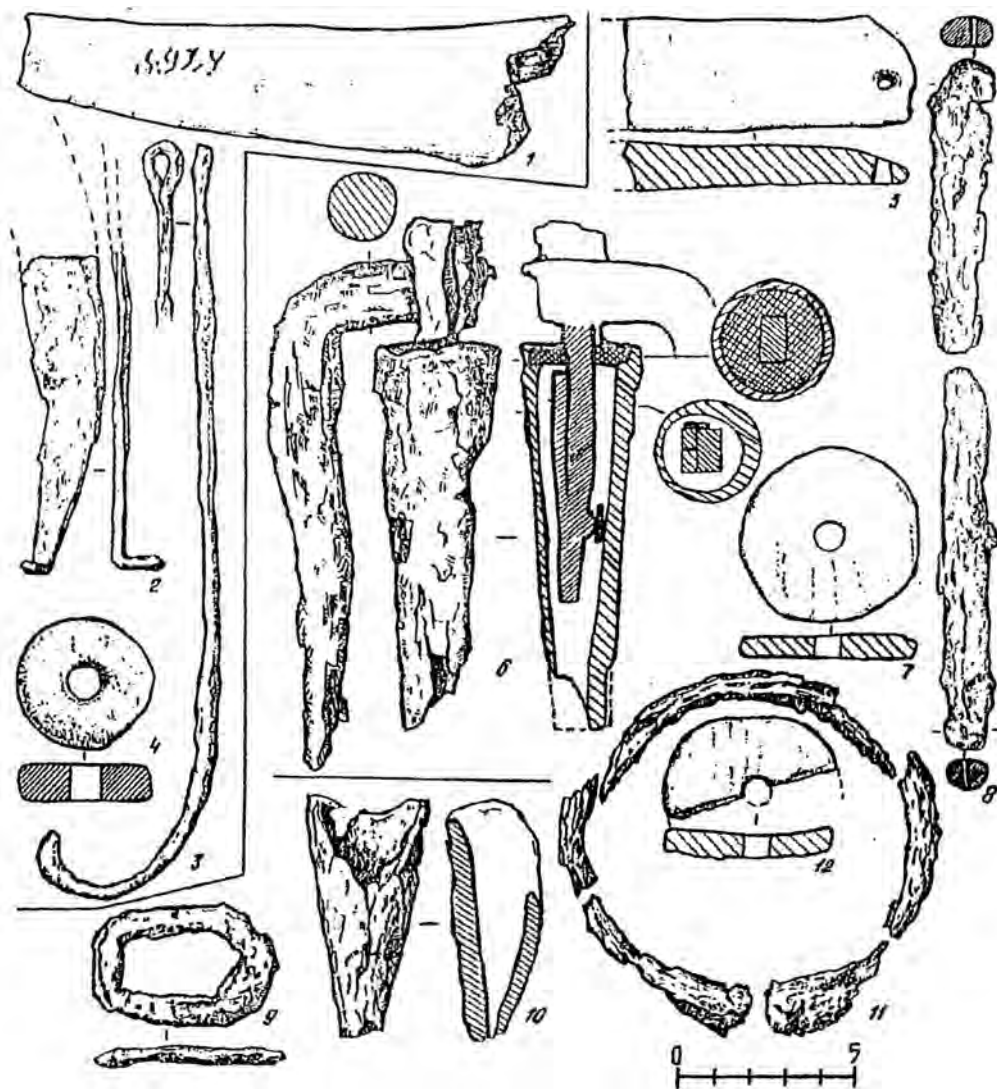

Рис. 16. Вещи из жилищ № 48 (1-4) и № 49 (5-11). Кость с руническими знаками: 1. Железо: 2, 3, 6, 8-11. Пряслице из стенки амфоры: 4. Камень: 5. Пряслица из стенок лощеных сосудов: 7, 12.

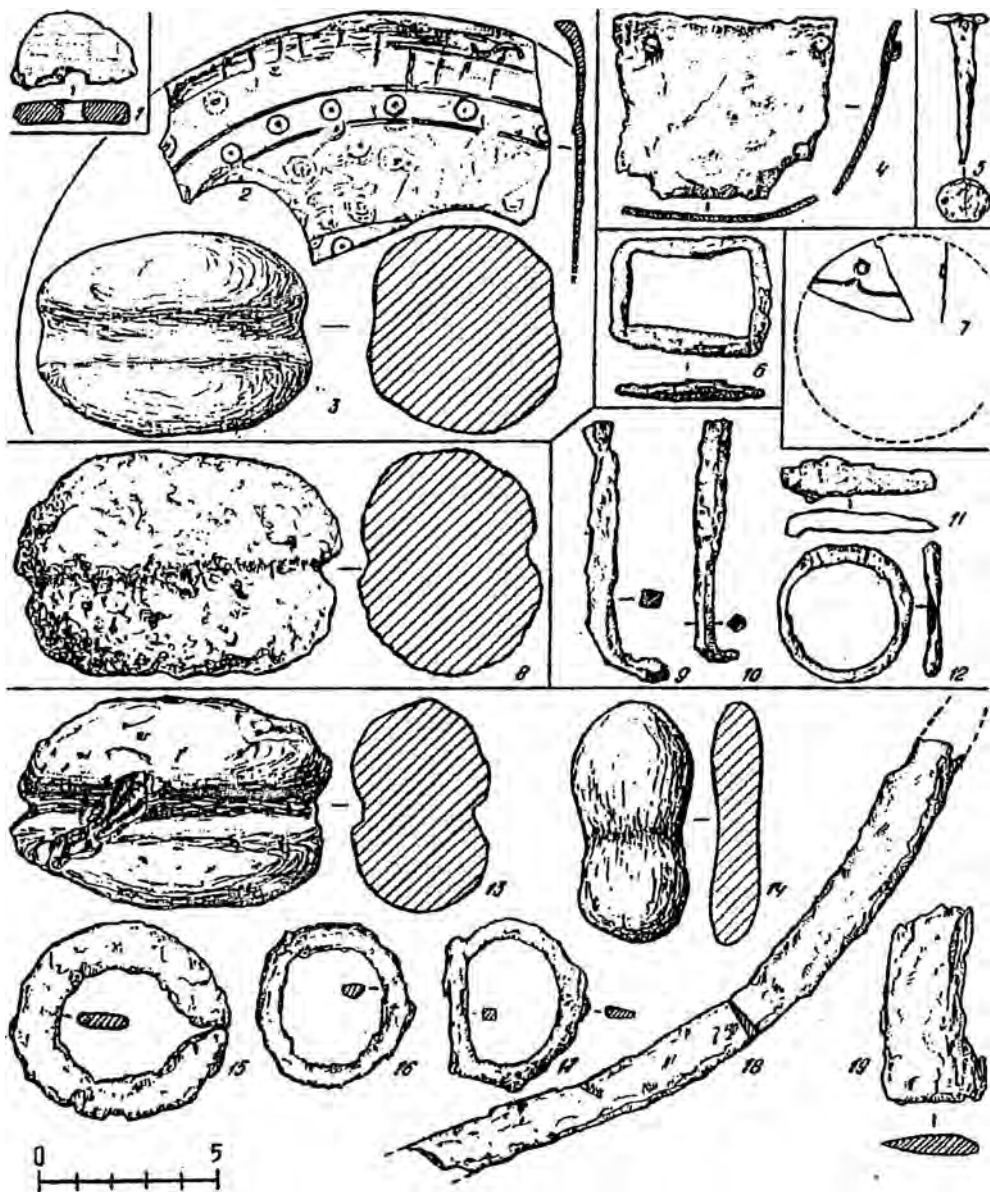

Рис. 17. Вещи из ям № 5 (1), № 32 (2-3), № 33 (4), № 73 (5), № 41 (6), № 47 (7), № 189 (9-12), № 39 (13-19). Пряслице из сероглиняного сосуда: 1. Бронза: 2, 7. Камень: 3, 8, 13-14. Железо: 4-6, 9-12, 15-19.

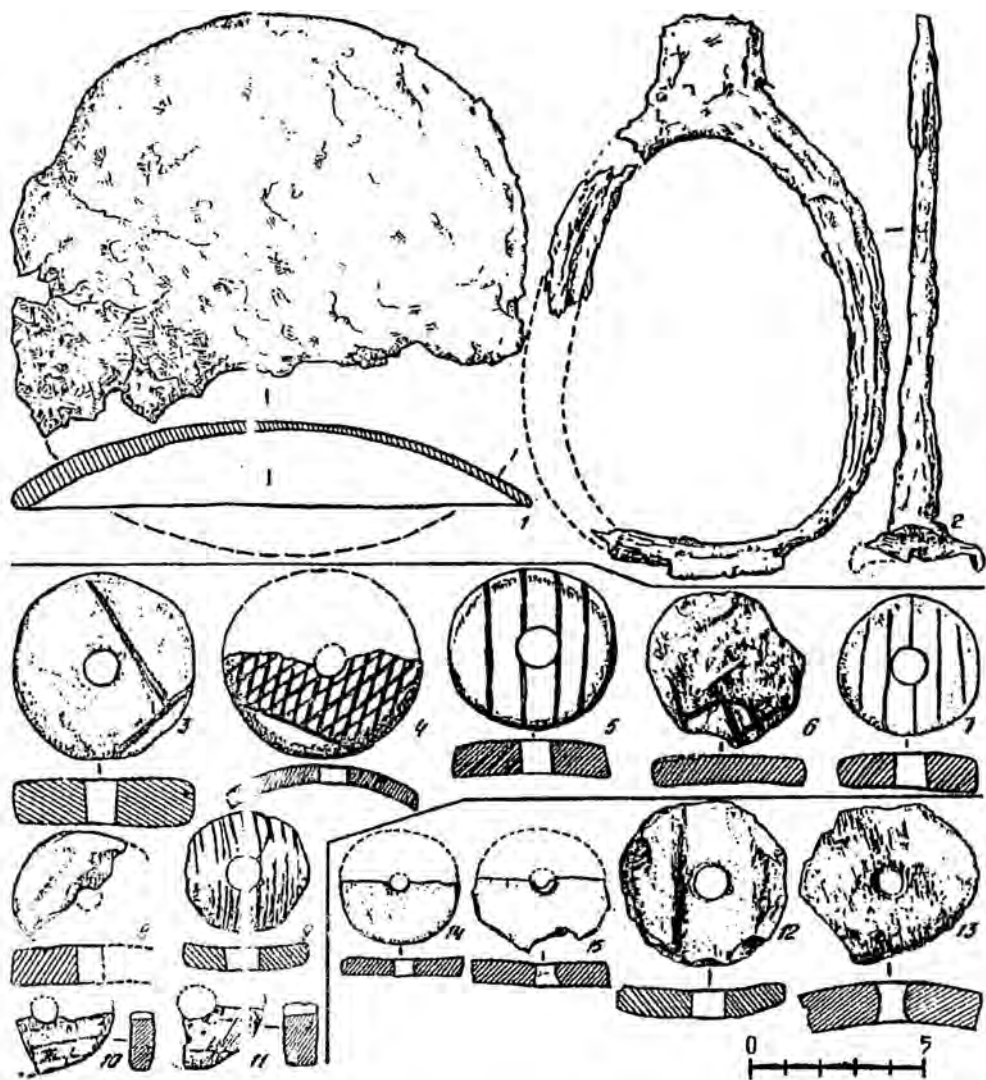

Рис. 18. Вещи из ямы № 39 (1-2) и пряслица из слоя: из стенок лощеных сосудов (3-7), горшков (8-11), амфор (12-15).

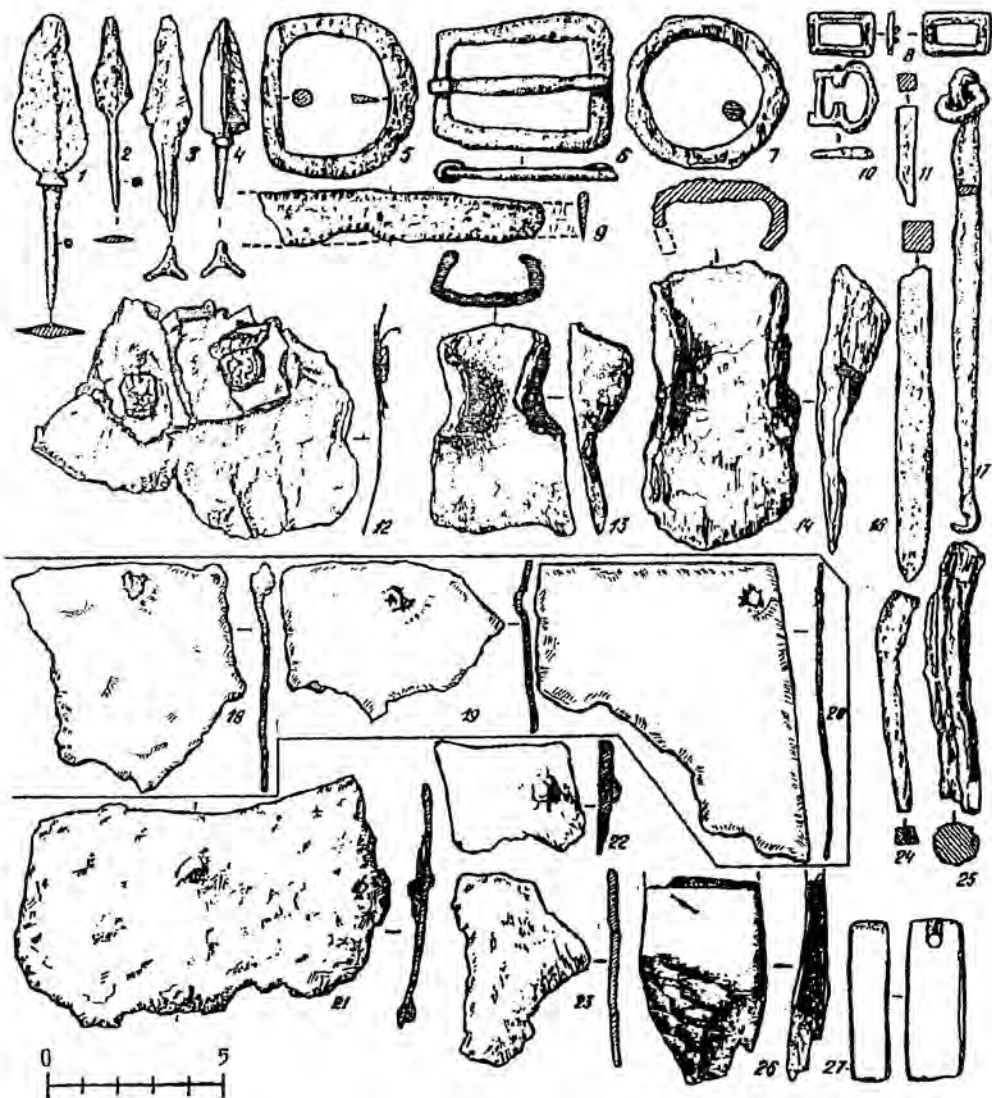

Рис. 19. Вещи из слоя и сборов (2-3, 8, 10); Железо: 1-7, 9, 13-14, 16-25.
 Бронза: 8, 10, 12. Золото (?): 11. Камень: 26-27.

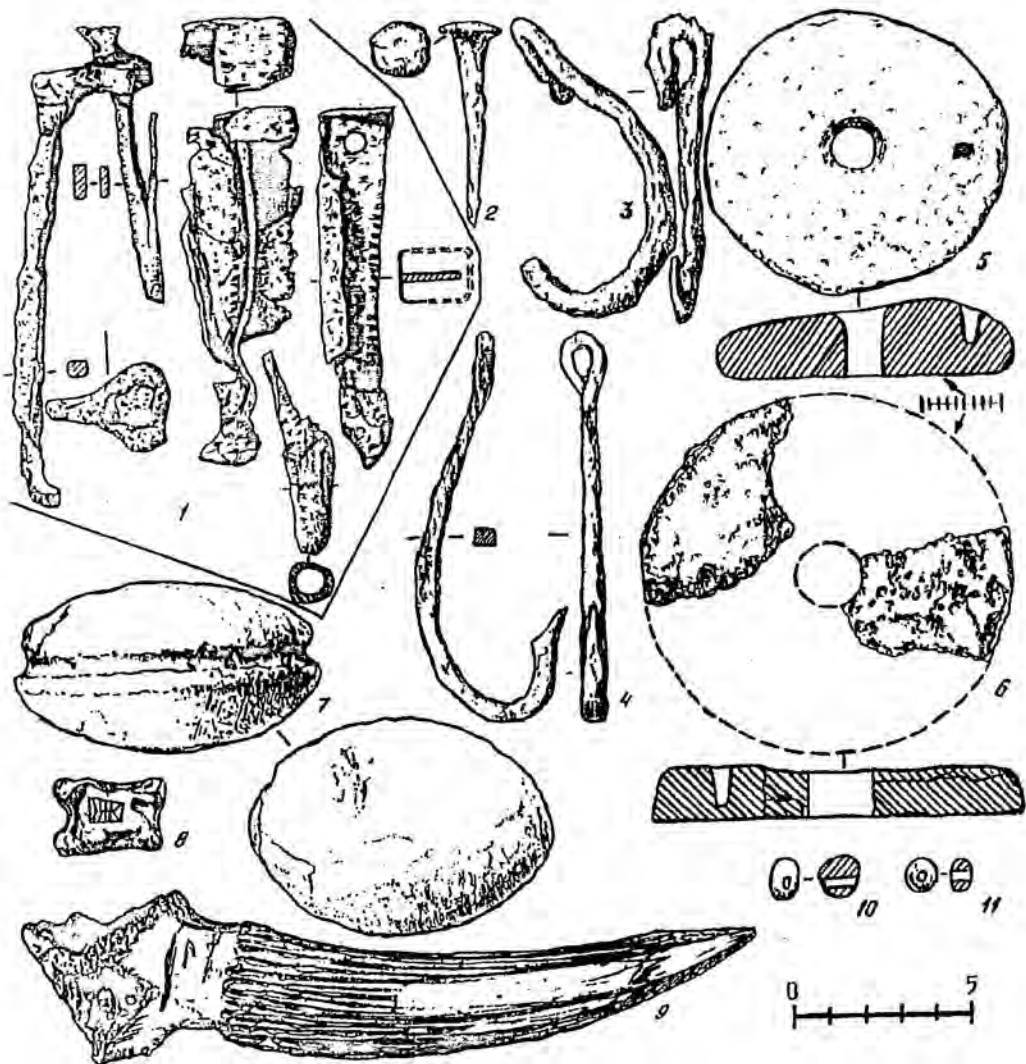

Рис. 20. Вещи из слоя. Железо: 1-4. Камень: 5-7. Кость: 8. Рог: 9. Стекло: 10-11.

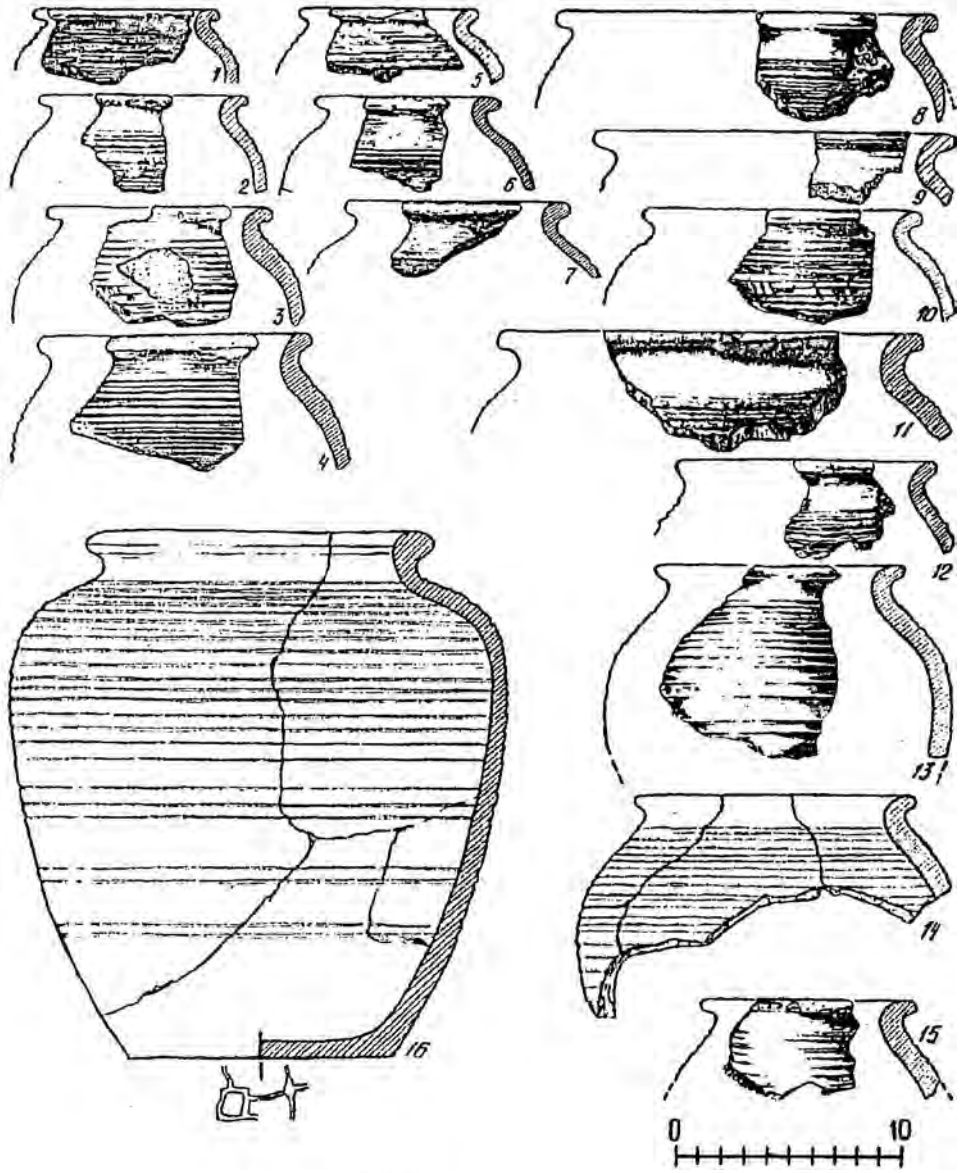

Рис. 21. Горшки.

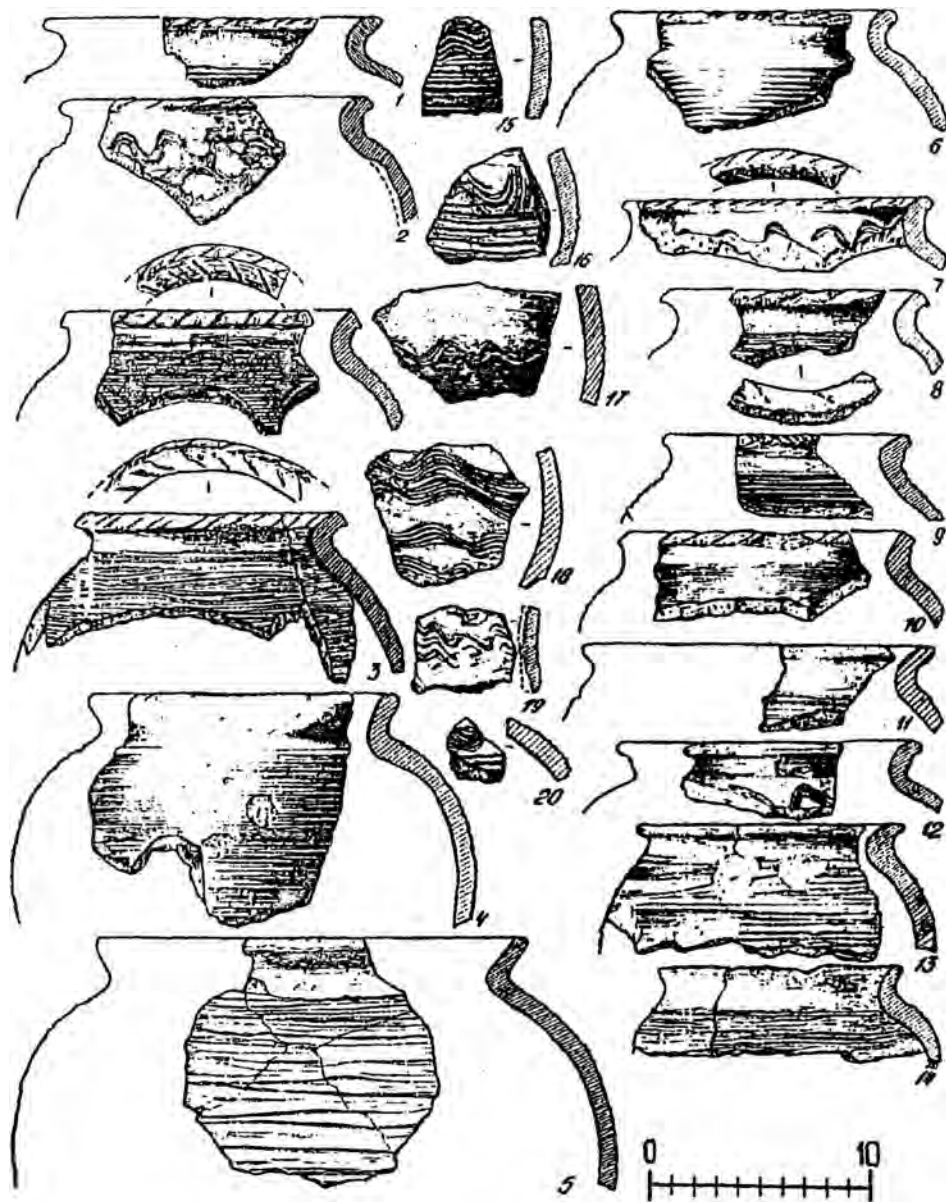

Рис. 22. Горшки.

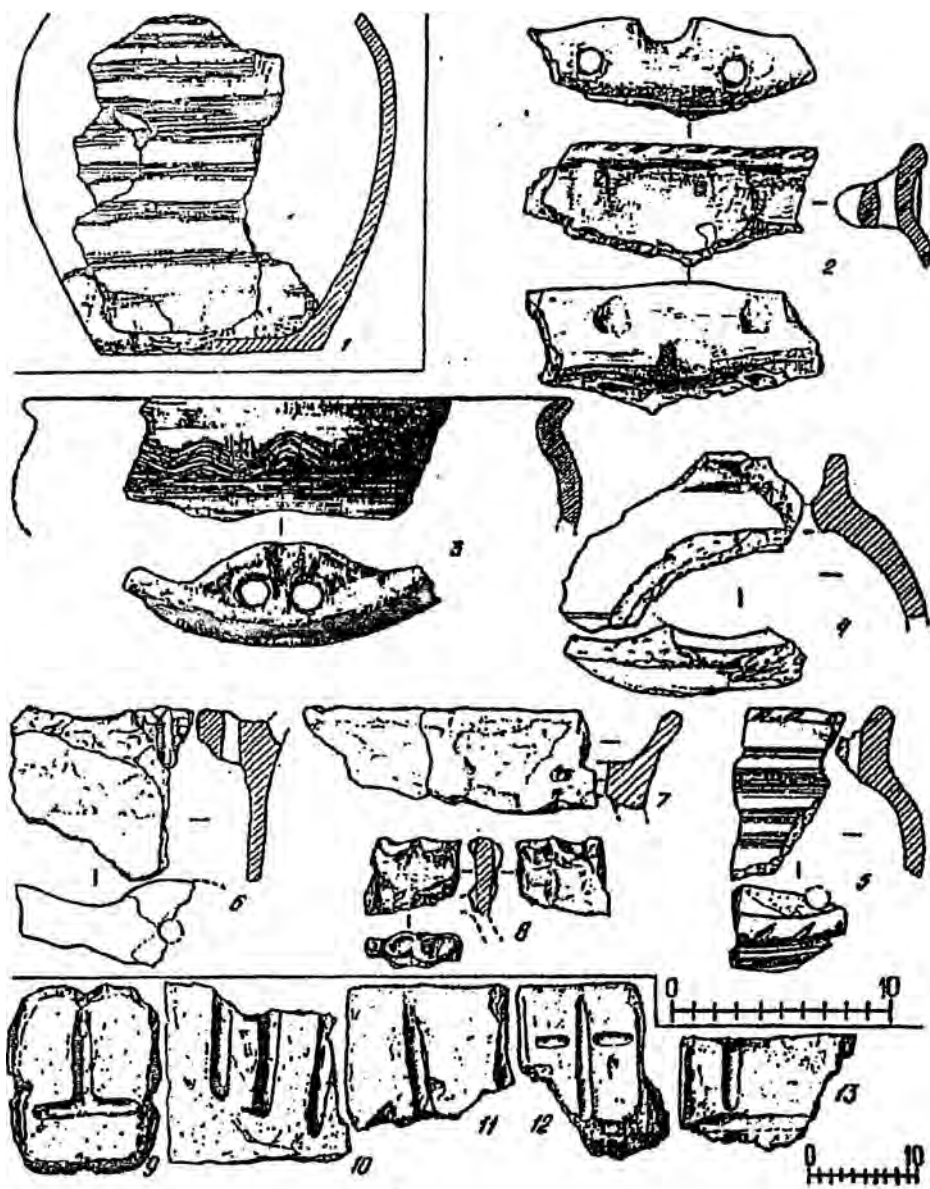

Рис. 23. Горшок. (1), котлы (2-8), грузило из кирпича (9), кирпичи (10-13).

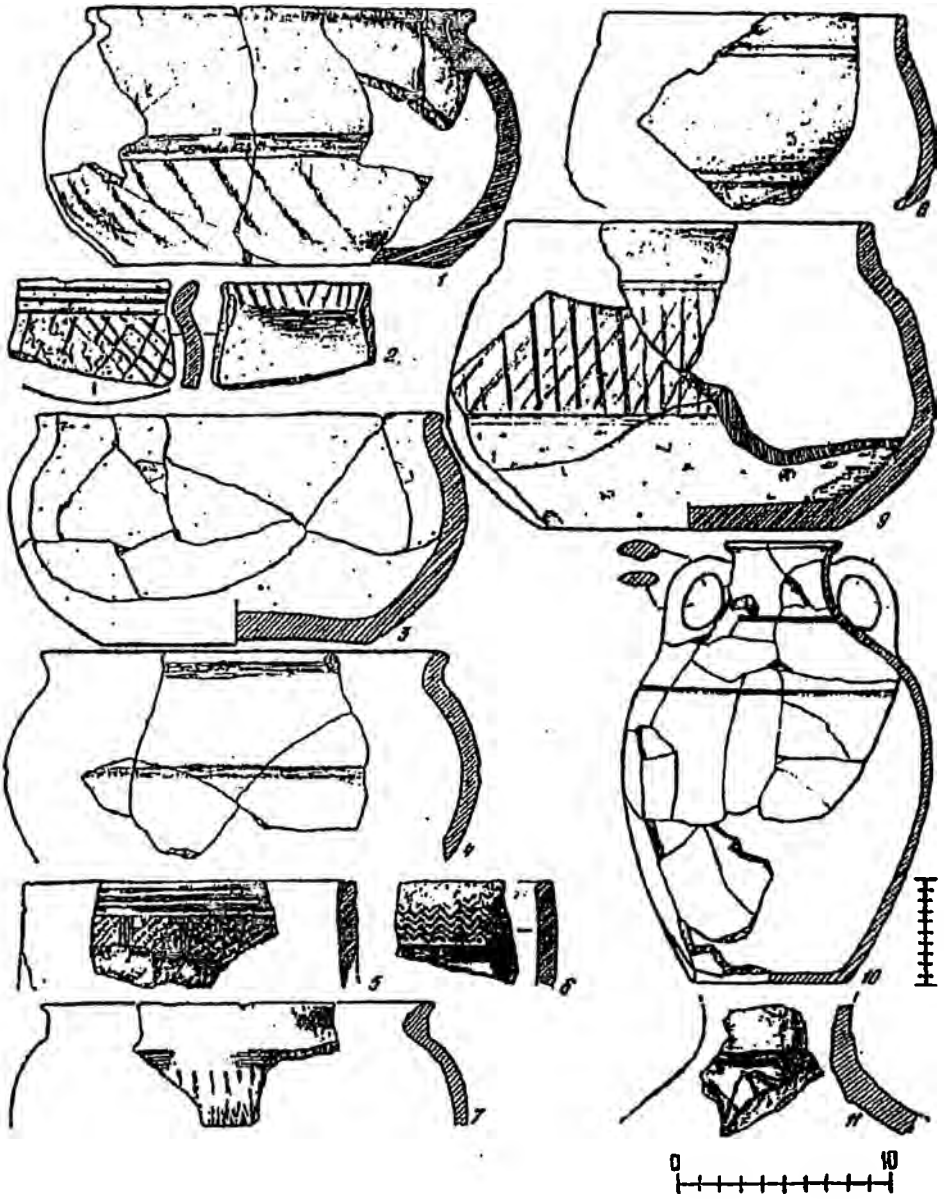

Рис. 24. Лощеная керамика.

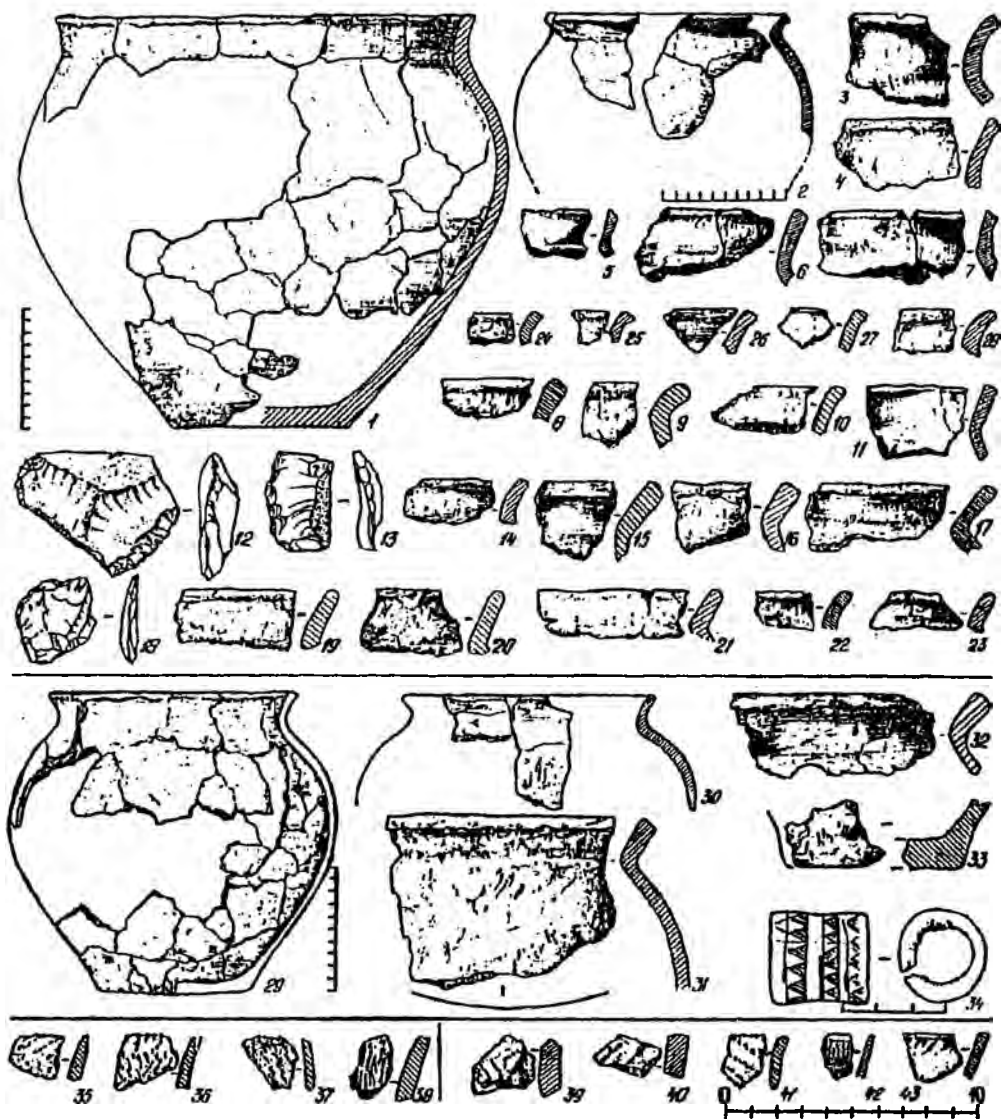

Рис. 25. Вещи из слоя бронзового века. 1-23 - участок XX. Кремь: 12-13.
Кость: 34.